3 1761 07802815 6

Digitized by the Internet Archive
in 2011 with funding from
University of Toronto

http://www.archive.org/details/russkiepisatelid00buni

РУССКІЕ ПИСАТЕЛИ.

LR.C
B9423 ru
Bunin, Ivan Alekseevich (ed.)
Russkie pisateli

РУССКІЕ ПИСАТЕЛИ

подъ редакціей

Академика И. А. БУНИНА.

Д. И. ФОНВИЗИНЪ

Бригадиръ. — Недоросль.

В. В. КАПНИСТЪ

Ябеда.

А. С. ГРИБОѢДОВЪ

Горе отъ ума.

+6026
8.4.47

ИЗДАНІЕ ОБЪЕДИНЕНІЯ ЗЕМСКИХЪ И ГОРОДСКИХЪ ДѢЯТЕЛЕЙ ЗА-ГРАНИЦЕЙ

ПАРИЖЪ

1921.

Imprimerie «ZEMGOR», 216, Bd Raspail, Paris.

ОТЪ ИЗДАТЕЛЬСТВА.

Въ началѣ осени 1920 года издательскій отдѣлъ Объединенія Земскихъ и Городскихъ дѣятелей въ Парижѣ, имѣя твердые заказы для Крыма, предпринялъ между прочимъ подготовку текстовъ русскихъ классиковъ. Редактированіе изданія изъявилъ согласіе взять на себя академикъ И. А. Бунинъ. Планъ изданія въ главнѣйшемъ сводился къ слѣдующему. Рѣшено было, въ соотвѣтствіи съ нуждами момента, отступить отъ обычныхъ пріемовъ изданія классиковъ. Признано полезнымъ установить извѣстную очередь выпуска въ свѣтъ произведеній каждаго писателя, выдѣливъ для начала все, что принято считать въ его твореніяхъ наиболѣе совершеннымъ и безспорнымъ. По мѣрѣ расхожденія этихъ первыхъ томовъ, наиболѣе нужныхъ для всѣхъ, предположено дополнять ихъ новыми — вплоть до выпуска полнаго собранія сочиненій каждаго автора.

Произведена большая работа по провѣркѣ текстовъ, и въ настоящее время четырнадцать томовъ вполнѣ подготовлены къ печати.

Но съ осени 1920 года обстановка измѣнилась. Съ паденіемъ Крыма книгѣ нѣтъ болѣе доступа въ Россію. Твердые заказы пали сами собою, и въ данное время разсчитывать можно лишь на эмигрантскій рынокъ. Нужда въ книгѣ осталась, но покупательная способность за-границей — незначительна. Между тѣмъ изданія русскихъ классиковъ предприняты въ нѣсколькихъ мѣстахъ

Европы. Создавать конкуренцію этимъ издательствамъ не можетъ входить въ планы Объединенія Земскихъ и Городскихъ дѣятелей. Сдѣланная работа не пропадетъ и, съ наступленіемъ лучшихъ временъ, будетъ реализована въ Россіи или для Россіи. Пока-же издательскій отдѣлъ Объединенія рѣшилъ выпустить лишь нѣсколько отдѣльныхъ томовъ задуманной серіи. Тома эти не входятъ въ изданія классиковъ, предпринятыя въ Берлинѣ, Стокгольмѣ и Прагѣ. Между тѣмъ произведенія, выпускаемыя въ свѣтъ, несомнѣнно, нужны и для школы, и для самообразованія.

Первый изъ этихъ томовъ посвященъ русской комедіи до Гоголя.

Тихонъ Полнеръ.

Май, 1921 г.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Публикѣ, вѣроятно, будетъ понятно, почему редакція, желая предложить читателямъ нѣкоторое подобіе антологіи русской комедіи до Гоголя, остановилась на четырехъ произведеніяхъ Фонвизина, Капниста и Грибоѣдова. Эти четыре пьесы, разумѣется, не равноцѣнны ни по художественнымъ достоинствамъ, ни по историческому значенію. Но всѣ онѣ принадлежатъ къ классической русской литературѣ и должны навсегда остаться въ ея исторіи. Русскій театръ съ той поры, когда Іоганнъ Грегори представлялъ «Артаксерксово дѣйство» при дворѣ царя Алексѣя Михайловича, и русская драматическая литература подвергались сильнымъ иностраннымъ вліяніямъ. Не избѣгли его въ той или иной мѣрѣ и авторы произведеній, которыя напечатаны въ настоящей книгѣ. Тѣмъ не менѣе пьесы Фонвизина и Капниста были первыми и весьма замѣчательными образцами бытовой русской комедіи. Произведенія Сумарокова, Хераскова, Княжнина, Лукина, имп. Екатерины II, Веревкина, Аблесимова и др. останутся достояніемъ любителей и спеціалистовъ. Но «Бригадиръ», «Недоросль» и «Ябеда» (о «Горѣ отъ ума» и говорить не приходится) должны быть хорошо извѣстны каждому образованному русскому человѣку. Языкъ этихъ комедій прекрасенъ; многія выраженія ихъ давно обратились въ безпрестанно цитируемыя поговорки. Русская жизнь 18-го и начала 19-го вѣковъ изображена въ этихъ

произведеніяхъ, вѣроятно, лучше, чѣмъ въ какихъ-бы то ни было иныхъ. Каждое изъ нихъ было событіемъ — и событіемъ не только въ области чистаго искусства. До извѣстной степени объединяются они также благородствомъ тона и духомъ моральныхъ и общественно-политическихъ разсужденій.

Редакція серіи «Русскихъ Писателей» сочла умѣстнымъ собрать въ одной книгѣ эти четыре комедіи, наиболѣе замѣчательныя въ нашей литературѣ до-Гоголевскаго періода.

Въ основу текста «Бригадира» и «Недоросля» положено Селивановское изданіе полнаго собранія сочиненій Фонвизина (1830 г.). «Ябеда» перепечатывается по Смирдинскому изданію 1849 года (типографія Академіи Наукъ). Редакція признала необходимымъ отступить отъ старинной орѳографіи комедій, оставивъ однако безъ перемѣнъ нѣкоторыя характерныя ея особенности. Для «Горе отъ ума» взятъ основаніемъ текстъ академическаго изданія сочиненій Грибоѣдова, предложенный проф. Н. К. Пиксановымъ, при чемъ были приняты во вниманіе нѣкоторыя поправки, внесенныя В. Л. Бурцевымъ и Е. А. Ляцкимъ. Въ трехъ мѣстахъ приведены варіанты текста.

Д. И. ФОНВИЗИНЪ.

Д. И. ФОНВИЗИНЪ.

(*Біографическая справка*).

Денисъ Ивановичъ ФОНВИЗИНЪ (прежде фамилію эту писали на нѣмецкій ладъ: фонъ-Визинъ) происходилъ отъ древней обрусѣвшей семьи лифляндскихъ рыцарей. Онъ родился 3 апрѣля 1745 года, учился сначала дома подъ руководствомъ отца, оказавшаго на него сильное и продолжительное моральное вліяніе: затѣмъ въ гимназіи при Московскомъ университетѣ, студентомъ котораго онъ состоялъ въ теченіе двухъ лѣтъ (1760-1762). Еще въ школьное время Фонвизинъ сталъ увлекаться литературой, а особенно театромъ. Не кончивъ университета, будущій драматургъ поступилъ въ гвардію, затѣмъ долго служилъ въ Коллегіи Иностранныхъ дѣлъ и у Кабинетъ-Министра Елагина, завѣдывавшаго театрами. Еще въ 1761 г. появились первыя стихотворенія и статьи Фонвизина. Онъ много переводилъ, особенно датскаго писателя Гольберга, который оказалъ на него сильное литературное вліяніе. Въ 1768 г. появилась извѣстная комедія Фонвизина «Бригадиръ», имѣвшая огромный успѣхъ. Нѣсколько позднѣе писатель опять перешелъ на службу въ Вѣдомство Иностранныхъ Дѣлъ, былъ секретаремъ графа Н. И. Панина и составилъ проектъ государственныхъ реформъ, въ которомъ, между прочимъ, предлагалъ освободить крестьянъ. Въ 1783 г. Фонвизинъ вышелъ въ отставку и много путеше-

ствовалъ по Западной Европѣ. Его письма и путевые журналы представляютъ большой политическій интересъ и литературную цѣнность. Фонвизинъ умеръ въ 1792 г. и похороненъ въ Александро-Невской Лаврѣ.

Знаменитая комедія Фонвизина «Недоросль» была поставлена на сценѣ въ 1782 г. Она имѣла огромный успѣхъ и является единственной пьесой русскаго театра, не сходящей съ репертуара почти полтораста лѣтъ. Обѣ комедіи Фонвизина положили настоящее основаніе русскому театру.

I. БРИГАДИРЪ.

(*Комедія въ 5-ти дѣйств.*).

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

Бригадиръ.

Бригадирша.

Иванушка, сынъ ихъ.

Совѣтникъ.

Совѣтница, жена его.

Софья, дочь Совѣтника.

Добролюбовъ, любовникъ Софьи.

Слуга Совѣтника.

Дѣйствіе въ домѣ Совѣтника.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Театръ представляетъ комнату, убранную по деревенски; Бригадиръ, въ сюртукѣ, ходитъ и куритъ табакъ; сынъ его въ дезабилье, кобеняся, пьетъ чай; Совѣтникъ въ казакинѣ смотритъ въ календарь. По другую сторону стоитъ столикъ съ чайнымъ приборомъ, подлѣ котораго сидитъ Совѣтница въ дезабилье и корнетѣ, и, жеманяся, чай разливаетъ. Бригадирша сидитъ одаль и чулокъ вяжетъ, Софья также сидитъ одаль и шьетъ въ тамбурѣ.

Совѣтникъ (*смотря въ календарь*). — Такъ ежели Богъ благословитъ, то двадцать шестое число быть свадьбѣ.

Сынъ. — Hélas!

Бригадиръ. — Очень изрядно, доброй сосѣдъ. Мы хотя другъ друга и недавно узнали, однако это не помѣшало мнѣ, проѣзжая изъ Петербурга домой, заѣхать къ вамъ въ деревню съ женою и сыномъ. Такой Совѣтникъ, какъ ты, достоинъ быть другомъ отъ арміи Бригадиру, и я началъ уже со всѣми вами обходиться безъ чиновъ.

Совѣтница. — Для насъ, сударь, фасоны не нужны. Мы сами въ деревнѣ обходимся со всѣми безъ церемоніи.

Бригадирша. — Ахъ! мать моя! да какая церемонія межъ нами, когда (*указывая на Совѣтника*) хочетъ онъ выдать за нашего Иванушку дочь свою, а ты свою падчерицу, съ Божіимъ благословеніемъ? а чтобъ лучше на него,

Господа, положиться было можно, то даете вы ей и родительское свое награжденіе. На что тутъ церемонія?

Совѣтница. — Ахъ! сколь счастлива дочь наша! она идетъ за того, которой былъ въ Парижѣ. Ахъ, радость моя! я довольно знаю, каково жить съ тѣмъ мужемъ, которой въ Парижѣ не былъ.

Сынъ (*вслушавшись, приподнимаетъ шишку колпака*). — Madame! я благодарю васъ за вашу учтивость. Признаюсь, что я хотѣлъ бы имѣть и самъ такую жену, съ которою бы я говорить не могъ инымъ языкомъ кромѣ Французскаго. Наша жизнь пошла бы гораздо счастливѣе.

Бригадирша. — О! Иванушко! Богъ милостивъ. Вы конечно станете жить лучше нашего. Ты, слава Богу, въ военной службѣ не служилъ, и жена твоя не будетъ ни таскаться по походамъ безъ жалованья, ни отвѣчать дома за то, чѣмъ въ строю мужа раздразнили. Мой Игнатій Андреевичь вымещалъ на мнѣ вину каждаго рядового.

Бригадиръ. — Жена, не все ври, что знаешь.

Совѣтникъ. — Полно, сосѣдушко. Не грѣши, ради Бога. Не гнѣви Господа. Знаешь ли ты, какую разумную сожительницу имѣешь? Она годится быть Коллегіи Президентомъ. Вотъ какъ премудра Акулина Тимоѳеевна!

Бригадиръ. — Премудра! вотъ на, сосѣдушко! Ты, жалуя насъ, такъ говорить изволишь, а мнѣ кажется, будто премудрость ея очень на глупость походитъ. Иное дѣло твоя Авдотья Потапьевна. О! я сказать ей могу, въ глаза и за глаза, что ума у нея цѣлая палата. Я мущина и Бригадиръ, однако ей-ей радъ бы потерять всѣ мои патенты на чины, которые купилъ я кровію моею, лишь бы только имѣть разумъ Ея Высокородія.

Сынъ. — Dieu! Сколько прекрасныхъ комплиментовъ, батюшко! тесть! матушка! теща! А сколько умовъ — голова головы лучше.

Совѣтникъ. — А я могу и о тебѣ также сказать, дорогой зятюшко, что въ тебѣ путь будетъ. Прилежи только къ дѣламъ, читай больше.

Сынъ. — Къ какимъ дѣламъ? что читать?

Бригадиръ. — Читать? Артикулъ и Уставъ военной; не худо прочесть также Инструкцію межевую молодому человѣку.

Совѣтникъ. — Паче всего изволь читать Уложеніе и указы. Кто ихъ, будучи судьею, толковать умѣетъ, тотъ, другъ мой зятюшко, нищимъ быть не можетъ.

Бригадирша. — Не худо пробѣжать также и мои расходныя тетрадки. Лучше плуты люди тебя не обманутъ. Ты тамо не дашь уже пяти копеекъ, гдѣ надобно дать четыре копейки съ денежкой.

Совѣтница. — Боже тебя сохрани отъ того, чтобъ голова твоя наполнена была инымъ чѣмъ, кромѣ любезныхъ романовъ! Кинь, душа моя, всѣ на свѣтѣ науки. Не повѣришь, какъ такія книги просвѣщаютъ. Я, не читавъ ихъ, рисковала бы остаться навѣки дурою.

Сынъ. — Madame, вы говорите правду. Oh! vous avez raison. Я самъ кромѣ романовъ ничего не читывалъ, и для того-то я таковъ, какъ вы меня видите.

Софья (*въ сторону*). — Для того-то ты и дуракъ.

Сынъ. — Mademoiselle, что вы говорить изволите?

Софья. — То, что я о васъ думаю.

Сынъ. — А что бы это было? je vous prie, не льстите мнѣ.

Совѣтникъ. — Оставь ее, зятюшко. Она, не знаю о чемъ-то, съ ума сходитъ.

Бригадиръ. — О! это пройдетъ. У меня жена передъ свадьбою недѣли полторы безъ ума шаталась; однако послѣ того лѣтъ десятка съ три въ такомъ совершенномъ благоразуміи здравствуетъ, что никто того и примѣтить не можетъ, чтобъ она когда нибудь была умнѣе.

Бригадирша. — Дай Богъ тебѣ, батюшко, здоровье! Продли Богъ долгіе твои вѣки! а я, съ тобой живучи, ума не потеряла.

Совѣтникъ. — Всеконечно, и мнѣ весьма пріятно, что дочь моя имѣть будетъ такую благоразумную свекровь.

Совѣтница (*вздыхаетъ*). — Для чего моей падчерицѣ и не быть вашею снохой? Мы всѣ дворяне. Мы всѣ равны.

Совѣтникъ. — Она правду говоритъ. Мы равны почти во всемъ. Ты, любезный другъ и сватъ, точно то въ военной службѣ, что я въ статской. Тебѣ еще до бригадирства распроломали голову; а я до совѣтничества въ Москвѣ ослѣпъ въ Коллегіи. Въ утѣшеніе осталось только то, что меня благословилъ Богъ достаточкомъ, которой нажилъ я въ силу указовъ. Можетъ быть, я имѣлъ бы свой кусокъ хлѣба и получше, ежели бы жена моя не такая была охотница до корнетовъ, манжетъ и прочихъ вздоровъ, не служащихъ ни къ временному, ни въ вѣчному блаженству.

Совѣтница. — Не ужели ты меня мотовкой называешь, батюшко? опомнись. Полно скиляжничать. Я капабельна съ тобою развестись, ежели ты еще меня такъ шпетить станешь.

Совѣтникъ. — Безъ власти Создателя и Святѣйшаго Сунода развестись намъ не возможно Вотъ мое мнѣніе. Богъ сочетаетъ, человѣкъ не разлучаетъ.

Сынъ. — Развѣ въ Россіи Богъ въ такія дѣла мѣшается? По крайней мѣрѣ, государи мои,

во Франціи онъ оставилъ на людское произволеніе — любить, измѣнять, жениться и разводиться.

Совѣтникъ. — Да то во Франціи, а не у насъ правовѣрныхъ; нѣтъ, дорогой зять! какъ мы, такъ и жены наши всѣ въ рукѣ Создателя. У него всѣ власы главы нашея изочтены суть.

Бригадирша. — Вѣдь вотъ, Игнатій Андреевичъ, ты меня часто ругаешь, что я то и дѣло деньги да деньги считаю. Какъ же это? самъ Господь волоски наши считать изволитъ, а мы, рабы его, мы и деньги считать лѣнимся, деньги, которыя такъ рѣдки, что цѣлой парикъ изочтенныхъ волосовъ насилу алтынъ за тридцать достать можно.

Бригадиръ. — Враки. Я не вѣрю, чтобъ волосы были у всѣхъ считаны. Не диво, что наши сочтены. Я Бригадиръ, и ежели у пяти классовъ волосовъ не считаютъ, такъ у кого же и считать ихъ Ему?

Бригадирша. — Не грѣши, мой батюшко, ради Бога. У Него генералитетъ, штабъ и оберъ-офицеры въ одномъ рангѣ.

Бригадиръ. — Ай, жена! я тебѣ говорю, не вступайся. Или я скоро сдѣлаю то, что и впрямь на твоей головѣ нечего считать будетъ. Какъ бы ты Бога-то узнала побольше, такъ бы ты такой пустоши и не болтала. Какъ можно подумать, что Богу, которой все знаетъ, не извѣстенъ будто нашъ табель о рангахъ? Стыдное дѣло.

Совѣтница. — Оставьте такіе разговоры. Развѣ нельзя о другомъ дискютировать? Выбрали такую серьезную матерію, которой я не понимаю.

Бригадиръ. — Я и самъ матушка не говорю того, чтобъ забавно было спорить о такой матеріи, которая не принадлежитъ ни до экзерциціи, ни до баталій, и ничего такого, чтобы...

Совѣтникъ. — Что бы по крайней мѣрѣ хотя служило къ должности судьи, истца или отвѣтчика. Я самъ, правду сказать, не охотно говорю о томъ, о чемъ разговаривая не можно сослаться ни на указы, ни на Уложенье.

Бригадирша. — Мнѣ самой скучны тѣ рѣчи, отъ которыхъ нѣтъ никакого барыша. (*Къ Совѣтницѣ*) Перемѣнимъ, свѣтъ мой, рѣчь. Пожалуй скажи мнѣ, что у васъ идетъ людямъ, застольное или деньгами? свой ли овесъ ѣдятъ лошади, или купленной?

Сынъ. — C'est plus intéressant.

Совѣтница. — Шутишь, радость. Я почему знаю, что ѣстъ вся эта скотина?

Совѣтникъ (*къ женѣ*). — Не стыди меня. Матушка Акулина Тимоѳеевна! люди наши ѣдятъ застольное. Не прогнѣвайся на жену мою. Ей до того дѣла нѣтъ, хлѣбъ и овесъ я самъ выдаю.

Бригадирша. — Такъ то у меня мой Игнатій Андреевичъ, ему ни до чего дѣла нѣтъ. Я одна хожу въ амбары.

Совѣтникъ (*въ сторону*). — Сокровище, а не женщина! какія у нея медоточивыя уста. Послушать ее только, такъ рабъ грѣха и будешь: нельзя не прельститься.

Бригадиръ. — Что ты это говоришь, сватъ? (*Въ сторону*) Здѣшняя хозяйка не моей бабѣ чета.

Совѣтникъ. — Хвалю разумное попеченіе твоей супруги о домашней экономіи.

Бригадиръ. — Благодаренъ я за ея экономію. Она для нея больше думаетъ о домашнемъ скотѣ, нежели обо мнѣ.

Бригадирша. — Да какъ же, мой батюшко? вѣдь скотъ самъ о себѣ думать не можетъ. Такъ не надобно ли мнѣ о немъ подумать? ты,

кажется, и поумнѣе его, а хочешь, чтобы я за тобою присматривала.

Бригадиръ. — Слушай, жена. Мнѣ все равно, съ дуру ли ты врешь, или изъ ума; только я тебѣ при всей честной компаніи сказываю, чтобъ ты больше рта не отворяла. Ей! ей! будетъ худо.

Сынъ. — Mon père! не горячитесь.

Бригадиръ. — Что не горячитесь?

Сынъ. — Mon père! я говорю: не горячитесь.

Бригадиръ. — Да перваго-то слова, чортъ те знаетъ, я не разумѣю.

Сынъ. — Ха, ха, ха, ха, теперь я сталъ виноватъ въ томъ, что вы по Французски не знаете.

Бригадиръ. — Экъ онъ горло-то распустилъ. Да ты, смысля по Русски, для чего мелешь то, чего здѣсь не разумѣютъ?

Совѣтница. — Полно, сударь. Развѣ вашъ сынъ долженъ говорить съ вами только тѣмъ языкомъ, которой вы знаете?

Бригадирша. — Батюшко, Игнатій Андреевичъ, пусть Иванушко говоритъ какъ хочетъ. По мнѣ все равно. Иное говоритъ онъ, кажется, и по Русски, а я, какъ умереть, ни слова не разумѣю. Что и говорить? ученье свѣтъ, неученье тьма.

Совѣтникъ. — Конечно, матушка! Кому Богъ открылъ грамоту, такъ надъ тѣмъ и сіяетъ благодать Его. Нынѣ, слава Богу, не прежни времена. Сколько грамотей у насъ развелось: и то то вѣдь кому Господь откроетъ. Прежде бывало, кто писывали хорошо по Русски, такъ тѣ знавали Грамматику; а нынѣ никто ея не знаетъ, а всѣ пишутъ. Сколько у насъ исправныхъ секретарей, которые экстракты сочиняютъ безъ Грамматики, любо дорого смотрѣть! У меня на примѣтѣ есть одинъ, который что когда напишетъ,

такъ иной ученый и съ Грамматикою во вѣки того разумѣть не можетъ.

Бригадиръ. — На что, сватъ, Грамматика? я безъ нея дожилъ почти до шестидесяти лѣтъ, да и дѣтей взвелъ. Вотъ уже Иванушкѣ гораздо за двадцать; а онъ, въ добрый часъ молвить, въ худой помолчать, и не слыхивалъ о Грамматикѣ.

Бригадирша. — Конечно, Грамматика не надобна. Прежде нежели ее учить станешь, такъ вѣдь ее купить еще надобно, заплатить за нее гривенъ восемь, — а выучишь ли, нѣтъ ли, Богъ знаетъ.

Совѣтница. — Чортъ меня возьми, ежели Грамматика къ чему нибудь нужна, а особливо въ деревнѣ. Въ городѣ по крайней мѣрѣ изорвала я одну на папильѣты.

Сынъ. — J'en suis d'accord, на что Грамматика? я самъ писывалъ тысячу бильеду, и мнѣ кажется, что свѣтъ мой, душа моя, adieu, ma reine, можно сказать, не заглядывая въ Грамматику.

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Тѣ же и слуга.

Слуга. — Господинъ Добролюбовъ пріѣхать изволилъ.

Софья (*въ сторону*). — Боже мой! онъ пріѣхалъ; а я невѣста другому.

Совѣтникъ. — Пойдемъ же на встрѣчу сына друга моего и погуляемъ съ нимъ по саду.

Бригадиръ (*къ Совѣтницѣ*). — Не изволите ли и вы проходиться?

Совѣтница. — Нѣтъ, сударь, я останусь здѣсь. Мнѣ сынъ вашъ сдѣлаетъ компанію.

Сынъ. — De tout mon coeur, я съ вами наединѣ быть радъ.

Совѣтникъ (*къ Бригадиршѣ*). — Вы, матушка, не изволите ли также прогуляться?

Бригадирша. — Изволь, изволь, мой батюшка.

Совѣтница (*Софьѣ*). — А ты по крайней мѣрѣ сдѣлай компанію своей свекрови.

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Совѣтница, Сынъ.

Сынъ (*садится очень близко Совѣтницы*). — Мнѣ кажется, сударыня, что вашъ сожитель не больше свѣту знаетъ, сколько для отставнаго Совѣтника надобно.

Совѣтница. — Вы правду сказали: онъ ни съ кѣмъ въ жизнь свою не обходился, какъ съ секретарями и подъячими.

Сынъ. — Онъ, я вижу, походитъ на моего батюшку, который въ свой вѣкъ разумныхъ людей бѣгалъ.

Совѣтница. — Ахъ, радость моя! Мнѣ мило твое чистосердечіе. Ты не щадишь отца своего! вотъ прямая добродѣтель нашего вѣка.

Сынъ. — Чортъ меня возьми, ежели я помышляю его менажировать.

Совѣтница. — Въ самомъ дѣлѣ, жизнь моя, мнѣ кажется онъ не умнѣе моего мужа, котораго глупѣе на свѣтѣ и бываютъ, однако, очень рѣдко.

Сынъ. — Вашъ резонеманъ справедливъ. Скажите-жъ, сударыня, что вы думаете о моей матери.

Совѣтница. — Какъ, радость! Въ глаза мнѣ это тебѣ сказать совѣстно.

Сынъ. — Пожалуй говори, что изволишь. Я индиферанъ во всемъ томъ, что надлежитъ до моего отца и матери.

Совѣтница. — Не правда ли, что она свѣтъ знаетъ столько же, сколько вашъ батюшка?

Сынъ. — Dieu! Какой вы знатокъ въ людяхъ! Вы, можно сказать, людей насквозь проницаете. Я вижу, что надобно объ этомъ говорить безо всякой диссимюлаціи, (*вздохнувъ*) и такъ вы знаете, что я пренесчастливой человѣкъ. Живу уже двадцать пять лѣтъ, и имѣю еще отца и мать. Вы знаете, каково жить и съ добрыми отцами; а я, чортъ меня возьми, я живу съ животными.

Совѣтница. — Я сама стражду, душа моя, отъ моего урода. Мужъ мой прямая приказная строка. Я живу нѣсколько лѣтъ съ нимъ здѣсь въ деревнѣ, и клянусь тебѣ, что всѣ способы къ отмщенію до сего времени у меня отняты были. Всѣ сосѣди наши такіе неучи, такіе скоты, которые сидятъ по домамъ,обнявшись съ женами. А жены ихъ, ха, ха, ха, ха, жены ихъ не знаютъ еще и до сихъ поръ, что это — дезабилье, и думаютъ, что будто можно прожить на семъ свѣтѣ въ полшлафрокѣ. Онѣ, душа моя, ни о чемъ больше не думаютъ, какъ о столовыхъ припасахъ: прямыя свиньи...

Сынъ. — Pardieu! по этому мать моя годится въ число вашихъ сосѣдокъ; а давно ли вы живете съ такою тварью?

Совѣтница. — Мужъ мой пошелъ въ отставку въ томъ году, какъ вышелъ указъ о лихоимствѣ. Онъ увидѣлъ, что ему въ Коллегіи дѣлать стало нечего, и для того повезъ меня мучить въ деревню.

Сынъ. — Которую конечно нажилъ до указа.

Совѣтница. — При всемъ томъ онъ скупъ какъ кремень.

Сынъ. — Или какъ моя матушка. Я безъ

лести могу сказать о ней, что она за рубль рада вытерпѣть горячку съ пятнами.

Совѣтница. — Мой уродъ при всемъ томъ ужасная ханжа, не пропускаетъ ни обѣдни, ни заутрени и думаетъ, радость моя, что будто Богъ столько комплезанъ, что онъ за всенощную проститъ ему то, что днемъ наворовано.

Сынъ. — Напротивъ того мой отецъ, кромѣ зари, никогда не маливался. Онъ, сказываютъ, до женитьбы не вѣрилъ, что и чортъ есть; однако, женяся на моей матушкѣ, скоро повѣрилъ, что нечистый духъ экзистируетъ.

Совѣтница. — Перемѣнимъ рѣчь, je vous en prie: мои уши терпѣть не могутъ слышать о чертяхъ и о тѣхъ людяхъ, которые столь много на нихъ походятъ.

Сынъ. — Madame! скажите мнѣ, какъ вы ваше время проводите?

Совѣтница. — Ахъ, душа моя, умираю съ скуки. И если бы поутру не сидѣла я часовъ трехъ у туалета, то, могу сказать, умереть бы все равно для меня было; я тѣмъ только и дышу, что изъ Москвы присылаютъ ко мнѣ не рѣдко головные уборы, которые я то и дѣло надѣваю на голову.

Сынъ. — По моему мнѣнію, кружева и блонды составляютъ головѣ наилучшее украшеніе. Педанты думаютъ, что это вздоръ, и что надобно украшать голову снутри, а не снаружи. Какая пустота! чортъ ли видитъ то, что скрыто? а наружное всякъ видитъ.

Совѣтница. — Такъ, душа моя: я сама съ тобою однихъ сентиментовъ; я вижу, что у тебя на головѣ пудра, а есть ли что въ головѣ, того, чортъ меня возьми, примѣтить не могу.

Сынъ. — Pardieu, конечно этого и никто примѣтить не можетъ.

Совѣтница. — Послѣ туалета лучшее мое препровожденіе въ томъ, что я загадываю въ карты.

Сынъ. — Вы знаете загадывать, grand Dieu! я самъ могу назваться пророкомъ. Хотите ли, чтобъ показалъ я вамъ мое искусство?

Совѣтница. — Ахъ, душа моя! ты одолжишь меня чрезвычайно.

Сынъ (*придвинувъ столикъ съ картами*). — Сперва вы мнѣ отгадайте, а тамъ я вамъ.

Совѣтница. — Съ радостью. Изволь загадывать короля и даму.

Сынъ (*подумавъ*). — Загадалъ.

Совѣтница (*раскладываетъ карты*). — Ахъ! что я вижу! свадьба! (*вздыхаетъ*) король женится.

Сынъ. — Боже мой! онъ женится! что мнѣ этого несноснѣе!

Совѣтница. — А дама его не любитъ...

Сынъ. — Чортъ меня возьми, ежели и я люблю. Нѣтъ, нѣтъ силъ болѣе терпѣть! Я загадалъ о себѣ. Ah, Madame! или вы не видите того, что я жениться не хочу?

Совѣтница (*вздыхая и жеманяся*). — Вы жениться не хотите? Развѣ падчерица моя не довольно плѣнила ваше сердце? Она столько постоянна!

Сынъ. — Она постоянна!.. О верхъ моего несчастія! Она еще и постоянна! Клянусь вамъ, что ежели я это въ ней, женяся, примѣчу, то ту же минуту разведусь съ нею. Постоянная жена во мнѣ ужасъ производитъ. Ah, Madame! Ежели-бъ вы были жена моя, я бы вѣкъ не развелся съ вами.

Совѣтница. — Ахъ, жизнь моя! Чего не можетъ быть, начто о томъ терзаться? Я думаю, что и ты не наскучилъ бы мнѣ лишними претензіями.

Сынъ. — Позволь теперь, Madame, отгадать мнѣ что нибудь вамъ. Задумайте и вы короля и даму.

Совѣтница. — Очень хорошо: король трефовой и кёровая дама.

Сынъ *(разложивъ карты)*. — Король смертно влюбленъ въ даму.

Совѣтница. — Ахъ! что я слышу! я въ восхищеніи. Я внѣ себя съ радости.

Сынъ *(посмотрѣвъ на нее съ нѣжностью)*. — И дама къ нему не безъ склонности.

Совѣтница. — Ахъ, душа моя! не безъ склонности. Скажи лучше, влюблена до безумія.

Сынъ. — Я бы жизнь свою, я бы тысячи жизней отдалъ за то, чтобъ свѣдать, кто эта кёровая дама. Вы краснѣете, вы блѣднѣете. Конечно это...

Совѣтница. — Ахъ, какъ несносно признаваться въ своей пассіи!

Сынъ *(съ торопливостью)*. — Такъ это вы...

Совѣтница *(притворясь, будто послѣднее слово дорого ей стоитъ)*. — Я, я, сама.

Сынъ *(вздохнувъ)*. — А кто этотъ преблагополучной трефовой король, который возмогъ пронзить сердце кёровой дамы?

Совѣтница. — Ты хочешь, чтобъ я все вдругъ тебѣ сказала.

Сынъ *(вставъ)*. — Такъ, Madame, такъ. Я этого хочу, и ежели не я тотъ преблагополучной трефовой король, такъ пламень мой къ вамъ худо награжденъ.

Совѣтница. — Какъ, и ты ко мнѣ пылаешь?

Сынъ *(кинувшись на колѣни)*. — Ты кёровая дама!

Совѣтница *(поднимая его)*. — Ты трефовой король!

Сынъ *(въ восхищеніи)*. — О счастье! oh bonheur!

Совѣтница. — Можетъ быть ты, душа моя, и не вѣдаешь того, что невѣста твоя влюблена въ Добролюбова, и что онъ самъ въ нее влюбленъ смертно.

Сынъ. — Ст! Ст! они идутъ. Ежели это правда, oh! que nous sommes heureux! Намъ надобно непремѣнно оставить ихъ въ покоѣ, чтобъ они со временемъ въ покоѣ насъ оставили.

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Тѣ же, Добролюбовъ и Софья.

Софья. — Вы изволили здѣсь остаться однѣ, матушка; я нарочно пришла къ вамъ для того, чтобъ вамъ однѣмъ не было скучно.

Добролюбовъ. — А я, сударыня, взялъ смѣлость проводить ее къ вамъ.

Совѣтница. — Намъ очень здѣсь нескучно. Мы загадывали въ карты.

Сынъ. — Мнѣ, кажется, Mademoiselle, что вы какъ нарочно сюда, свѣдать о вашей свадьбѣ.

Софья. — Что это значитъ?

Совѣтница. — Мы загадывали о тебѣ, и если вѣрить картамъ, которыя впрочемъ никогда солгать не могутъ, то бракъ твой не очень удаченъ.

Софья. — Я это знаю и безъ картъ, матушка.

Сынъ. — Вы это знаете: на что-жъ вы рискуете?

Софья. — Тутъ никакого риска нѣтъ; а есть очевидная моя погибель, въ которую ведутъ меня батюшка и матушка.

Совѣтница. — Пожалуй, сударыня, на меня вины не полагай. Ты сама знаешь, что я

отъ роду того не хотѣла, чего отецъ твой хочетъ.

Сынъ. — На что такія изъясненія? *(Къ Совѣтницѣ)* Madame, мы другъ друга довольно разумѣемъ; не хотите ли вы сойтиться съ компаніею?

Совѣтница. — Для меня нѣтъ ничего комоднѣе свободы. Я знаю, что все равно, имѣть ли мужа, или быть связанной.

Сынъ *(даетъ ей знаки, чтобъ она Софью и Добролюбова оставила)*. — Да развѣ вы никогда отсюда вытти не намѣрены...

Совѣтница. — Изволь, душа моя.

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Добролюбовъ, Софья.

Добролюбовъ. — Они насъ оставили однихъ. Что это значитъ?

Софья. — Это значитъ то, что мой женихъ ко мнѣ ни мало не ревнуетъ.

Добролюбовъ. — А мнѣ кажется, что и мачихѣ твоей не противно-бъ было, если-бъ твоя свадьба чѣмъ нибудь разорвалась.

Софья. — Это гораздо примѣтно. Мнѣ кажется, что мы очень некстати къ нимъ взошли.

Добролюбовъ. — Тѣмъ лучше, ежели этотъ дуракъ въ нее влюбился, да и ей простительно имъ плѣниться.

Софья.—Въ разсужденіи ея кокетства очень простительно, и она лучшаго себѣ любовника найти конечно не можетъ; однако я жалѣю о батюшкѣ.

Добролюбовъ. — О, пожалуй, о немъ не тужите. Батюшка вашъ, кажется мнѣ, съ отмѣнною нѣжностію глядитъ на Бригадиршу.

Софья. — Нѣтъ. Этого я не думаю. Батюшка мой конечно и для того мачихѣ моей не измѣнитъ, чтобъ не прогнѣвить Бога.

Добролюбовъ. — Однако онъ вѣдаетъ и то, что Богъ долготерпѣливъ.

Софья. — Ежели-жъ это правда, то кромѣ Бригадирши, кажется мнѣ, будто здѣсь влюблены всѣ до единаго.

Добролюбовъ. — Правда, только розница состоитъ въ томъ, что ихъ любовь смѣшна, позорна, и дѣлаетъ имъ безчестіе. Наша же любовь основана на честномъ намѣреніи, и достойна того, чтобъ всякой пожелалъ нашего счастія. Ты знаешь, что ежели-бъ мой малой достатокъ не отвратилъ отца твоего имѣть меня своимъ, то бы я давно уже былъ тобою благополученъ.

Софья. — Я тебя увѣряла и теперь увѣряю, что любовь моя къ тебѣ кончится съ жизнію моею. Я все предпринять готова, лишь бы только быть твоей женою. Малой твой достатокъ меня не устрашаетъ. Я все на свѣтѣ для тебя снести рада.

Добролюбовъ. — Можетъ-быть, и достатокъ мой скоро умножится. Дѣло мое приходитъ къ концу. Оно давно-бъ уже и кончилось, только большая часть судей ныньче взятокъ хотя и не берутъ, да и дѣлъ не дѣлаютъ. Вотъ для чего до сихъ поръ бѣдное мое состояніе не перемѣняется.

Софья. — Мы долго заговорились. Намъ надобно идти къ нимъ, для избѣжанія подозрѣнія.

Конецъ перваго дѣйствія.

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Совѣтникъ и Софья.

Совѣтникъ. — Поди сюда, Софьюшка. Мнѣ о многомъ съ тобою поговорить надобно.

Софья. — О чемъ изволите, батюшко?

Совѣтникъ. — Во первыхъ: о чемъ ты печалишься?

Софья. — О томъ, батюшко, что ваша воля съ моимъ желаніемъ несогласна.

Совѣтникъ. — Да развѣ дѣти могутъ желать того, чего не хотятъ родители? Вѣдаешь-ли ты, что отецъ и дѣти должны думать одинаково. Я не говорю о нынѣшнихъ временахъ. Нынѣ все пошло новое, а въ мое время, когда отецъ виноватъ бывалъ, тогда дерутъ сына; а когда сынъ виноватъ, тогда отецъ за него отвѣчаетъ: вотъ какъ въ старину бывало.

Софья. — Слава Богу, что въ наши времена этого нѣтъ.

Совѣтникъ. — Тѣмъ хуже. Нынѣ кто виноватъ, тотъ и отвѣчай, а съ иного что ты содрать изволишь? На что и приказы заведены, ежели виноватъ только одинъ виноватой. Бывало...

Софья. — А правому, батюшко, для чего-жъ быть виноватымъ?

Совѣтникъ. — Для того, что всѣ грѣшны человѣцы. Я самъ бывалъ судьею: виноватой, бывало, платитъ за вину свою, а правой за свою правду; и такъ въ мое время всѣ довольны были: и судья, и истецъ, и отвѣтчикъ.

Софья. — Позвольте мнѣ, батюшко, усомниться; я думаю, что правой конечно оставался тогда виноватымъ, когда онъ обвиненъ былъ.

Совѣтникъ. — Пустое. Когда правой по приговору судейскому обвиненъ, тогда онъ уже сталъ не правой, а виноватой: такъ ему нечего тутъ умничать. У насъ указы потверже, нежели у челобитчиковъ. Челобитчикъ толкуетъ указъ на одинъ манеръ, то есть на свой; а нашъ братъ судья, для общей пользы, манеровъ на двадцать одинъ указъ толковать можетъ.

Софья. — Чего-жъ наконецъ, батюшко, вы отъ меня желаете?

Совѣтникъ. — Того, чтобы ты мой указъ идти замужъ толковала не по нашему судейскому обычаю, и шла бы за того, за кого я тебѣ велю.

Софья. — Я вамъ должна повиноваться, только представьте себѣ мое несчастіе: я женою буду такого дурака, которой набитъ однѣми Французскими глупостьми. которой не имѣетъ ко мнѣ не только любви, ни малѣйшаго почтенія.

Совѣтникъ. — Да какого ты почтенія отъ него изволишь? Мнѣ кажется, ты его почитать должна, а не онъ тебя. Онъ будетъ главою твоею, а ты его головою. Ты, я вижу, дѣвочка молодая и не читывала Священнаго Писанія.

Софья. — По крайней мѣрѣ, батюшко, будьте вы въ томъ увѣрены, что онъ и васъ почитать не будетъ.

Совѣтникъ. — Знаю, все знаю; однако твой женихъ имѣетъ хорошее достоинство.

Софья. — Какое, батюшко?

Совѣтникъ. — Деревеньки у него изрядныя. А если зять мой не станетъ рачить о своей экономіи, то я примусь за правленіе деревень его.

Софья. — Я не думаю, чтобъ будущій мой свекоръ захотѣлъ васъ трудить присмотромъ за деревнями его сына. Свекровь моя также хозяйничать охотница; впрочемъ я ни чрезъ то, ни чрезъ другое, не выигрываю. Я привыкла быть свидѣтельницею доброй экономіи.

Совѣтникъ. — Тѣмъ лучше. Ты своего не растеряешь; а это развѣ малое тебѣ счастье, что ты имѣть будешь такую свекровь, которая, мнѣ кажется, превосходитъ всяку тварь своими добротами.

Софья. — Я, по несчастію моему, ихъ въ ней примѣтить еще не могла.

Совѣтникъ. — Это все таки отъ того же, что ты дѣвочка молодая, и не знаешь, въ чемъ состоятъ прямыя добродѣтели. Ты не вѣдаешь, я вижу, ни своей свекрови, ни прямого пути къ своему спасенію.

Софья. — Я удивляюсь, батюшко, какое участіе свекровь можетъ имѣть въ пути моего спасенія.

Совѣтникъ. — А вотъ какое: вышедъ замужъ, почитай свекровь свою; она будетъ тебѣ и мать, и другъ, и наставница; чти ея первую по Бозѣ, угождай во всемъ быстропроницательнымъ очамъ ея, и перенимай у нея все доброе. О таковомъ вашемъ согласіи и люди на землѣ возвеселятся, и ангели на небесахъ возрадуются.

Софья. — Какъ, батюшко, не ужели ангеламъ на небесахъ такъ много дѣла до моей свекрови, что они тогда радоваться будутъ, ежели я ей угождать стану?

Совѣтникъ. — Конечно, такъ. Или думаешь ты, что у Господа въ книгѣ животныхъ Акулина Тимоѳеевна не написана?

Софья. — Батюшко! я не знаю, есть-ли въ ней она.

Совѣтникъ. — А я вѣрую, что есть. Поди-жъ ты, другъ мой, къ гостямъ, и какъ будто отъ себя выскажи ты своей свекрови будущей, что я наставляю тебя угождать ей.

Софья. — Позвольте мнѣ вамъ доложить, батюшко, на что это? Не довольно-ли того, если я угождать ей буду безъ всякаго высказыванія.

Совѣтникъ. — Я велю тебѣ ей высказывать, а не меня выспрашивать. Вотъ тебѣ мой отвѣтъ. Пошла!

Совѣтникъ *(одинъ)*. — Она не дура, однако со всѣмъ ея умомъ догадаться не можетъ, что я привязанъ къ ея свекрови, привязанъ очами, помышленіями, и всѣми моими чувствы. Не знаю, какъ объявить ей о моемъ окаянствѣ. Вижу, что гублю я душу мою, желая соблазнить неблазную. О грѣховъ моихъ тяжести! Да хотя бы и она согласилась на мое моленіе, что сотворитъ со мною Игнатій Андреевичъ, который столько-же хранитъ свою супругу, сколько я свою, хотя впрочемъ и не проходило у насъ сряду двухъ часовъ безсорно: вотъ до чего доводитъ къ чужой женѣ любовь. Выдаю дочь мою противъ желанія за ея сына, для того только, чтобъ чаще возмогъ я по родству видѣться съ возлюбленною сватьею. Въ ней нахожу я нѣчто отмѣнно разумное, которое другіе примѣтить въ ней не могутъ. Я не говорю о ея мужѣ. Онъ, хотя и всегда слылъ мужикомъ разумнымъ, однако военной человѣкъ, а притомъ и кавалеристъ, не столько иногда любитъ жену свою, сколько свою лошадь... А! да вотъ она и идетъ.

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Совѣтникъ и Бригадирша.

Совѣтникъ. — Охъ!

Бригадирша. — О чемъ ты, мой батюшко, вздыхаешь?

Совѣтникъ. — О своемъ окаянствѣ.

Бригадирша. — Ты уже и такъ, мой батюшко, съ поста и молитвы скоро на усопшаго походить будешь, и долго ли тебѣ изнурять свое тѣло.

Совѣтникъ. — Охъ, моя матушка! тѣло мое еще не изнурено. Далъ бы Богъ, чтобъ я довелъ его грѣшнымъ моимъ моленіемъ и по-

щеніемъ до того, чтобъ избавилося оно отъ дьявольскаго искушенія: не грѣшилъ бы я тогда ни на небо, ни предъ тобою.

Бригадирша. — Передо мною: а чѣмъ ты, батюшко, грѣшишь предо мною?

Совѣтникъ. — Окомъ и помышленіемъ.

Бригадирша. — Да какъ это грѣшатъ окомъ?

Совѣтникъ. — Я грѣшу предъ тобою, взирая на тебя окомъ...

Бригадирша. — Да я на тебя смотрю и обоими. Не ужели это грѣшно?

Совѣтникъ. — Такъ-то грѣшно для меня, что если хочу я избавиться вѣчныя муки на томъ свѣтѣ, то долженъ я на здѣшнемъ походить съ однимъ глазомъ до послѣдняго издыханія. Око мое меня соблазняетъ, и мнѣ изткнуть его необходимо должно для душевнаго спасенія.

Бригадирша. — Такъ ты и въ правду, мой батюшко, глазокъ себѣ выколоть хочешь?

Совѣтникъ. — Когда все грѣшное мое тѣло заповѣдямъ сопротивляется, такъ конечно и руки мои не столь праведны, чтобъ онѣ однѣ взялися исполнять Писаніе; да я страшусь теплыя вѣры твоего сожителя, страшусь, чтобъ онъ, узрѣвъ грѣхъ мой, не совершилъ на мнѣ заповѣди Божіей.

Бригадирша. — Да какой грѣхъ?

Совѣтникъ. — Грѣхъ, ему же вси смертные поработилися. Каждый человѣкъ имѣетъ духъ и тѣло. Духъ хотя бодръ, да плоть немощна. Къ тому же нѣсть грѣха, иже не можетъ быти очищенъ покаяніемъ... *(Съ нѣжностію)* Согрѣшимъ и покаемся.

Бригадирша. — Какъ не согрѣшишь, батюшко? Единъ Богъ безъ грѣха.

Совѣтникъ. — Такъ, моя матушка. И ты сама теперь исповѣдуешь, что ты причастна грѣху сему.

Бригадирша. — Я исповѣдуюся, батюшко, всегда въ великой постъ на первой. Да скажи мнѣ пожалуй, что тебѣ до грѣховъ моихъ нужды?

Совѣтникъ. — До грѣховъ твоихъ мнѣ такая же нужда, какъ и до спасенія. Я хочу, чтобъ твои грѣхи и мои были одни и тѣ же, и чтобъ ничто не могло разрушити совокупленія душъ и тѣлесъ нашихъ.

Бригадирша. — А что это, батюшко, совокупленіе? Я церковнаго-то языка столько же мало смышлю, какъ и Французскаго. Вѣдь кого какъ Господь миловать захочетъ. Иному откроетъ онъ и Французскую и Нѣмецкую и всякую грамоту; а я, грѣшная, и по Русски-то худо смышлю. Вотъ съ тобою не теперь уже говорю, а больше половины рѣчей твоихъ не разумѣю. Иванушку и твою сожительницу почти головою не разумѣю. Коли чью я рѣчь больше всѣхъ разберу, такъ это своего Игнатія Андреевича. Всѣ слова выговариваетъ онъ такъ чисто, такъ рѣчисто, какъ попугай... Да видалъ ли ты, мой батюшко, попугаевъ?

Совѣтникъ. — Не о птицахъ предлежитъ намъ дѣло: дѣло идетъ о разумной твари. Не ужели ты, матушка, не понимаешь моего хотѣнія?

Бригадирша. — Не понимаю, мой батюшко. Да чего ты хочешь?

Совѣтникъ. — Могу ли я просить...

Бригадирша. — Да чего ты у меня просить хочешь? Если только, мой батюшко, не денегъ, то я всѣмъ ссудить тебя могу. Ты знаешь, каковы нынѣ деньги: ими никто даромъ не ссу-

жаетъ, а для нихъ ни въ чемъ не отказываютъ. *(Здѣсь входитъ сынъ, а они его не видятъ).*

Совѣтникъ. — Не о деньгахъ рѣчь идетъ: я самъ для денегъ на все могу согласиться. *(Становится на колѣни)* Я люблю тебя, моя матушка... *(Въ самое то время, увидѣвъ Совѣтникъ сына, вскочилъ; а сынъ хохочетъ и апплодируетъ).*

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Тѣ же и Сынъ.

Сынъ. — Bravissimo! Bravissimo!

Бригадирша. — Что ты, Иванушко, такъ прыгаешь? Мы говорили о дѣлѣ. Ты помѣшалъ Артамону Власьичу: онъ не знаю чего-то у меня просить хотѣлъ.

Сынъ. — Да онъ, матушка, дѣлаетъ тебѣ déclaration en forme.

Совѣтникъ. — Не осуждай, не осужденъ будеши. *(Оторопѣвъ, выходитъ).*

Бригадирша. — Иванушко! Вытолкуй ты мнѣ лучше, что ты теперь сказалъ.

Сынъ. — Матушка, онъ съ тобою амурится! Разумѣешь ли ты хотя это?

Бригадирша. — Онъ амурится! и! мой батюшко, что у тебя же на умѣ!

Сынъ. — Чортъ меня возьми, ежели это неправда.

Бригадирша. — Перекрестись. Какой божбой ты божишься; опомнись: вѣдь чортомъ не шутятъ. Сложи ручку, Иванушко, да перекрестись хорошенько.

Сынъ. — Матушка! я вижу, ты этому не вѣришь. Да на что онъ становился на колѣни?

Бригадирша. — Я почему знаю, Иванушко! Не ужели это для амуру? Ахъ, онъ проклятой сынъ! да что онъ это вздумалъ?

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Тѣ же и Совѣтница.

Сынъ. — Madame! Я теперь былъ свидѣтелемъ пресмѣшныя сцены. J'ai pensé crever de rire. Твой мужъ объявилъ любовь свою моей матушкѣ! Ха, ха, ха, ха!

Совѣтница. — Не въ правду ли? *(Во время рѣчи Бригадиршиной отводитъ сына и нѣчто шепчетъ ему).*

Бригадирша *(въ сердцахъ)*. — Ахъ, онъ собака! Да что онъ и въ правду затѣялъ! Развѣ у меня Богъ языкъ отнялъ? Я теперь же все разскажу Игнатію Андреичу. Пускай-ко онъ ему лобъ раскроитъ посвойски. Что онъ это вздумалъ? Вѣдь я Бригадирша! Нѣтъ, онъ плутъ! не думай того, чтобъ онъ нашелъ на дуру! Мнѣ, слава Богу, ума не занимать! Я тотчасъ пойду... *(Сынъ и Совѣтница ухватили ее за полы)*.

Сынъ. — Матушка, постой, постой...

Совѣтница. — Постой, сударыня.

Сынъ. — Да развѣ ты, матушка, не примѣтила, что я шутилъ?

Бригадирша. — Какая шутка! Вѣдь я слышала, какъ ты божился.

Совѣтница. — Онъ, сударыня, конечно, шутилъ.

Сынъ. — Чортъ меня возьми, ежели это была не шутка.

Бригадирша. — Какъ! Ты и теперь также божишься, батюшко! Что за дьявольщина! Да чему же вѣрить?

Совѣтница. — Какъ, сударыня! Вы не можете шутки отдѣлить отъ сурьезнаго.

Бригадирша. — Да, нельзя, мать моя: вѣдь онъ такъ божится, что мой языкъ этого и выговорить не поворотится.

Совѣтница. — Да онъ, конечно, въ шутку и побожился.

Сынъ. — Конечно, въ шутку. Я знавалъ въ Парижѣ, да и здѣсь превеликое множество разумныхъ людей, et même fort honnêtes gens, которые божбу ни во что ставятъ.

Бригадирша. — Такъ ты и заправду, Иванушко, шутилъ?

Сынъ. — Хотите ли вы, чтобъ я еще вамъ побожился?

Бригадирша. — Да ты можетъ быть опять шутить станешь! То-то — ради Бога, не введи ты меня въ дуры.

Совѣтница. — Кстати ли, радость моя! Будь спокойна. Я знаю своего мужа; ежели-бъ это была правда, я сама капабельна взбѣситься.

Бригадирша. — Ну, слава Богу, что это шутка. Теперь душа моя на мѣстѣ. *(Отходитъ).*

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

Сынъ и Совѣтница.

Совѣтница. — Ты было все дѣло испортилъ. Ну ежели бы матушка твоя нажаловалася отцу твоему, вѣдь бы онъ взбѣсился, и ту минуту увезъ отсюда и тебя съ нею.

Сынъ. — Madame! ты меня въ этомъ простить можешь. Признаюсь, что мнѣ этурдери свойственно; а инако худо подражалъ бы я Французамъ.

Совѣтница. — Мы должны, душа моя, о томъ молчать, и нескромность твою я ничѣмъ бы не могла экскюзовать, если-бъ осторожность не смѣшна была въ молодомъ человѣкѣ, а особливо въ томъ, который былъ въ Парижѣ.

Сынъ. — Oh! vous avez raison! Осторожность, постоянство, терпѣливость похвальны были тог-

да, когда люди не знали, какъ должно жить въ свѣтѣ; а мы, которые знаемъ, что это такое, que de vivre dans le grand monde, мы конечно были бы съ постоянствомъ очень смѣшны въ глазахъ всѣхъ такихъ же разумныхъ людей, какъ мы.

Совѣтница. — Вотъ прямыя правила жизни, душа моя. Я не была въ Парижѣ, однако чувствуетъ сердце мое, что ты говоришь самую истину. Сердце человѣческое есть всегда сердце и въ Парижѣ и въ Россіи: оно обмануть не можетъ.

Сынъ. — Madame! ты меня восхищаешь; ты, я вижу, такое же тонкое понятіе имѣешь о сердцѣ, какъ я о разумѣ. Mon Dieu! Какъ судьбина милосерда; она старается соединить людей одного ума, одного вкуса, одного нрава: мы созданы другъ для друга.

Совѣтница. — Безъ сомнѣнія, мы рождены подъ одною кометою.

Сынъ. — Все несчастіе мое состоитъ въ томъ только, что ты Русская.

Совѣтница. — Это, ангелъ мой, конечно для меня ужасная погибель.

Сынъ. — Это такой défaut, котораго ничѣмъ загладить уже нельзя.

Совѣтница. — Что-жъ мнѣ дѣлать?

Сынъ. — Дай мнѣ въ себѣ волю. Я не намѣренъ въ Россіи умереть. Я сыщу occasion favorable увезти тебя въ Парижъ. Тамо остатки дней нашихъ, les restes de nos jours, будемъ имѣть утѣшеніе проводить съ Французами; тамъ увидишь ты, что есть между прочими и такіе люди, съ которыми я могу имѣть société.

Совѣтница. — Вѣрно, душа моя; только, я думаю, отецъ твой не согласится отпустить тебя въ другой разъ во Францію.

Сынъ. — А я думаю, что и его увезу туда съ собою. Просвѣщаться никогда не поздно; а я за то порукою, что онъ, съѣздя въ Парижъ, по край-

ней мѣрѣ хотя сколько нибудь на человѣка походить будетъ.

Совѣтница. — Не то на умѣ у отца твоего. Я очень увѣрена, что онъ нашу деревню предпочтетъ и раю и Парижу. Словомъ: онъ мнѣ дѣлаетъ свой куръ.

Сынъ. — Какъ? онъ мой риваль?

Совѣтница.—Я примѣчаю, что онъ смертно влюбленъ въ меня.

Сынъ. — Да знаетъ ли онъ право честныхъ людей? Да вѣдаетъ ли онъ, что за это дерутся?

Совѣтница. — Какъ, душа моя! Ты и съ отцомъ подраться хочешь?

Сынъ — Et pourquoi non? Я читалъ въ прекрасной книгѣ, какъ бишь ее зовутъ... le nom m'est échappé, да... въ книгѣ les sottises du tems, что одинъ сынъ въ Парижѣ вызывалъ отца своего на дуэль .. а я, или я скотъ, чтобъ не послѣдовать тому, что хотя одинъ разъ случилося въ Парижѣ?

Совѣтница. — Твой отецъ очень смѣшонъ... такіе дураки... ахъ, какъ онъ легокъ на поминѣ-то... вотъ онъ и идетъ

ЯВЛЕНІЕ СЕДЬМОЕ.

Тѣ же и Бригадиръ.

Бригадиръ. — Я ужъ началъ здѣсь хозяйничать. Пришелъ васъ звать къ столу. Да что ты, матушка, разговорилась съ моимъ повѣсою? А ты что здѣсь дѣлаешь? Ты долженъ быть съ своею невѣстою.

Сынъ. — Батюшко, я здѣсь быть хочу.

Бригадиръ. — Да я не хочу.

Совѣтница. — Да вамъ, сударь, какое до того дѣло?

Бригадиръ. — Мнѣ не хочется, матушка,

чтобъ онъ тебѣ болтаньемъ своимъ наскучилъ. Я лучше бы хотѣлъ самъ съ тобою поговорить о дѣлѣ.

Совѣтница. — Говорите, что вамъ угодно.

Бригадиръ. — Мнѣ угодно, чтобъ сынъ мой былъ отъ васъ подалѣ. Онъ вамъ наскучитъ.

Совѣтница. — Нѣтъ, сударь, мы очень весело безъ васъ время проводили.

Бригадиръ. — Да я безъ тебя скучаю. *(Взглянувъ на сына)* Поди ты вонъ, повѣса.

Совѣтница *(къ сыну)*. — Когда время идти къ столу, такъ пойдемъ. *(Подаетъ ему руку; онъ ведетъ ее, жеманяся; а Бригадиръ, идучи за нимъ, говоритъ)*.

Бригадиръ. — Добро, Иванъ! будетъ то время, что ты и не такъ кобениться станешь.

Конецъ втораго дѣйствія.

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТІЕ.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Бригадиръ и Сынъ.

Бригадиръ. — Слушай, Иванъ. Я рѣдко съ молоду краснѣлся, однако теперь отъ тебя, при старости, сгорѣлъ было.

Сынъ. — Mon cher père! или сносно мнѣ слышать, что хотятъ женить меня на Русской?

Бригадиръ. — Да ты что за Французъ? Мнѣ кажется, ты на Руси родился.

Сынъ. — Тѣло мое родилося въ Россіи, это правда; однако духъ мой принадлежалъ коронѣ Французской.

Бригадиръ. — Однако ты все таки Россіи больше обязанъ, нежели Франціи. Вѣдь въ тѣлѣ твоемъ гораздо больше связи, нежели въ умѣ.

Сынъ. — Вотъ, батюшко, теперь вы уже и

льстить мнѣ начинаете, когда увидѣли, что строгость вамъ не удалася.

Бригадиръ. — Ну, не прямой ли ты болванъ? Я тебя назвалъ дуракомъ; а ты думаешь, что я льщу тебѣ: эдакой оселъ!

Сынъ. — Эдакой оселъ! *(Въ сторону)* Il ne me flatte pas... Я вамъ еще сказываю, батюшко, je vous le répète, что мои уши къ такимъ терминамъ не привыкли. Я васъ прошу, je vous en prie, не обходиться со мною такъ, какъ вы съ вашимъ ефрейторомъ обходились. Я такой же дворянинъ, какъ и вы, Monsieur.

Бригадиръ. — Дурачина! дурачина! что ты ни скажешь, такъ все врешь, какъ лошадь. Ну кстати ли отцу съ сыномъ считаться въ дворянствѣ? Да хотя бы ты мнѣ и чужой былъ, такъ тебѣ забывать того по крайней мѣрѣ не надобно, что я отъ арміи Бригадиръ.

Сынъ. — Je m'en moque.

Бригадиръ. — Что это за манмокъ?

Сынъ. — То, что мнѣ до вашего Бригадирства дѣла нѣтъ. Я его забываю; а вы забудьте то, что сынъ вашъ знаетъ свѣтъ, что онъ былъ въ Парижѣ.

Бригадиръ. — О, ежели-бъ это забыть можно было; да нѣтъ, другъ мой: ты самъ объ этомъ напоминаешь каждую минуту новыми дурачествами, изъ которыхъ за самое малое надлежитъ по нашему военному уставу прогнать тебя спицрутеномъ.

Сынъ. — Батюшко! Вамъ все кажется, будто вы стоите предъ фрунтомъ и командуете. Къ чему такъ шумѣть?

Бригадиръ. — Твоя правда, не къ чему; а впередъ какъ ты что нибудь соврешь, то влѣплю тебѣ въ спину сотни двѣ Русскихъ палокъ. Понимаешь ли?

Сынъ. — Понимаю; а вы сами поймете ли

меня? Всякой галантомъ, а особливо кто былъ во Франціи, не можетъ парировать, чтобъ онъ въ жизнь свою не имѣлъ никогда дѣла съ такимъ человѣкомъ, какъ вы; слѣдовательно не можетъ парировать и о томъ, чтобъ онъ никогда битъ не былъ. А вы, ежели вы зайдете въ лѣсъ, и удастся вамъ наскочить на медвѣдя, то онъ съ вами также поступитъ, какъ вы меня трактовать хотите.

Бригадиръ. — Эдакой уродъ! отца примѣнилъ къ медвѣдю: развѣ я на него похожъ?

Сынъ. — Тутъ нѣтъ развѣ. Я сказалъ вамъ то, что я думаю: voilà mon caractère. Да какое право имѣете вы надо мною властвовать?

Бригадиръ. — Дуралей! я твой отецъ.

Сынъ. — Скажите мнѣ, батюшко, не всѣ ли животныя, les animaux, одинаковы?

Бригадиръ. — Это къ чему? Конечно всѣ: отъ человѣка до скота. Да что за вздоръ ты мнѣ молоть хочешь?

Сынъ. — Послушайте: ежели всѣ животныя одинаковы, то вѣдь и я могу тутъ же включить себя?

Бригадиръ. — Для чего нѣтъ. Я сказалъ тебѣ: отъ человѣка до скота, такъ для чего тебѣ не помѣстить себя тутъ же?

Сынъ. — Очень хорошо; а когда щенокъ не обязанъ респектовать того пса, кто былъ его отецъ, то долженъ ли я вамъ хотя малѣйшимъ респектомъ?

Бригадиръ. — Что ты щенокъ, такъ въ томъ никто не сомнѣвается; однако я тебѣ, Иванъ, какъ присяжной человѣкъ, клянусь, что ежели ты меня еще примѣнишь къ собакѣ, то скоро самъ съ рожи на человѣка походить не будешь. Я тебя научу, какъ съ отцомъ и заслуженнымъ человѣкомъ говорить должно. Жаль, что нѣтъ со мною палки! Эдакой скосырь выѣхалъ!

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Тѣ же и Бригадирша.

Бригадирша. — Что за шумъ? Что ты, мой батюшко, такъ гнѣваться изволишь? Не сдѣлалъ ли ты, Иванушко, какого намъ убытку, не потерялъ ли ты чего нибудь?

Бригадиръ. — И очень много. Пропажа не мала.

Бригадирша *(запыхаяся)*. — Что за бѣда? Что такое?

Бригадиръ. — Онъ потерялъ умъ, ежели онъ у него былъ.

Бригадирша *(отдыхая)*. — Тьфу! какая пропасть! слава Богу. Я было обмерла, испугалась. Думала, что и впрямь не пропало-ль что нибудь.

Бригадиръ. — А развѣ умъ-отъ ничто?

Бригадирша. — Какъ ничто? кто тебѣ это сказывалъ, батюшко? Безъ ума жить худо: что ты наживешь безъ него?

Бригадиръ. — Безъ него! а безъ него нажила ты вотъ этого урода. Не говаривалъ ли я тебѣ: жена! не балуй ребенка; запишемъ его въ полкъ, пусть онъ, служа въ полку, ума набирается, какъ то я дѣлывалъ; а ты всегда изволила болтать: ахъ, батюшко! нѣтъ, мой батюшко! что ты съ младенцемъ дѣлать хочешь? не умори его, свѣтъ мой! Вотъ, мать моя! вотъ онъ здравствуетъ. Вотъ за минуту примѣнилъ меня къ кобелю: не изволишь ли и ты послушать?

Сынъ *(зѣваетъ)*. — Quels espèces!

Бригадиръ. — Вотъ говори ты съ нимъ пожалуй, а онъ лишь только ротъ деретъ. Иванъ. не бѣси меня. Ты знаешь, что я разомъ ребра два у тебя выхвачу. Ты знаешь, каковъ я.

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Тѣ же и Совѣтница.

Совѣтница. — Что ты, сударь, затѣялъ? Возможно-ль, чтобъ я стерпѣла здѣсь такое barbarie?

Бригадиръ. — Я, матушка, хочу поучить немного своего Ивана.

Совѣтница. — Какъ? вы хотите поучить немного вашего сына, выломя у него два ребра?

Бригадиръ. — Да вѣдь, матушка, у него не только что два ребра; ежели я ихъ и выломлю, такъ съ него еще останется. А для меня все равно, будутъ ли у него тѣ два ребра, или не будутъ.

Бригадирша. — Вотъ, матушка, какъ онъ о рожденіи своемъ говорить изволитъ.

Сынъ *(къ Совѣтницѣ)*. — C'est l'homme le plus bourru que je connois.

Совѣтница. — Знаете ли вы, сударь, что грубость ваша къ сыну вашему меня безпокоитъ?

Бригадиръ — А я, матушка, думалъ, что грубость его ко мнѣ васъ безпокоитъ.

Совѣтница. — Ни мало. Я не могу терпѣть пристрастія. Мериты должны быть всегда респектованы: конечно вы не видите достоинствъ въ вашемъ сынѣ.

Бригадиръ. — Не вижу; да скажите же вы мнѣ, какія достоинства вы въ немъ видите?

Совѣтница. — Да развѣ вы не знаете, что онъ былъ въ Парижѣ?

Бригадирша. — Только-ль, матушка, что въ Парижѣ? онъ былъ еще во Франціи. Шутка-ль это!

Бригадиръ. — Жена, не полно-ль тебѣ врать?

Бригадирша. — Вотъ, батюшко, правды не говори тебѣ.

Бригадиръ. — Говори, да не ври.

Совѣтница *(къ Бригадиру)*. — Вы конечно не слыхивали, какъ онъ былъ въ Парижѣ принятъ.

Бригадиръ. — Онъ этого сказать мнѣ до сихъ поръ еще не смѣлъ, матушка.

Совѣтница. — Скажите лучше, что не хотѣлъ; а ежели я васъ, Monsieur, попрошу теперь, чтобъ вы о своемъ вояжѣ что нибудь поговорили, согласитесь ли вы меня контантировать?

Сынъ.— De tout mon coeur, Madame; только въ присутствіи батюшки мнѣ не способно исполнить вашу волю. Онъ зашумитъ, помѣшаетъ, остановитъ...

Совѣтница. — Онъ для меня этого конечно не сдѣлаетъ.

Бригадиръ. — Для васъ, а не для кого больше на свѣтѣ, я молчать соглашаюсь, и то, пока мочь будетъ. Говори, Иванъ

Сынъ. — Съ чего-жъ начать? par où commencer?

Совѣтница. — Начните съ того, чѣмъ вамъ Парижъ понравился, и чѣмъ вы, Monsieur, понравились Парижу.

Сынъ. — Парижъ понравился мнѣ во первыхъ тѣмъ, что всякой отличается въ немъ своими достоинствами.

Бригадиръ. — Постой, постой, Иванъ! Ежели это правда, то какъ же ты понравился Парижу?

Совѣтница. — Вы обѣщали, сударь, не мѣшать ему. По крайней мѣрѣ, вы должны учтивостію дамамъ, которыя хотятъ слушать его, а не васъ.

Бригадиръ. — Я виноватъ, матушка, и для васъ, а не для кого болѣе, молчать буду.

Совѣтница *(къ Сыну)*. — Продолжайте, Monsieur, continuez.

Сынъ. — Въ Парижѣ всѣ почитали меня такъ, какъ я заслуживаю. Куда бы я ни приходилъ, вездѣ или я одинъ говорилъ, или всѣ обо мнѣ говорили. Всѣ моимъ разговоромъ восхищались. Гдѣ меня ни видали, вездѣ у всѣхъ радость являлася на лицахъ, и часто, не могши ее скрыть, декларировали ее такимъ чрезвычайнымъ смѣхомъ, которой прямо показывалъ, что они обо мнѣ думаютъ.

Совѣтница *(Бригадиру)*. — Не должны ли вы придти въ восхищеніе? Я, ничѣмъ не будучи обязана, я отъ словъ его въ восторгѣ.

Бригадирша *(плача)*. — Я безъ ума отъ радости. Богъ привелъ на старости видѣть Иванушку съ такимъ разумомъ.

Совѣтница *(Бригадиру)*. — Что жъ вы ничего не говорите?

Бригадиръ. — Я, матушка, боюся васъ прогнѣвать, а безъ того бы я, конечно, или засмѣялся, или заплакалъ.

Совѣтница. — Continuez, душа моя.

Сынъ. — Во Франціи люди совсѣмъ не таковы, какъ вы, то есть не Русскіе.

Совѣтница. — Смотри, радость моя: я тамъ не была, однако я о Франціи получила уже отъ тебя изрядную идею. Не правда ли, что во Франціи живутъ по большей части Французы?

Сынъ *(съ восторгомъ)*. — Vous avez le don de déviner.

Бригадирша. — Какъ же, Иванушко! не ужели тамъ люди-то не такіе, какъ мы, всѣ Русскіе?

Сынъ. — Не такіе, какъ вы, а не какъ я.

Бригадирша. — Для чего же? вѣдь и ты мое рожденіе.

Сынъ. — N'importe! всякой, кто былъ въ Парижѣ, имѣетъ уже право, говоря про Русскихъ,

не включать себя въ число тѣхъ, за тѣмъ, что онъ уже сталъ больше Французъ, нежели Русской.

Совѣтница. — Скажи мнѣ, жизнь моя: можно-ль тѣмъ изъ нашихъ, кто былъ въ Парижѣ, забыть совершенно то, что они Русскіе?

Сынъ. — Totalement нельзя. Это не такое несчастіе, которое бы скоро въ мысляхъ могло быть заглажено; однако нельзя и того сказать, чтобъ оно живо было въ нашей памяти. Оно представляется намъ какъ сонъ, какъ illusion.

Бригадиръ *(къ Совѣтницѣ)*. — Матушка, позволь мнѣ одно словцо на все ему сказать.

Сынъ *(къ Совѣтницѣ)*. — Cela m'excède, je me retire *(выходитъ)*.

Бригадирша *(къ Совѣтницѣ)*. — Что онъ, матушка, это выговорилъ? Не занемогъ ли, Иванушко, что онъ такъ опрометью отсюда кинулся. Пойдти посмотрѣть было.

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Бригадиръ, Совѣтница.

Совѣтница. — Вотъ что вы сдѣлали. Вы лишили меня удовольствія слышать исторію вашего сына и цѣлаго Парижа.

Бригадиръ. — А я бы думалъ, что я избавилъ тебя отъ неудовольствія слышать дурачества. Развѣ, матушка, тебѣ угодно шутить надъ моимъ сыномъ?

Совѣтница. — Развѣ вамъ, сударь, угодно шутить надо мною?

Бригадиръ. — Надъ тобою! Боже меня избави. Я хочу, чтобъ меня ту минуту аркебузировали, въ которую помышлю я о тебѣ худо.

Совѣтница. — Благодарствую, сударь, за вашу эстиму.

Бригадиръ. — Не за что, матушка.

Совѣтница. — Вашъ сынъ, я вижу, страждетъ отъ вашихъ грубостей.

Бригадиръ. — Теперь для васъ ему спускаю; однако рано или поздно я изъ него Французской духъ вышибу; я вижу, что онъ и вамъ уже скученъ.

Совѣтница. — Вы ошиблись: перестаньте грубить вашему сыну. Вѣдаете ли вы, что я его словами восхищаюсь?

Бригадиръ. — Какими?

Совѣтница. — Развѣ вы глухи? Развѣ вы безчувственны были, когда онъ разсказывалъ о себѣ и о Парижѣ?

Бригадиръ. — Я бы хотѣлъ такъ быть на этотъ разъ, матушка; я вижу, что вы теперь шутить изволите: разсказы его пустошь. Онъ хотя и мой сынъ, однако таить нечего: гдѣ онъ былъ? въ какихъ походахъ? на которой акціи? А ежели ты охотница слушать и впрямь что нибудь пріятное, то прикажи мнѣ: я тебѣ въ одинъ мигъ разскажу, какъ мы Турковъ наповалъ положили; я не жалѣлъ бусурманской крови. И сколь тогда ни шумно было, однако все не такъ опасно, какъ теперь.

Совѣтница. — Какъ теперь? Что это такое?

Бригадиръ. — Это то, о чемъ я, матушка, съ тобой давно уже поговорить хотѣлъ, да проклятой сынъ мой съ бездѣлками своими мѣшалъ мнѣ всякой разъ, и ежели тебѣ угодно, то я его завтра же за это безъ живота сдѣлаю.

Совѣтница. — За что, сударь, хотите вы его такъ изувѣчить?

Бригадиръ. — За то, что можетъ-быть безъ него я давно бы тебѣ сказалъ мой секретъ, и взялъ бы отъ тебя отвѣтъ.

Совѣтница. — Какой секретъ? Какой отвѣтъ?

Бригадиръ. — Я чиновъ не люблю; я хочу одного изъ двухъ: да, или нѣтъ.

Совѣтница. — Да чего вы хотите? Что вы такъ перемѣнились?

Бригадиръ. — О, ежели бы ты знала, какая теперь во мнѣ тревога, когда смотрю я на твои бодрыя очи!

Совѣтница. — Что это за тревога?

Бригадиръ. — Тревога, которой я гораздо больше опасаюсь, нежели идучи противъ цѣлой непріятельской арміи. Глаза твои мнѣ страшнѣе всѣхъ пуль, ядеръ и картечей. Одинъ первой ихъ выстрѣлъ прострѣлилъ уже на вылетъ мое сердце, и прежде нежели они меня ухлопаютъ, сдаюся я твоимъ военноплѣннымъ.

Совѣтница. — Я, сударь, дискуру твоего вовсе не понимаю, и для того, съ позволенія вашего, я васъ оставляю.

Бригадиръ.— Постой, матушка. Я тебѣ вытолкую все гораздо яснѣе. Представь себѣ фортецію, которую хочетъ взять храброй Генералъ: что онъ тогда въ себѣ чувствуетъ? Точно то теперь и я. Я какъ храброй полководецъ, а ты моя фортеція, которая какъ ни крѣпка, однако все брешу въ нее сдѣлать можно.

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ

Тѣ же, Совѣтникъ и Добролюбовъ.

Совѣтникъ *(къ Добролюбову)*. — Такъ дѣло твое уже рѣшено?

Добролюбовъ. — Рѣшено, сударь.

Бригадиръ. — О, чортъ ихъ побери! Который разъ принимаюсь, да не дадутъ кончить.

Совѣтница. — Что-жъ вы, сударь?

Бригадиръ. — Матушка, это не такое дѣло, о которомъ бы я говорить могъ при вашемъ сожителѣ. *(Выходя)* Я съ досады тресну!

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ

Совѣтникъ, Добролюбовъ, Совѣтница.

Совѣтникъ. — Да ты какъ рано о дѣлѣ своемъ свѣдалъ?

Добролюбовъ. — Сей часъ.

Совѣтница. — Какъ? Вы вашъ процессъ выиграли?

Добролюбовъ. — Такъ, сударыня; состояніе мое гораздо поправилось. Я имѣю двѣ тысячи душъ.

Совѣтникъ. — Двѣ тысячи душъ! О Создатель мой, Господи! и при твоихъ достоинствахъ! Ахъ, какъ же ты теперь почтенія достоинъ.

Совѣтница. — Да не были ли вы притомъ и въ Парижѣ?

Добролюбовъ. — Нѣтъ, сударыня.

Совѣтница. — Жаль: это одно всѣ мериты помрачить можетъ.

Совѣтникъ. — Однако, ежели у кого есть двѣ тысячи душъ, то мнѣ кажется, онѣ всѣ пороки наградить могутъ. Двѣ тысячи душъ и безъ помѣщичьихъ достоинствъ всегда двѣ тысячи душъ; а достоинства безъ нихъ, какія къ чорту достоинства. Однако, про насъ слово: чудно мнѣ, что ты могъ такъ скоро выходить свое дѣло, и, погнавшись за нимъ, не растерялъ и достальное.

Добролюбовъ. — Ваша правда. Корыстолюбіе нашихъ лихоимцевъ перешло всѣ предѣлы. Кажется, что нѣтъ такихъ запрещеній, которыя ихъ унять бы могли.

Совѣтникъ. — А я такъ всегда говорилъ, что взятки и запрещать не возможно. Какъ рѣшить дѣло даромъ за одно свое жалованье? Этого мы какъ родились и не слыхивали! Это

противъ натуры человѣческой... Какъ же ты дошелъ до того, что наконецъ дѣло твое рѣшено стало?

Добролюбовъ. — Мы счастливы тѣмъ, что всякой, кто не находитъ въ учрежденныхъ мѣстахъ своего права, можетъ идти наконецъ прямо къ вышнему правосудію. Я принялъ смѣлость къ оному прибѣгнуть, и судьи мои принуждены были строгимъ повелѣніемъ рѣшить мое дѣло.

Совѣтникъ. — Хорошо, что твое дѣло право, такъ ты и могъ идти далѣе; ну, а ежели бы оно было не таково, какъ бы ты далѣе-то съ нимъ пошелъ?

Добролюбовъ. — Я бы не только не пошелъ тогда далѣе, да и не сталъ бы трудить судебное мѣсто.

Совѣтникъ. — Такъ хорошее-ли это дѣло? А въ мое время всякой и съ правымъ и неправымъ дѣломъ шелъ въ Приказъ, и могъ, подружась съ судьею, получить милостивую резолюцію. Въ мое время далѣ не совались. У насъ была пословица: до Бога высоко, до Царя далеко.

Совѣтница *(къ Добролюбову)*. — Мнѣ кажется, что вамъ время уже себя этаблировать, время жениться.

Добролюбовъ. Я ни на комъ жениться не хочу, когда вы не соглашаетесь за меня отдать дочь вашу.

Совѣтникъ. — Другъ мой сердечной, ты былъ недостаточенъ, да къ тому же и мои обстоятельства не таковы, чтобъ...

Совѣтница. — Я съ моей стороны никогда въ вашемъ сватовствѣ не препятствовала.

Добролюбовъ. — Однако я уже льстить-ся могу...

Совѣтникъ. — Теперь мнѣ ни того, ни другого сказать нельзя. Пойдемъ-ка лучше,

да выпьемъ по чашкѣ чаю. Послѣ обѣда о дѣлахъ говорить не ловко. Я всегда интересныя дѣла рѣшилъ по утрамъ.

Конецъ третьяго дѣйствія.

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ

Добролюбовъ, Софья.

Добролюбовъ. — Я великую надежду имѣю къ совершенію нашего желанія.

Софья. — А я не смѣю еще ласкаться ею. Съ тобою я могу говорить откровенно. Если это правда, что батюшка мой измѣняетъ моей мачихѣ, то и перемѣна состоянія твоего не можетъ перемѣнить его намѣренія.

Добролюбовъ. — Однако я видѣлъ, съ какимъ чувствіемъ услышалъ онъ вѣсть о рѣшеніи дѣла моего въ пользу мою. Я также мыслей своихъ отъ тебя скрывать не могу. Ты знаешь сама, что отецъ твой любитъ богатство; а корыстолюбіе дѣлаетъ изъ человѣка такія же чудеса, какъ и любовь.

Софья. — Со всѣмъ тѣмъ корыстолюбіе рѣдко любовь побѣждаетъ. Я не знаю, буду ли я столько счастлива, чтобъ судьба твоя съ моей соединилась; я однако и тѣмъ однимъ уже утѣшаюсь, что твое состояніе поправилось.

Добролюбовъ. — Мое состояніе до тѣхъ поръ несчастно будетъ, пока не исполнится мое главнѣйшее желаніе. Ты знаешь, въ чемъ состоитъ оно. Тебѣ извѣстно мое сердце...

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Тѣ же и Бригадирша.

Добролюбовъ *(видя, что Бригадирша слезы отираетъ)*. — О чемъ вы плакали, сударыня?

Бригадирша. — Я, мой батюшко, не первый разъ на вѣку плачу. Одинъ Господь видитъ, каково мое житье!

Софья. — Что такое, сударыня?

Бригадирша. — Закажу и другу и ворогу идти замужъ.

Софья. — Какъ, сударыня? Можете ли вы говорить это въ самое то время, когда хотите вы того, чтобъ я была женою вашего сына?

Бригадирша. — Тебѣ, матушка, для чего за него нейти? Я сказала такъ про себя.

Добролюбовъ. — Нѣтъ, вы про всѣхъ теперь сказать изволили.

Бригадирша. — И вѣдомо.

Софья. — Какъ же это, то про себя, то про всѣхъ? Скажите, сударыня, что нибудь одно.

Бригадирша. — Ты изволь говорить; а мнѣ что?

Добролюбовъ. — Что же вамъ угодно?

Бригадирша. — Ничего? Я пришла сюда такъ поплакать въ свою волю.

Софья. — Да о чемъ же?

Бригадирша *(плача)*. — О томъ, что мнѣ грустно. Теперь Игнатій Андреевичъ напади на меня ни за что ни прошто. Ругалъ, ругалъ, а Господь вѣдаетъ за что. Ужъ я у него стала и свинья и дура; а вы сами видите, дура ли я?

Добролюбовъ. — Конечно видимъ, сударыня.

Софья. — Да за что онъ такъ на васъ теперь напалъ?

Бригадирша. — Такъ, слово за слово. Онъ же такого крутого нрава, что упаси Господи; того и смотрю, что рѣзнетъ меня чѣмъ ни попало; разсуди-жъ, моя матушка, вѣдь долго-ль до бѣды: разскроитъ черепъ разомъ. Послѣ и спохватится, да не что сдѣлаешь.

Добролюбовъ. — Поэтому ваша жизнь всякую минуту въ опасности?

Бригадирша. — До лихого часу долго ли?

Софья. — Не ужели онъ съ вами столько варварски поступалъ, что вы отъ него уже и терпѣли на это похожее?

Бригадирша. — То нѣтъ, моя матушка. Этого еще не бывало, чтобъ онъ убилъ меня до смерти. Нѣтъ, нѣтъ еще!

Добролюбовъ. — Объ этомъ, сударыня, васъ никто и не спрашиваетъ.

Софья. — Довольно ежели онъ имѣлъ варварство пользоваться правомъ сильнаго.

Бригадирша. — То онъ силенъ, матушка. Однажды и то безъ сердцовъ, знаешь въ шутку, потолкнулъ онъ меня въ грудь, такъ вѣришь ли, мать моя, Господу Богу, что я насилу вздохнула: такъ глазки подъ лобъ и закатились, не взвидѣла свѣта Божьяго!

Софья. — И это было въ шутку!

Бригадирша. — Насилу отдохнула; а онъ, мой батюшка, хохочетъ, да тѣшится.

Добролюбовъ. — Изрядной смѣхъ.

Бригадирша. — Недѣль черезъ пять, шесть и я тому смѣялась, а тогда, мать моя, чуть было чуть Богу души не отдала безъ покаянія.

Добролюбовъ. — Да какъ-же вы съ нимъ жить можете, когда онъ и въ шутку чуть было васъ на тотъ свѣтъ не отправилъ?

Бригадирша. — Такъ и жить. Вѣдь я, мать моя, не одна замужемъ. Мое житье то худо, а все не такъ худо какъ бывало нашихъ офицершей. Я всего наглядѣлась. У насъ былъ нашего полку первой роты Капитанъ, по прозванью Гвоздиловъ; жена у него была такая изрядная молодка. Такъ бывало онъ разсерчаетъ за что нибудь, а больше хмѣльной: такъ, вѣришь ли

Богу, мать моя, что гвоздитъ онъ, гвоздитъ ее бывало, въ чемъ душа останется, а ни дай ни вынеси за что. Ну мы, наша сторона дѣло, а ино наплачешься, на нее глядя.

Софья. — Пожалуйте, сударыня, перестаньте разсказывать о томъ, что возмущаетъ человѣчество.

Бригадирша. — Вотъ, матушка, ты и слушать объ этомъ не хочешь; каково же было терпѣть Капитаншѣ?

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Тѣ же, Сынъ и Совѣтница.

Совѣтница *(Сыну)*. — Не угодно ли сыграть партію въ карты?

Сынъ. — Съ великою охотою, avec plaisir.

Совѣтница. — Такъ велѣть подать карты. Лакей! столъ и карты. *(Къ Добролюбову)* Не изволите-ли вы здѣсь партію въ кадриль?

Добролюбовъ. — Если вамъ угодно. *(Между тѣмъ ставятъ столъ и подаютъ карты)*.

Сынъ *(разбираетъ карты и подаетъ каждому по картѣ для мѣстъ)*. — *(Къ Совѣтницѣ)* Madame. *(Къ Бригадиршѣ)* Madame.

Бригадирша. — Это на что, Иванушко. Да коли играть, такъ всѣ раздай. Развѣ, мой батюшко, нынѣ по одной карточкѣ играютъ?

Сынъ. — Это для мѣстъ.

Бригадирша. — И! мнѣ и такъ по милости хозяйской мѣсто будетъ.

Сынъ. — Матушка берите же.

Бригадирша. — Да что мнѣ, батюшко, въ одной карточкѣ?

Совѣтница. — Играете ли вы въ кадриль, сударыня?

Бригадирша. — И, мать моя, я и слыхомъ не слыхала, что это.

Совѣтница *(къ Софьѣ)*. — Такъ возьмите вы.

Сынъ. — Mademoiselle. *(Подаетъ карты и всѣ садятся, между тѣмъ, какъ Сынъ сдаетъ карты)*.

Бригадирша. — А я сяду, матушка, да посмотрю на васъ, какъ вы забавляетесь.

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Тѣ же, Бригадиръ и Совѣтникъ.

Бригадиръ. — Ба! здѣсь и картежъ завели!

Совѣтникъ. — А ты не изволишь ли со мною игорку въ шахматы въ большую?

Бригадиръ. — Давай, бери *(Садятся въ другомъ концѣ)*. *(Между тѣмъ, Совѣтникъ съ Бригадиромъ выступаютъ и одинъ другому говоритъ)*: Я такъ *(а тотъ ему)*, а я такъ.

Совѣтница. — Въ кёрахъ волю.

Сынъ. — Passe *(и всѣ пасуютъ)*.

Совѣтница. — Они и они.

Бригадирша. — Что за околесница? Они и они; кто это они?

Совѣтникъ *(услышавъ ея вопросъ)*. — Нынѣ, матушка, всѣхъ игоръ и не разберешь, въ которыя люди тѣшиться изволятъ.

Бригадирша. — Такъ, мой батюшко, ужъ чего нынѣ не выдумаютъ. Они и они! Куда мудренъ народъ *(заглянувъ къ Сыну въ карты)*! Ахъ, Иванушко, какъ на рукахъ-то у тебя жлудей, жлудей.

Сынъ. — Матушка, я брошу карты, je les jette par terre.

Совѣтница. — И впрямь, сударыня, вы бы могли это держать только на умѣ... Рекизъ!

Бригадиръ *(вслушавшись въ рѣчь Совѣтницы)*.—На умѣ? Было бы на чемъ!.. Шахъ!

Совѣтникъ. — Плохо, плохо мнѣ приходитъ.

Бригадиръ. — Не шути, сватушка.

Сынъ *(показавъ карты)*. — Санпрандеръ шесть матедоровъ.

Бригадирша. — Что, мой батюшко, что ты сказалъ, мададуры? Вотъ, нынче стали играть и въ дуры; а бывало такъ всѣ въ дураки игрывали.

Совѣтникъ. — Такъ, матушка моя; мало ли что бывало, и чего нѣтъ, —чего не бывало, и что есть.

Бригадирша. — Такъ, мой батюшко. Бывало и я въ людяхъ; а нынѣ, — что ужъ и говорить, — старость пришла; ужъ и памяти нѣтъ.

Бригадиръ. — А ума не бывало.

Сынъ *(поетъ Французскую пѣсню, Совѣтница пристаетъ къ нему). (Къ Совѣтницѣ)*. —Madame! мы оба беты. Матушка, пропойте-ка вы намъ какой нибудь эръ.

Бригадирша. — Что пропѣть? И, мой батюшко, голосу нѣтъ; духъ занимаетъ... Да что это у васъ за игра идетъ? Я не разберу, хоть ты меня зарѣжь. Бывало, какъ мы заведемъ игру, такъ или въ марьяжъ или въ дураки; а всего веселѣй бывало въ хрюшки. Раздадутъ по три карточки; у кого пигусъ, тотъ и вышелъ; а кто останется, такъ дранье такое подымутъ, что животики надорвешь.

Совѣтникъ *(смѣется съ нѣжностію)*. — Ха, ха, ха! Я самъ игрывалъ бывало, и, помнится мнѣ, при всякой картѣ разныя забавы.

Добролюбовъ. — Медіаторъ.

Бригадирша. — Такъ, мой батюшко! *(Схватила однѣ карты и подбѣжала къ Совѣтнику)*. Вотъ, бывало, коли кто виноватъ, такъ и скажутъ: съ той стороны не проси вотъ этого, а съ этой этого; а потомъ *(держа въ одной рукѣ*

карты однимъ пальцемъ шмыгаетъ. Между тѣмъ Совѣтникъ останавляетъ игру въ шахматцы, и смотритъ на нее съ нѣжностію) тотъ и выглядываетъ карточку; а тамъ до этой карты и пойдетъ за всякую дранье; тамъ розно: краля по. щекѣ, холопъ за ухо волокъ.

Бригадиръ. — Жена, давай-ка со мною въ хрюшки! *(Встаетъ). (Къ Совѣтнику)* Воля твоя, мы этакъ вѣкъ не кончимъ.

Сынъ. — Pardieu! Матушка, куда ты карты дѣвала?

Бригадирша. — Здѣсь. Иванушко.

Сынъ *(вскоча)*. Il est impossible de jouer. *(Всѣ встаютъ)*.

Бригадирша. — Да я вамъ что, мой батюшко, помѣшала? Вѣдь у васъ есть карты, да еще и съ тройками.

Бригадиръ. — Слушай, жена! Ты куда ни придешь, вездѣ напроказишь.

Бригадирша. — Да тебѣ, мой батюшко, чѣмъ я помѣшала? Ты бы зналъ выступалъ своей игрой. Вѣдь я къ нему подошла *(указывая на Совѣтника)*, а не къ тебѣ.

Бригадиръ. — У кого нѣтъ ума, тотъ подошедши къ одному, всѣмъ помѣшать можетъ.

Бригадирша. — Вотъ такъ; я же виновата стала.

Сынъ. — Матушка! Да развѣ я виноватъ, *(указывая на Добролюбова)* ou ce Monsieur, *(указывая на женщинъ)* ou ces Dames.

Совѣтникъ. — Полно, зятюшко: тебѣ бы и грѣшно было упрекать родшую.

Совѣтница. — А вамъ стыдно, сударь, не въ ваши дѣла вступаться.

Бригадиръ. — Я, сватъ, тебя люблю; а съ женой моей пожалуй ты не мири меня. Развѣ ты, сватъ, не вѣдаешь пословицы; свои собаки грызутся, чужая не приставай.

Сынъ. — Такъ, батюшко, всѣ пословицы справедливы, а особливо Французскія. Не правда ли *(къ Добролюбову)*, Monsieur?

Добролюбовъ. — Я знаю много и Русскихъ очень справедливыхъ; не правда ли, сударыня *(къ Софьѣ)?*

Софья. — Правда.

Сынъ *(къ Софьѣ)*. — А какія-жъ?

Софья. — Напримѣръ, сударь: ври, дуракъ, что хочешь, со вранья пошлинъ не берутъ.

Бригадиръ. — Такъ, матушка, ай люблю. Вотъ тебѣ пословица и загадка. А ежели хочешь ты, Иванъ, чтобъ я отгадалъ ее, такъ дуракъ-отъ выдешь ты.

Сынъ. — Par quelle raison?

Совѣтница. — По какому резону?

Бригадиръ. — По такому, матушка, что онъ врётъ безпошлинно.

Бригадирша. — Слава Богу, милость Божія, что на враньё-то пошлинъ нѣтъ. Вѣдь куда бы какое всѣмъ намъ было разореніе!

Бригадиръ. — А особливо тебѣ: ты бы часовъ въ пять, шесть пошла по міру.

Совѣтникъ. — Не гнѣвайся, матушка, на своего супруга. На него сегодня худой стихъ нашелъ.

Бригадирша. — И, мой батюшко, мнѣ-ль сердиться, когда онъ гнѣвается: мое дѣло убираться теперь далѣ. *(Уходитъ.)*

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Бригадиръ, Совѣтникъ, Совѣтница, Добролюбовъ, Сынъ, Софья.

Бригадиръ. — Дѣло и сдѣлала.

Совѣтница *(къ Софьѣ)*. — Поди-жъ, суда-

рыня, къ своей свекрови. Вѣдь ей не одной сидѣть тамъ.

Софья. — Иду, сударыня. *(Уходитъ).*

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

Бригадиръ, Совѣтникъ, Совѣтница, Добролюбовъ и Сынъ.

Совѣтникъ. — Воля твоя, братецъ; ты весьма худо поступаешь съ своею супругою.

Бригадиръ. — А она весьма худо со мной.

Совѣтница. — Чѣмъ же, сударь?.

Бригадиръ. — Тѣмъ, матушка, что она не къ мѣсту печальна, не къ добру весела; зажилась долго, грѣха много не кстати.

Совѣтникъ. — Какъ не кстати? Что-жъ ты и заправду, сватушко? Дай Богъ ей многолѣтное здоровье, и долгіе вѣки; съ умомъ ли ты? Кому ты желаешь смерти?

Сынъ. — Желать смерти никому не надобно, mon cher père. нижѐ собакѣ, не только моей матушкѣ.

Бригадиръ. — Иванъ, не учи ты меня. Я хотя это и молвилъ, однако все больше ей хочу добра нежели ты намъ обоимъ.

Сынъ. — Я васъ не учу, а говорю правду.

Бригадиръ. — Говори ее тогда, когда спрашиваютъ.

Совѣтница. — Для чего же вы говорите ему тогда, когда онъ васъ не спрашиваетъ?

Бригадиръ. — Для того, матушка, что онъ мой сынъ; каково же мнѣ будетъ, когда люди станутъ говорить, что у такого-то Бригадира, человѣка заслуженнаго, есть сынъ негодница?

Сынъ. — Батюшко! Я негодница? Je vous demande pardon; я такой сынъ, по которомъ свѣтъ узнаетъ васъ больше, нежели по вашемъ Брига-

дирствѣ! Вы, Monsieur, *(къ Добролюбову)* конечно сами знаете много дѣтей, которые дѣлаютъ честь своимъ отцамъ.

Добролюбовъ. — А еще больше такихъ, которые имъ дѣлаютъ безчестье. Правда и то, что всему причиной воспитаніе.

Бригадиръ. — Такъ, государь мой, это правда. Дура мать его, а моя жена, причиною тому, что онъ сдѣлался повѣсою, и тѣмъ хуже, что сдѣлался онъ повѣсою Французскою. Худы Русскіе, а Французскіе еще гаже.

Совѣтникъ. — Э! Господа Бога не боишься ты, сватушко; за что ругаешь ты такъ свою супругу, которая можетъ назваться вмѣстилищемъ человѣческихъ добродѣтелей?

Бригадиръ. — Какихъ?

Совѣтникъ. — Онъ смиренна яко агнецъ, трудолюбива яко пчела, прекрасна яко райская птица, *(вздыхая)* и вѣрна яко горлица.

Бригадиръ. — Развѣ умна какъ корова, прекрасна какъ бы кто... какъ сова.

Совѣтникъ. — Какъ дерзаешь ты примѣнить свою супругу къ ночной птицѣ?

Бригадиръ. — Денную дуру къ ночной птицѣ примѣнить, кажется, можно.

Совѣтникъ. — Однако она все тебѣ вѣрна пребываетъ.

Совѣтница. — Въ самомъ дѣлѣ, много въ ней добродѣтели, если она васъ любитъ.

Бригадиръ. — Да кого же ей любить-то, ежели не меня? Мнѣ дурно самому о себѣ хвастать: а право, я, кажется, благодаря Бога, заслужилъ мой чинъ вѣрой и правдой, то есть, она по мнѣ стала Бригадиршей, а не я по женѣ Бригадиръ; это въ нынѣшнемъ свѣтѣ примѣтить надобно: такъ какъ же ей другого-то и полюбить можно? А кабы я не таковъ былъ, тогда посмотрѣлъ бы ея добродѣтель; а особливо когда-бы

нскалъ въ ней кто нибудь также изъ нашей братьи первыхъ пяти классовъ.

Совѣтникъ. — Нѣтъ, братецъ, не говори того; супруга твоя воистинну не такова. Да не похвалится всяка плоть предъ Богомъ; и хотя бы достойной и предостойной человѣкъ искалъ въ ней, право бы ничего не нашелъ. Вѣдь это, мой другъ, не городъ, штурмомъ не возьмешь.

Бригадиръ. — Ты говоришь это; а я знаю, каковъ я.

Сынъ. — Что-жъ вы, батюшко? Ха, ха, ха, ха; неужели вы думаете сердце взять штурмомъ?

Бригадиръ. — Иванъ! Мнѣ кажется, нѣтъ ли теперь штурма въ твоей головушкѣ? Не можно ли потише?

Совѣтница. — Вы сами шумѣть больше всѣхъ любите. Я не знаю, для чего вы хотите, чтобъ сынъ вашъ не говорилъ того, что онъ думаетъ? Вы ужасть какъ бизарны! *(Къ Сыну и Добролюбову)* Messieurs! Я хочу оставить ихъ продолжать важные ихъ дискуры, и васъ прошу сдѣлать тоже.

Сынъ. — Я иду за вами. Adieu, Messieurs!

Добролюбовъ. — Я волѣ вашей повинуюсь.

ЯВЛЕНІЕ СЕДЬМОЕ.

Бригадиръ и Совѣтникъ.

Совѣтникъ. — И жена моя уже примѣтила, что ты на свою супругу нападаешь.

Бригадиръ. — Нѣтъ; а я примѣтилъ, что она слишкомъ горячо вступается за моего сына.

Совѣтникъ. — Я того не примѣчаю.

Бригадиръ. — Тѣмъ хуже.

Совѣтникъ. — А что же?

Бригадиръ. — Ничего, сватъ; однако я моей женѣ не совѣтовалъ бы за чужаго дѣтину такъ горячо при мнѣ вступаться.

Совѣтникъ. — Ты думаешь, братецъ, что и я спустилъ бы женѣ моей, ежели бъ усмотрѣлъ я что нибудь у нее благое на умѣ... Слава Богу, у меня глаза-то есть: я не изъ тѣхъ мужей, которые смотрятъ, да не видятъ.

Бригадиръ. — Я съ моей стороны спокоенъ: жена моя другого не полюбитъ.

Совѣтникъ. — Цѣломудріе ея извѣстно тому, кто, по несчастію, ослѣпленъ ея прелестьми

Бригадиръ. — Однако такого дурака нѣтъ на свѣтѣ, которому-бы вспало на мысль за нею волочиться.

Совѣтникъ. — Да за что же ты бранишься?

Бригадиръ. — Кого? Нѣтъ, братецъ. Я говорю, что эдакого скота еще не родилось, которой бы вздумалъ искать въ моей женѣ.

Совѣтникъ. — Да за что же ты бранишься?

Бригадиръ. — Будто я бранюсь, когда говорю, что надобно быть великому скареду, ежели прельститься моею женою?

Совѣтникъ. — Будто ты и не бранишься? *(Съ сердцемъ)* Почему же тотъ дуракъ, которой бы плѣнился Акулиной Тимоѳеевной?

Бригадиръ. — Потому что она дура.

Совѣтникъ. — А она такъ разумна, что всѣ ея слова напечатать можно.

Бригадиръ. — Для чего не напечатать! Я слыхалъ, сватъ, что въ нынѣшнихъ печатныхъ книгахъ врутъ не умнѣе жены моей.

Совѣтникъ. — Возможно ли тому статься, чтобъ въ книгахъ врали? Да вѣдаешь ли ты,

братецъ, что печатному-то надлежитъ вѣрить всѣмъ намъ, православнымъ. Видно, вѣра-то у насъ пошатнулась. Еретиковъ стало больше.

Бригадиръ. — А мнѣ кажется, что много печатнаго вздору у насъ не отъ того, чтобъ больше стало еретиковъ, а развѣ отъ того, что больше стало дураковъ. Вѣдь я, говоря о женѣ моей, не говорю того, чтобъ она всѣхъ была глупѣе.

Совѣтникъ. — А я говорю о твоей супругѣ, и всегда скажу, что нѣтъ ея разумнѣе.

Бригадиръ. — Хотя бы мнѣ съ досады треснуть случилось, однако не отопрусь, что твоя хозяйка весьма разумна.

Совѣтникъ. — Всякому, братецъ, въ чужой рукѣ ломоть больше кажется. Я въ своей женѣ много вижу, чего ты не видишь.

Бригадиръ. — Положимъ, что это правда; однако и то не ложь, что и я въ супругѣ твоей также многое теперь вижу, чего ты не видишь.

Совѣтникъ. — А что бы такое?

Бригадиръ. — То, что ты, можетъ быть, увидишь, да поздно.

Совѣтникъ. — Я знаю, братецъ, къ чему ты пригибаешь! Ты думаешь, что я мало смотрю за моею женою; однако для счастія мужей, дай Господи Боже, чтобъ всѣ жены таковы цѣломудренны были, какъ моя.

Бригадиръ. — Женщины обыкновенно бываютъ цѣломудренны съ людьми заслуженными, а съ повѣсами рѣдко.

Совѣтникъ. — Мудрено, братецъ Игнатій Андреевичъ, меня обмануть.

Бригадиръ. — А всего мудренѣе, ежели я въ этомъ обманываюсь.

Совѣтникъ. — Мы оба, кажется, не таковы, чтобъ наши жены могли отъ насъ полюбить чужого мужика. Я съ первою женою жилъ лѣтъ

съ пятнадцать, и могу, благодаря Бога, сказать, что она также жила, какъ и эта. Я въ женахъ не безсчастенъ.

Бригадиръ. — Разумѣю.

Совѣтникъ. — Жена, какая бы ни была, да только ежели у добраго мужа, то ей и на умъ не вспадетъ полюбить другого.

Бригадиръ. — Не говори, братецъ. Со мною служилъ въ одномъ полку Секундъ-Маіоръ, — до имени нужды нѣтъ, — мужикъ не дуракъ, и на взглядъ дѣтина добръ. Ростомъ чуть не вдвое меня выше...

Совѣтникъ. — Этому статься нельзя, братецъ.

Бригадиръ. — Однако я не лгу. Въ мое время, когда я еще былъ помоложе, народъ былъ гораздо крупнѣе.

Совѣтникъ. — Только все не такъ крупенъ, какъ ты сказываешь. Правда, что и въ нашей Коллегіи былъ одинъ Канцеляристъ, чуть не впятеро меня толще...

Бригадиръ. — Этому статься нельзя, братецъ.

Совѣтникъ. — Конечно такъ. Когда я былъ въ Коллегіи, тогда отъ Президента до сторожа, всѣ были люди дородные.

Бригадиръ. — Ты, братецъ, перебилъ только рѣчь мою. Да о чемъ бишь я тебѣ хотѣлъ сказывать?

Совѣтникъ. — Право не знаю.

Бригадиръ. — И я не вѣдаю... о чемъ бишь... да, о Секундъ-Маіорѣ. Онъ былъ мужикъ предорогой; цѣлой полкъ зналъ, что жена его любила нашего Полковника, Подполковника, Премiеръ-Маіора, или лучше сказать, всѣ вѣдали, что изъ нашихъ Штабъ и Оберъ-Офицеровъ не любила она одного его; а онъ, собачій сынъ,

и мыслить не хотѣлъ, чтобъ она кромѣ его кого нибудь полюбить могла.

Совѣтникъ. — Что-жъ мы такъ долго одни заговорились?

Бригадиръ. — О дѣлѣ я говорить не скучливъ: однако пойдемъ туда, гдѣ всѣ. (*Выходя*) Впрямь, ежели не переставать разсказывать о томъ, какъ люди ошибаются, то мы не сойдемъ съ мѣста и до скончанія нашей жизни.

Совѣтникъ. — Пойдемъ же, пойдемъ.

Конецъ четвертаго дѣйствія.

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Бригадирша и Сынъ.

Бригадирша. — Не упрямься, Иванушко. Для чего тебѣ не жениться?

Сынъ. — Матушка! Довольно видѣть васъ съ батюшкою, чтобъ получить совершенную аверсію къ женитьбѣ.

Бригадирша. — А что-жъ бы такое, другъ мой? Развѣ мы спустя рукава живемъ? То правда, что деньжонокъ у насъ не много: однако-жъ онѣ не переводятся.

Сынъ. — Мало иль ничего, c'est la même chose, для меня все равно.

Бригадирша. — Какъ все равно, батюшко! Случится иногда и въ десяти копейкахъ нужда, такъ и тѣхъ изъ земли не выроешь Ужъ куда, право, нынѣ вы прихотливы стали! У васъ вотъ и десять копеекъ за пометъ; а того и не помнишь, что гривною въ день можно быть сыту.

Сынъ. — Матушка! Я хочу быть лучше голоденъ, нежели сытъ за гривну.

Бригадирша. — Куда больно, Ивануш-

ко! не покорми-ка тебя сегодня, не покорми-тко завтра, такъ ты небось и нашимъ сухарямъ радъ будешь.

Сынъ. — Въ случаѣ голода осмѣливаюсь думать, что и природной Французъ унизилъ бы себя кушать наши сухари... Матушка, когда вы говорите о чемъ нибудь Русскомъ, тогда желалъ бы я отъ васъ быть на сто миль Французскихъ, а особливо когда дѣло идетъ до моей женитьбы.

Бригадирша. — Какъ же, Иванушко? Вѣдь мы ужъ на словѣ положили?

Сынъ. — Да я нѣтъ.

Бригадирша. — Да что намъ до этого? Наше дѣло сыскать тебѣ невѣсту, а твое дѣло жениться. Ты ужъ не въ свое дѣло и не вступайся.

Сынъ. — Какъ, ma mère! я женюсь, и мнѣ нужды нѣтъ до выбора невѣсты?

Бригадирша. — И вѣдомо. А какъ отецъ твой женился? А какъ я за него вышла? Мы другъ о другѣ и слыхомъ не слыхали. Я съ нимъ до свадьбы отъ роду слова не говорила, и начала уже мало по малу кое какъ заговаривать съ нимъ недѣли двѣ спустя послѣ свадьбы.

Сынъ. — За то послѣ слишкомъ вы другъ съ другомъ говорили.

Бригадирша. — Дай-то Господи, чтобъ и тебѣ такъ же удалось жить, какъ намъ.

Сынъ. — Dieu m'en préserve!

Бригадирша. — Буди съ вами милость Божія, и мое благословеніе.

Сынъ. — Très obligé.

Бригадирша. — Или я глуха стала, или ты нѣмъ.

Сынъ. — Ni l'un ni l'autre.

Бригадирша. — Что-это мнѣ съ тобою будетъ, Иванушко? Да по каковски ты со мною говоришь?

Сынъ. — Виноватъ. Я и забылъ, что мнѣ надобно говорить съ вами по Русски.

Бригадирша. — Иванушко, другъ мой! Или ты выучи меня по Французскому, или самъ разучись. Я вижу, что мнѣ никакъ нельзя ни слушать тебя, ни самой говорить. (*Отходитъ*).

Сынъ. — Какъ изволишь.

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Сынъ и Совѣтница,

Совѣтница. — Знаешь ли что, душа моя? Мнѣ кажется, будто твой отецъ очень ревнуетъ; намъ какъ возможно стараться надобно скрывать любовь нашу.

Сынъ. — Madame, возможно ли скрыть пожаръ, и такой сильной, car je brûle — moi.

Совѣтница. — Я боюсь того, чтобъ, свѣдавъ о нашемъ пламени, твой отецъ и дуракъ мой не пришли его тушить.

Сынъ. — Такъ, vous avez raison: это такіе люди, которые не въ свои дѣла вступаться любятъ.

Совѣтница. — А особливо мужъ мой, Ему ничего нѣтъ пріятнѣе, какъ быто замѣшану mal à propos въ такое дѣло, которое до него не принадлежитъ: и чѣмъ меньше ему нужды до нашего пламени, тѣмъ больше онъ въ томъ интересоваться будетъ.

Сынъ. — Vous avez raison. И какая бы ему тутъ была нужда?

Совѣтница. — Вотъ какая: онъ говоритъ, жизнь моя, что будто мужъ и жена составляютъ одного человѣка.

Сынъ. — Тѣмъ лучше: par conséquent, ежели тебѣ пріятно любить меня, такъ и ему должно то быть пріятно, что ты меня любишь.

Совѣтница. — Конечно, онъ самъ себя контрадируетъ.

Сынъ. — Madame, ты не была въ Парижѣ, а знаешь всѣ Французскія слова. (*Садятся оба*). Avouez, (*съ веселымъ видомъ*) не имѣла ли ты коннесансу съ какимъ Французомъ?

Совѣтница (*застыдясь*). — Нѣтъ, душа моя. Мнѣ нельзя было ни съ кѣмъ, живучи въ Москвѣ, познакомиться.

Сынъ. — Eh pourquoi? Тамъ развѣ мало Французовъ?

Совѣтница. — Я никого не знала, (*съ презрѣніемъ*) кромѣ учителей.

Сынъ. — Да знаешь ли ты, каковы наши Французскіе учители? Даромъ что большая изъ нихъ половина грамотѣ не знаетъ, однако для воспитанія они предорогіе люди: вѣдаешь ли ты, что я, — я, котораго ты видишь, — я до отъѣзду моего въ Парижъ, былъ здѣсь на пансіонѣ у Французскаго кучера.

Совѣтница. — Ежели это правда, душа моя, je vous demande pardon. Съ сего часа буду я въ сердцѣ моемъ сохранять истинное почтеніе къ Французскимъ кучерамъ.

Сынъ. — Я совѣтую. Я одному изъ нихъ долженъ за любовь мою къ Французамъ и за холодность мою къ Русскимъ. Молодой человѣкъ подобенъ воску. Ежели бъ malheureusement я попался къ Русскому, которой бы любилъ свою націю, я, можетъ быть, и не былъ бы таковъ.

Совѣтница. — Счастіе твое и мое, душа моя, что ты попался къ Французскому кучеру.

Сынъ. — Однако оставимъ кучера, и поговоримъ объ отцѣ моемъ и о твоемъ мужѣ.

Совѣтница. — Возможно ли, душа моя, съ такой высокой матеріи перейти вдругъ въ такую низкую?

Сынъ. — Для разумныхъ людей нѣтъ невозможнаго.

Совѣтница. — Говори же.

Сынъ. — Намъ надобно взять свои мѣры, prendre nos mesures. (*Входитъ съ одного конца Бригадиръ, съ другаго Совѣтникъ; а они не видя ихъ продолжаютъ.*)

Совѣтница. — Я любя тебя на все соглашаюсь.

Сынъ. — На все! (*кидается на колѣни*) Idole de mon âme!

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Тѣ же, Бригадиръ и Совѣтникъ.

Бригадиръ. — Ба! это что? На яву или во снѣ?

Совѣтникъ. — Съ нами Богъ! Ужъ не обмороченъ ли я?

Сынъ (*вскоча и оторопѣвъ*). — Serviteur très humble.

Бригадиръ. — Теперь я съ тобой, Иванъ, по Русски поговорить хочу.

Совѣтница (*къ Совѣтнику*). — Ты, мой батюшко, внѣ себя. Что тебѣ сдѣлалось?

Совѣтникъ (*съ яростію*). — Что мнѣ сдѣлалось, проклятая! А развѣ не ты, говоря съ этой повѣсою, на все соглашалась?

Сынъ. — Да вы за что меня браните? Пусть изволитъ меня бранить батюшко.

Бригадиръ. — Нѣтъ, другъ мой. Я тебя поколотить сбираюсь.

Совѣтница. — Какъ? Вы его за то бить хотите, что онъ изъ политесу сталъ передо мною на колѣни?

Бригадиръ. — Такъ, моя матушка. Видѣлъ я, видѣлъ. Поздравляю тебя, братецъ перемѣнивъ зятя на свояка.

Совѣтникъ. — О Создатель мой Господи! приходило-ль на мое помышленіе видѣть такое богомерзкое дѣло!

Бригадиръ. — Я, братецъ, тебѣ, помнишь, говорилъ: береги жену, не давай ей воли; вотъ что и вышло. Мы съ тобою породнились, да не съ той стороны. Ты обиженъ, дочь твоя тоже, (*въ сторону*) да и я не меньше.

Сынъ (*къ Совѣтнику*). — Не все ли равно, Monsieur? Вы хотите имѣть меня своимъ свойственникомъ: я охотно...

Совѣтникъ. — О злодѣйка! Ты лишила меня чести, моего послѣдняго сокровища.

Бригадиръ (*осердясь*). — Ежели у тебя, сватъ, только сокровища и оставалось, то не слишкомъ же ты богатъ: не за чѣмъ и гнаться.

Совѣтникъ. — Разсуди-жъ ты самъ, разумной человѣкъ, и это малое сокровище ввѣрилъ я вотъ въ какія руки (*указывая на жену свою*).

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Тѣ же, Бригадирша, Софья, Добролюбовъ.

Бригадирша. — Сокровище! Что за сокровище? Никакъ вы кладъ нашли? Дай-то Господи.

Бригадиръ. — Кладъ не кладъ, а кой-что нашли, чего и не чаяли.

Бригадирша. — Что такое?

Бригадиръ (*указывая на Совѣтника*). — Вотъ онъ въ прибыляхъ.

Совѣтникъ (*Бригадиршѣ*). — Проклятая жена моя, не убоясь Бога, не устыдясь добрыхъ людей, полюбила сына твоего, а моего нареченнаго зятя!

Бригадирша. — Ха, ха, ха! какая око-

лесница, мой батюшко! У Иванушки есть невѣста; такъ какъ ему полюбить ее? Это не водится.

Сынъ. — Конечно не водится: да хотя бы и водилось, то за такую бездѣлицу, pour une bagatelle, честнымъ людямъ сердиться не возможно. Между людьми знающими свѣтъ этому смѣются.

Бригадиръ. — Кабы кто нибудь за моей старухой имѣлъ дурачество поволочиться, я бы не сталъ отъ него ждать дальныхъ разговоровъ; отсочилъ бы ему бока, гдѣ ни встрѣтился.

Совѣтникъ. — Нѣтъ, государь мой, я знаю, что съ сыномъ вашимъ дѣлать. Онъ меня обезчестилъ, а сколько мнѣ безчестья положено по указамъ, объ этомъ я вѣдаю.

Бригадирша. — Какъ! Намъ платить безчестье? Напомни Бога, за что?

Совѣтникъ. — За то, моя матушка, что мнѣ всего дороже честь... я всѣ денежки, опредѣленныя мнѣ по чину, возьму съ него и не уступлю ни полушки.

Бригадиръ. — Слушай, братъ. Коли впрямь дойдетъ дѣло до платежа, то сыну моему должно будетъ платить одну половину; а другую пусть заплатитъ тебѣ жена твоя. Вѣдь они обезчестили тебя заодно.

Бригадирша. — И вѣдомо, грѣхъ пополамъ.

Совѣтница (*къ мужу*). — Развѣ вы не хотите имѣть его своимъ зятемъ?

Совѣтникъ. — Загради уста свои, проклятая!

Софья. — Батюшко! Послѣ такого поступка, которой сдѣлалъ мой женихъ, позвольте мнѣ увѣрить васъ, что я въ жизнь мою за него не выду.

Совѣтникъ. — Я на это согласенъ.

Добролюбовъ (*Софьѣ*). — Надежда мнѣ льститъ отъ часу болѣе.

Бригадиръ. — И я не хочу того, чтобъ сынъ мой имѣлъ такую цѣломудренную тещу; а съ тобой, Иванъ, я раздѣлаюсь вотъ чѣмъ (*указываетъ палкою*).

Совѣтникъ. — Такъ, государь мой, ты палкою, а я монетою.

Сынъ. — Батюшко, вы не слушайте его! Онъ не достоинъ имѣть ее женою.

Совѣтница. — Измѣнникъ! варваръ! тиранъ!

Совѣтникъ (*оторопѣвъ*). — Что, что такое?

Сынъ (*къ Совѣтнику*). — Развѣ не я видѣлъ, какъ вы становились на колѣни передъ матушкою

Бригадиръ. — Кто на колѣни? Ба! передъ кѣмъ?

Сынъ. — Онъ передъ моей матушкою.

Бригадиръ. — Слышишь ли, другъ мой. А! что это?

Совѣтникъ. — Не смѣю воззрѣти на небо.

Бригадиръ (*къ Бригадиршѣ*). — Онъ за тобою волочился; а ты мнѣ этого, дурища, и не сказала?

Бригадирша. — Батюшко мой Игнатій Андреевичъ! Какъ передъ Богомъ сказать, я сама объ этомъ не вѣдала; мнѣ послѣ сказали добрые люди.

Бригадиръ. — Братъ! съ Иваномъ-то я раздѣлаюсь; а тебѣ, я вижу, и на меня то же челобитную подавать приходитъ; только не въ безчестьѣ, а въ увѣчьѣ.

Совѣтникъ (*струся*). — Ваше Высокородіе! И Господь кающагося пріемлетъ. Прости меня, согрѣшихъ предъ тобою.

Сынъ.— Mon père! Изъ благопристойности...

Бригадиръ. — Не учи ты меня, Иванъ; не забудь того, что я тебя бить сбираюсь.

Совѣтница. — Что-жъ ты и въ правду затѣялъ? (*приступя къ нему*) Развѣ не ты объявилъ мнѣ здѣсь на этомъ мѣстѣ любовь свою?

Совѣтникъ. — Какъ? Что такое, государь мой...

Бригадиръ (*тише*). — Чего изволишь?

Совѣтникъ. — О комъ она сказываетъ?

Бригадиръ. — Обо мнѣ.

Совѣтникъ. — Такъ ты, государь мой, пріѣхалъ въ домъ мой за тѣмъ развѣ, чтобъ искушать жену мою?

Бригадиръ. — Коли такъ, то я назадъ поѣду.

Совѣтникъ. — Не мѣшкавъ ни часа.

Бригадиръ. — Ни минуты. Видно, что я къ честнымъ и заслуженнымъ людямъ въ руки попался. Иванъ, вели скорѣй подать коляску. Жена, сей минуты выѣдемъ вонъ изъ такого дому, гдѣ я, и честной человѣкъ, чуть было не сдѣлался бездѣльникомъ.

Бригадирша. — Батюшко мой, дай мнѣ хоть прибрать кое что.

Бригадиръ. — Въ чемъ стоишь, въ томъ со двора долой!

Совѣтникъ. — А что останется, то мое.

Сынъ (*къ Совѣтницѣ кинувшись*). — Прости, la moitié de mon âme.

Совѣтница (*кинувшись къ Сыну*). — Adieu, полъ-души моей!

(*Бригадиръ и Совѣтникъ кидаются разнимать ихъ.*)

Бригадиръ. — Куда, собака?

Совѣтникъ. — Куда, проклятая! О Господи!

Бригадиръ (*передражнивая его*). — О Господи! Нѣтъ, братъ, я вижу по этому, что у кого чаще всѣхъ Господь на языкѣ, у того чортъ на сердцѣ... Вонъ всѣ мои!

Совѣтникъ (*вслѣдъ за Бригадиршей всплеснувъ руками*). — Прости, Акулина Тимоѳеевна!

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Совѣтникъ, Совѣтница, Софья, Добролюбовъ.

Совѣтникъ. — О Господи! наказуешь насъ по дѣламъ нашимъ. А ты, Софьюшка, за что ты лишилась жениха своего?

Добролюбовъ. — Если ваша воля согласится съ желаніемъ нашимъ, то я, ставъ женихомъ ея, почту себя за преблагополучнаго человѣка.

Совѣтникъ. — Какъ! ты, получивъ уже двѣ тысячи душъ, не перемѣняешь своего намѣренія?

Добролюбовъ. — Меня ничто на свѣтѣ не привлечетъ перемѣнить его.

Совѣтникъ. — И ты, Софьюшка, идти за него согласна?

Софья. — Если ваше и матушкино желаніе не препятствуютъ тому, то я съ радостію хочу быть его женою.

Совѣтница. — Я вашему счастію никогда не препятствовала.

Совѣтникъ. — Ежели такъ, то будьте вы женихъ и невѣста.

Добролюбовъ (*Софьѣ*). — Желаніе наше совершается: сколь много я благополученъ!

Софья. — Я однимъ тобою могу на свѣтѣ быть счастлива.

Совѣтникъ. — Будьте вы благополучны; а я за всѣ мои грѣхи довольно Господомъ наказанъ: вотъ моя геэнна.

Совѣтница. — Я желаю вамъ счастливой фортуны, а я до смерти страдать осуждена: вотъ мой тартаръ.

Совѣтникъ (*къ партеру*). — Говорятъ, что съ совѣстью жить худо: а я самъ теперь узналъ, что жить безъ совѣсти всего на свѣтѣ хуже.

1768 г.

II. НЕДОРОСЛЬ.

(*Комедія въ 5-ти дѣйствъ.*).

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

Простаковъ.
Г-жа Простакова, жена его.
Митрофанъ, сынъ ихъ, недоросль.
Еремеевна, мама Митрофанова.
Правдинъ.
Стародумъ.
Софья, племянница Стародума.
Милонъ.
Г. Скотининъ, братъ Г-жи Простаковой.
Кутейкинъ, семинаристъ.
Цыфиркинъ, отставной сержантъ.
Вральманъ, учитель.
Тришка, портной.
Слуга Простакова.
Камердинеръ Стародума.

Дѣйствіе въ деревнѣ Простаковыхъ.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Г-жа Простакова, Митрофанъ, Еремеевна.

Г-жа Простакова *(осматривая кафтанъ на Митрофанѣ)*. — Кафтанъ весь испорченъ. Еремеевна, введи сюда мошенника Тришку. *(Еремеевна отходитъ)*. Онъ, воръ, вездѣ его обузилъ. Митрофанушка, другъ мой! я чаю, тебя жметъ до смерти. Позови сюда отца. *(Митрофанъ отходитъ)*.

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Г-жа Простакова, Еремеевна, Тришка.

Г-жа Простакова *(Тришкѣ)*. — А ты, скотъ, подойди поближе. Не говорила-ль я тебѣ, воровская харя, чтобъ ты кафтанъ пустилъ шире. Дитя, первое, ростетъ, другое, дитя и безъ узкаго кафтана деликатнаго сложенія. Скажи, болванъ, чѣмъ ты оправдаешься?

Тришка. — Да вѣдь я, сударыня, учился самоучкой. Я тогда же вамъ докладывалъ: ну да извольте отдавать портному.

Г-жа Простакова. — Такъ развѣ необходимо надобно быть портнымъ, чтобъ умѣть сшить кафтанъ хорошенько. Экое скотское разсужденіе!

Тришка. — Да вѣдь портной-то учился, сударыня, а я нѣтъ.

Г-жа Простакова. — Еще онъ же и споритъ. Портной учился у другого, другой у третьяго; да первой-то портной у кого же учился? Говори, скотъ.

Тришка. — Да первой-то портной можетъ быть шилъ хуже и моего.

Митрофанъ *(вбѣгаетъ)*. — Звалъ батюшку. Изволилъ сказать: тотчасъ.

Г-жа Простакова. — Такъ поди же вытащи его, коли добромъ не дозовешься.

Митрофанъ. — Да вотъ и батюшка.

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Тѣ же и Простаковъ.

Г-жа Простакова. — Что, что ты отъ меня прятаться изволишь? Вотъ, сударь, до чего я дожила съ твоимъ потворствомъ. Какова сыну обновка къ дядину сговору? каковъ кафтанецъ Тришка сшить изволилъ?

Простаковъ *(отъ робости запинаясь)*. — Мѣ... мѣшковатъ немного.

Г-жа Простакова. — Самъ ты мѣшковатъ, умная голова.

Простаковъ. — Да я думалъ, матушка, что тебѣ такъ кажется.

Г-жа Простакова. — А ты самъ развѣ ослѣпъ?

Простаковъ. — При твоихъ глазахъ мои ничего не видятъ.

Г-жа Простакова. — Вотъ какимъ муженькомъ наградилъ меня Господь! не смыслитъ самъ разобрать, что широко, что узко.

Простаковъ. — Въ этомъ я тебѣ, матушка, и вѣрилъ и вѣрю.

Г-жа Простакова. — Такъ вѣрь-же

и тому, что я холопямъ потакать не намѣрена. Поди, сударь, и теперь же накажи...

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Тѣ же и Скотининъ.

Скотининъ. — Кого? за что? въ день моего сговора! Я прошу тебя, сестрица, для такого праздника отложить наказаніе до завтрашняго; а завтра, коль изволишь, я и самъ охотно помогу. Не будь я Тарасъ Скотининъ, если у меня не всякая вина виновата. У меня въ этомъ, сестрица, одинъ обычай съ тобою. Да за что-жъ ты такъ прогнѣвалась?

Г-жа Простакова. — Да вотъ, братецъ, на твои глаза пошлюсь. Митрофанушка, подойди сюда. Мѣшковатъ ли этотъ кафтанъ?

Скотининъ. — Нѣтъ.

Простаковъ. — Да я и самъ уже вижу, матушка, что онъ узокъ.

Скотининъ. — Я и этого не вижу. Кафтанецъ, братъ, сшитъ изряднехонько.

Г-жа Простакова *(Тришкѣ)*. — Выди вонъ, скотъ. — *(Еремеевнѣ)* Поди-жъ, Еремеевна, дай позавтракать ребенку. Вѣдь, я чаю, скоро и учители придутъ.

Еремеевна. — Онъ уже и такъ, матушка, пять булочекъ скушать изволилъ.

Г-жа Простакова. — Такъ тебѣ жаль шестой, бестія? Вотъ какое усердіе! изволь смотрѣть.

Еремеевна. — Да во здравіе, матушка. Я вѣдь сказала это для Митрофана же Терентьевича. Протосковалъ до самаго утра.

Г-жа Простакова. — Ахъ, Мати Божія! Что съ тобою сдѣлалось, Митрофанушка?

Митрофанъ. — Такъ, матушка. Вчера послѣ ужина схватило.

Скотининъ. — Да видно, братъ, поужиналъ ты плотно.

Митрофанъ. — А я, дядюшка, почти и вовсе не ужиналъ.

Простаковъ. — Помнится, другъ мой, ты что-то скушать изволилъ.

Митрофанъ. — Да что! солонины ломтика три, да подовыхъ, не помню пять, не помню шесть.

Еремеевна. — Ночью то и дѣло испить просилъ. Квасу цѣлой кувшинецъ выкушать изволилъ.

Митрофанъ. — И теперь какъ шальной хожу. Ночь всю такая дрянь въ глаза лѣзла.

Г-жа Простакова. — Какая-жъ дрянь, Митрофанушка?

Митрофанъ. — Да то ты матушка, то батюшка.

Г-жа Простакова. — Какъ же это?

Митрофанъ. — Лишь стану засыпать, то и вижу, будто ты, матушка, изволишь бить батюшку.

Простаковъ *(въ сторону)*. — Ну! бѣда моя! сонъ въ руку!

Митрофанъ *(разнѣжась)*. — Такъ мнѣ и жаль стало.

Г-жа Простакова *(съ досадою)*. — Кого, Митрофанушка?

Митрофанъ. — Тебя, матушка: ты такъ устала, колотя батюшку.

Г-жа Простакова. — Обойми меня, другъ мой сердечной! Вотъ сынокъ, одно мое утѣшеніе.

Скотининъ. — Ну, Митрофанушка! ты, я вижу, матушкинъ сынокъ, а не батюшкинъ.

Простаковъ. — По крайней мѣрѣ я люблю его, какъ надлежитъ родителю; то-то умное дитя, то-то разумное, забавникъ, затѣй-

никъ; иногда я отъ него внѣ себя, и отъ радости самъ истинно не вѣрю, что онъ мой сынъ.

Скотининъ. — Только теперь забавникъ нашъ стоитъ что-то нахмурясь.

Г-жа Простакова. — Ужъ не послать ли за докторомъ въ городъ?

Митрофанъ. — Нѣтъ, нѣтъ, матушка. Я ужъ лучше самъ выздоровлю. Побѣгутка теперь на голубятню, такъ авось либо...

Г-жа Простакова. — Такъ авось либо Господь милостивъ. Поди, порѣзвись, Митрофанушка. *(Митрофанъ съ Еремеевной отходятъ).*

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Г-жа Простакова, Простаковъ, Скотининъ.

Скотининъ. — Что-жъ я не вижу моей невѣсты? гдѣ она? Ввечеру быть уже сговору: такъ не пора ли ей сказать, что выдаютъ ее замужъ?

Г-жа Простакова. — Успѣемъ, братецъ. Если ей это сказать прежде времени, то она можетъ еще подумать, что мы ее докладываемся. Хотя по мужѣ, однако я ей свойственница; а я люблю, чтобъ и чужіе меня слушали.

Простаковъ *(Скотинину)*. — Правду сказать, мы поступили съ Софьюшкой, какъ съ сущею сироткой. Послѣ отца осталась она младенцемъ. Тому съ полгода, какъ ея матушкѣ, а моей сватьюшкѣ сдѣлался ударъ...

Г-жа Простакова *(показывая, будто креститъ сердце)*. — Съ нами сила крестная!

Простаковъ. — Отъ котораго она и на тотъ свѣтъ пошла. Дядюшка ея, Г. Стародумъ, поѣхалъ въ Сибирь; а какъ нѣсколько уже лѣтъ не было о немъ ни слуху, ни вѣсти, то мы и считаемъ его покойникомъ. Мы, видя, что она

осталася одна, взяли ее въ нашу деревеньку, и надзираемъ надъ ея имѣніемъ, какъ надъ своимъ.

Г-жа Простакова. — Что, что ты сегодня такъ разоврался, мой батюшка? Еще братецъ можетъ подумать, что мы для интересу ее къ себѣ взяли.

Простаковъ. — Ну какъ, матушка, ему это подумать? Вѣдь Софьюшкино недвижимое имѣніе намъ къ себѣ придвинуть не можно.

Скотининъ. — А движимое хотя и выдвинуто, я не челобитчикъ. Хлопотать я не люблю, да и боюсь. Сколько меня сосѣди ни обижали, сколько убытку ни дѣлали, я ни на кого не билъ челомъ: а всякой убытокъ, чѣмъ за нимъ ходить, сдеру съ своихъ же крестьянъ, такъ и концы въ воду.

Простаковъ. — То правда, братецъ: весь околотокъ говоритъ, что ты мастерски оброкъ собираешь.

Г-жа Простакова. — Хоть бы ты насъ поучилъ, братецъ батюшка: а мы никакъ не умѣемъ. Съ тѣхъ поръ, какъ все, что у крестьянъ ни было, мы отобрали, ничего уже содрать не можемъ. Такая бѣда!

Скотининъ. — Изволь, сестрица, поучу васъ, поучу, лишь жените меня на Софьюшкѣ.

Г-жа Простакова. — Не ужели тебѣ эта дѣвчонка такъ понравилась?

Скотининъ. — Нѣтъ, мнѣ нравится не дѣвчонка.

Простаковъ. — Такъ по сосѣдству ея деревеньки?

Скотининъ. — И не деревеньки, а то, что въ деревенькахъ-то ея водится, и до чего моя смертная охота.

Г-жа Простакова. — До чего же, братецъ?

Скотининъ. — Люблю свиней, сестрица; а у насъ въ околоткѣ такія крупныя свиньи, что нѣтъ изъ нихъ ни одной, которая, ставъ на задни ноги, не была бы выше каждаго изъ насъ цѣлой головою.

Простаковъ. — Странное дѣло, братецъ, какъ родня на родню походить можетъ. Митрофанушка нашъ весь въ дядю. И онъ до свиней съизмала такой же охотникъ, какъ и ты. Какъ былъ еще трехъ лѣтъ, такъ бывало, увидя свинку, задрожитъ съ радости.

Скотининъ. — Это, подлинно, диковинка! Ну пусть, братецъ, Митрофанъ любитъ свиней для того, что онъ мой племянникъ. Тутъ есть какое нибудь сходство: да отъ чего же я къ свиньямъ-то такъ сильно пристрастился?

Простаковъ. — И тутъ есть же какое нибудь сходство. Я такъ разсуждаю.

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

Тѣ же и Софья.

(Софья вошла, держа письмо въ рукѣ и имѣя веселой видъ).

Г-жа Простакова *(Софьѣ)*. — Что такъ весела, матушка? Чему обрадовалась?

Софья. — Я получила сей часъ радостное извѣстіе. Дядюшка, о которомъ столь долго мы ничего не знали, котораго я люблю и почитаю, какъ отца моего, на сихъ дняхъ въ Москву пріѣхалъ. Вотъ письмо, которое я отъ него теперь получила.

Г-жа Простакова *(испугавшись, съ злобою)*. — Какъ! Стародумъ, твой дядюшка, живъ! И ты изволишь затѣвать, что онъ воскресъ! Вотъ изрядной вымыселъ!

Софья. — Да онъ никогда не умиралъ.

Г-жа Простакова. — Не умиралъ! А развѣ ему и умереть нельзя? Нѣтъ, сударыня, это твои вымыслы, чтобъ дядюшкою своимъ насъ застращать, чтобъ мы дали тебѣ волю. Дядюшка-де человѣкъ умной; онъ, увидя меня въ чужихъ рукахъ, найдетъ способъ меня выручить. Вотъ чему ты рада, сударыня; однако, пожалуй, не очень веселись: дядюшка твой, конечно, не воскресалъ.

Скотининъ. — Сестра! ну да коли не умиралъ?

Простаковъ. — Избави Боже, коли онъ не умиралъ!

Г-жа Простакова *(къ мужу)*. — Какъ, не умиралъ? Что ты бабушку путаешь? Развѣ ты не знаешь, что ужъ нѣсколько лѣтъ отъ меня его и въ памятцахъ за упокой поминали? Неужто таки и грѣшныя-то мои молитвы не доходили! *(Къ Софьѣ)* Письмецо-то мнѣ пожалуй. *(Почти вырываетъ)*. Я объ закладъ бьюсь, что оно какое нибудь амурное, и догадываюсь, отъ кого. Это отъ того офицера, который искалъ на тебѣ жениться и за котораго ты сама идти хотѣла. Да которая бестія безъ моего спросу отдаетъ тебѣ письма. Я доберусь. Вотъ до чего дожили: къ дѣвушкамъ письма пишутъ! Дѣвушки грамотѣ умѣютъ!

Софья. — Прочтите его сами, сударыня. Вы увидите, что ничего невиннѣе быть не можетъ.

Г-жа Простакова. — Прочтите его сами! Нѣтъ, сударыня, я, благодаря Бога, не такъ воспитана. Я могу письма получать, а читать ихъ всегда велю другому. *(Къ мужу)* Читай.

Простаковъ *(долго смотря)*. — Мудрено.

Г-жа Простакова. — И тебя, мой батюшка, видно воспитывали, какъ красную дѣвицу. Братецъ, прочти потрудись.

Скотининъ. — Я? Я отроду ничего ни читывалъ, сестрица! Богъ меня избавилъ этой скуки.

Софья. — Позвольте мнѣ прочесть.

Г-жа Простакова. — О, матушка, знаю, что ты мастерица, да лихъ не очень тебѣ вѣрю. Вотъ, я чаю, учитель Митрофанушкинъ скоро придетъ. Ему велю...

Скотининъ. — А ужъ зачали молодца учить грамотѣ?

Г-жа Простакова. — Ахъ, батюшка, братецъ! Ужъ года четыре, какъ учится. Нечего, грѣхъ сказать, чтобъ мы не старались воспитывать Митрофанушку: троимъ учителямъ денежки платимъ. Для грамоты ходитъ къ нему дьячекъ отъ Покрова, Кутейкинъ. Арихметикѣ учитъ его, батюшка, одинъ отставной сержантъ Цыфиркинъ. Оба они приходятъ сюда изъ города. Вѣдь отъ насъ и городъ въ трехъ верстахъ, батюшка. По Французски и всѣмъ наукамъ обучаетъ его Нѣмецъ, Адамъ Адамычъ Вральманъ. Этому по триста рубликовъ на годъ; сажаемъ за столъ съ собою; бѣлье его наши бабы моютъ; куда надобно, лошадь; за столомъ стаканъ вина; на ночь сальная свѣча, и парикъ направляетъ нашъ же Ѳомка дворомъ. Правду сказать, и мы имъ довольны, батюшка братецъ. Онъ ребенка не неволитъ. Вѣдь, мой батюшка, пока Митрофанушка еще въ недорослѣхъ, пота его и понѣжить: а тамъ, лѣтъ черезъ десятокъ, какъ войдетъ, избави Боже, въ службу, всего натерпится. Какъ кому счастье на роду написано, братецъ. Изъ нашей же фамиліи Простаковыхъ, смотришь-ка, на боку лежа, летятъ себѣ въ чины. Чѣмъ же плоше ихъ Митрофанушка? Ба! да вотъ пожаловалъ кстати дорогой нашъ постоялецъ.

ЯВЛЕНІЕ СЕДЬМОЕ.

Тѣ же и Правдинъ.

Г-жа Простакова. Братецъ, другъ мой! Рекомендую вамъ дорогого гостя нашего, господина Правдина; а вамъ, государь мой, рекомендую брата моего.

Правдинъ. — Радуюсь, сдѣлавъ ваше знакомство.

Скотининъ. — Хорошо, государь мой; а какъ по фамиліи? Я не дослышалъ.

Правдинъ. — Я называюсь Правдинъ, чтобъ вы дослышали.

Скотининъ. — Какой уроженецъ, государь мой? Гдѣ деревеньки?

Правдинъ. — Я родился въ Москвѣ, ежели вамъ то знать надобно, а деревни мои въ здѣшнемъ намѣстничествѣ.

Скотининъ. — А смѣю ли спросить, государь мой, имени и отечества не знаю: въ деревенькахъ вашихъ водятся ли свинки?

Г-жа Простакова. — Полно, братецъ, о свиньяхъ-то начинать. Поговоримъ-ка лучше о нашемъ горѣ. *(Къ Правдину)* Вотъ, батюшка! Богъ велѣлъ намъ взять на свои руки дѣвицу. Она изволитъ получать грамотки отъ дядюшекъ; къ ней съ того свѣта дядюшки пишутъ. Сдѣлай милость, мой батюшка, потрудись, прочти всѣмъ намъ вслухъ.

Правдинъ. — Извините меня, сударыня, Я никогда не читаю писемъ безъ позволенія тѣхъ, къ кому они писаны.

Софья. — Я васъ о томъ прошу. Вы меня тѣмъ очень одолжите.

Правдинъ.—Если вы приказываете. *(Читаетъ)*.

« Любезная племянница! Дѣла мои принудили « меня жить нѣсколько лѣтъ въ разлукѣ съ моими

« ближними; а дальность лишила меня удовольствія имѣть о васъ извѣстія. Я теперь въ Москвѣ, « проживъ нѣсколько лѣтъ въ Сибири. Я могу « служить примѣромъ, что трудами и честностію « состояніе свое сдѣлать можно. Сими средствами « съ помощію счастія нажилъ я десять тысячъ рублей доходу »...

Скотининъ и оба Простаковы. Десять тысячъ!

Правдинъ *(читаетъ)*. — ... « которымъ тебя, моя любезная племянница, тебя дѣлаю наслѣдницею »...

Г-жа Простакова. — Тебя наслѣдницею!

Простаковъ. — Софью наслѣдницею!

Скотининъ. — Ее наслѣдницею!

Вмѣстѣ.

Г-жа Простакова *(бросясь обнимать Софью)*. — Поздравляю, Софьюшка, поздравляю, душа моя! Я внѣ себя съ радости. Теперь тебѣ надобенъ женихъ. Я, я лучшей невѣсты и Митрофанушкѣ не желаю. То-то дядюшка! То-то отецъ родной! Я и сама все таки думала, что Богъ его хранитъ, что онъ еще здравствуетъ.

Скотининъ *(протянувъ руку)*. — Ну, сестрица, скорѣй же по рукамъ.

Г-жа Простакова *(тихо Скотинину)*. — Постой, братецъ. Сперва надобно спросить ее, хочетъ ли еще она за тебя выдти?

Скотининъ. — Какъ! что за вопросъ! неужто ты ее докладываться станешь?

Правдинъ. — Позволите ли письмо дочитать?

Скотининъ. — А на что? Да хоть пять лѣтъ читай, лучше десяти тысячъ не дочитаешься.

Г-жа Простакова *(Софьѣ)*. — Софьюшка, душа моя! пойдемъ ко мнѣ въ спальню. Мнѣ

крайняя нужда съ тобой поговорить. *(Увела Софью)*.

Скотининъ. — Ба! такъ я вижу, что сего дня сговору-то врядъ и быть ли.

ЯВЛЕНІЕ ОСЬМОЕ.

Правдинъ, Простаковъ, Скотининъ, слуга.

Слуга *(къ Простакову, запыхавшись)*. — Баринъ! баринъ! солдаты пришли, остановились въ нашей деревнѣ.

Простаковъ. — Какая бѣда! Ну, разорятъ насъ до конца!

Правдинъ. — Чего вы испугались?

Простаковъ. — Ахъ ты отецъ родной! мы ужъ видали виды. Я къ нимъ и появиться не смѣю.

Правдинъ. — Не бойтесь. Ихъ, конечно, ведетъ офицеръ, которой не допуститъ ни до какой наглости. Пойдемъ къ нему со мною. Я увѣренъ, что вы робѣете напрасно. *(Правдинъ, Простаковъ и слуга отходятъ)*.

Скотининъ. — Всѣ меня одного оставили. Пойти было прогуляться на скотной дворъ.

Конецъ перваго дѣйствія.

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Правдинъ, Милонъ.

Милонъ. — Какъ я радъ, мой любезной другъ, что нечаянно увидѣлся съ тобою! Скажи, какимъ случаемъ...

Правдинъ. — Какъ другъ открою тебѣ причину моего здѣсь пребыванія. Я опредѣленъ Членомъ въ здѣшнемъ намѣстничествѣ; имѣю повелѣніе объѣхать здѣшній округъ; а притомъ изъ собственнаго подвига сердца моего не оставляю замѣчать тѣхъ злонравныхъ невѣждъ, которые, имѣя надъ людьми своими полную власть, употребляютъ ее во зло безчеловѣчно. Ты знаешь образъ мыслей нашего Намѣстника. Съ какой ревностію помогаетъ онъ страждущему человѣчеству! Съ какимъ усердіемъ исполняетъ онъ тѣмъ самымъ человѣколюбивые виды вышней власти! Мы въ нашемъ краю сами испытали, что гдѣ Намѣстникъ таковъ, каковымъ изображенъ Намѣстникъ въ Учрежденіи, тамъ благостояніе обитателей вѣрно и надежно. Я живу здѣсь уже три дни. Нашелъ помѣщика дурака безсчетнаго, а жену презлую фурію, которой адской нравъ дѣлаетъ несчастье цѣлаго ихъ дома. Ты что задумался, мой другъ? Скажи мнѣ, долго-ль здѣсь останешься?

Милонъ. — Чрезъ нѣсколько часовъ иду отсюда.

Правдинъ. — Что такъ скоро? Отдохни.

Милонъ. — Не могу. Мнѣ велѣно солдатъ вести безъ замедленія... да сверхъ того я самъ горю нетерпѣніемъ быть въ Москвѣ.

Правдинъ. — Что причиною?

Милонъ. — Открою тебѣ тайну сердца моего, любезной другъ! Я влюбленъ, и имѣю счастіе быть любимъ. Больше полугода, какъ я въ разлукѣ съ тою, которая мнѣ дороже всего на свѣтѣ, и что еще горестнѣе, ничего не слыхалъ я о ней во все это время. Часто, приписывая молчаніе ея холодности, терзался я горестію; но вдругъ получилъ извѣстіе, которое меня поразило. Пишутъ ко мнѣ, что по смерти ея матери какая-то дальняя родня увезла ее въ свои деревни. Я не знаю, ни кто, ни куда. Можетъ быть, она теперь

въ рукахъ какихъ нибудь корыстолюбцевъ, которые, пользуясь сиротствомъ ея, содержатъ ее въ тиранствѣ. Отъ одной этой мысли я внѣ себя.

Правдинъ. — Подобное безчеловѣчіе вижу и въ здѣшнемъ домѣ. Ласкаюсь однако положить скоро границы злобѣ жены и глупости мужа. Я увѣдомилъ уже обо всемъ нашего начальника, и не сомнѣваюсь, что унять ихъ возьмутся мѣры.

Милонъ. — Счастливъ ты, мой другъ, будучи въ состояніи облегчать судьбу несчастныхъ. Не знаю, что мнѣ дѣлать въ горестномъ моемъ положеніи.

Правдинъ. — Позволь мнѣ спросить объ ея имени.

Милонъ *(въ восторгѣ)*. — А! вотъ она сама.

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Тѣ же и Софья.

Софья. — Милонъ! тебя ли я вижу?

Правдинъ. — Какое счастіе!

Милонъ. — Вотъ та, которая владѣетъ моимъ сердцемъ. Любезная Софья! скажи мнѣ, какимъ случаемъ здѣсь нахожу тебя?

Софья. — Сколько горестей терпѣла я со дня нашей разлуки! Безсовѣстные мои свойственники...

Правдинъ. — Мой другъ! не спрашивай о томъ, что столько ей прискорбно... Ты узнаешь отъ меня, какія грубости...

Милонъ. — Недостойные люди!

Софья. — Сего дня однако-жъ въ первой разъ здѣшняя хозяйка перемѣнила со мною свой поступокъ. Услыша, что дядюшка мой дѣлаетъ меня наслѣдницею, вдругъ изъ грубой и бранчивой сдѣлалась ласковою до самой низкости, и я

по всѣмъ ея обинякамъ вижу, что прочитъ меня въ невѣсты своему сыну.

Милонъ *(съ нетерпѣніемъ)*. — И ты не изъявила ей тотъ же часъ совершеннаго презрѣнія?..

Софья. — Нѣтъ...

Милонъ. — И не сказала ей, что ты имѣешь сердечныя обязательства, что...

Софья. — Нѣтъ...

Милонъ. — А! теперь я вижу мою погибель. Соперникъ мой счастливъ! Я не отрицаю въ немъ всѣхъ достоинствъ: онъ, можетъ быть, разуменъ, просвѣщенъ, любезенъ; но чтобъ могъ со мною сравниться въ моей къ тебѣ любви, чтобъ...

Софья *(усмѣхаясь)*. — Боже мой! если-бъ ты его увидѣлъ, ревность твоя довела бъ тебя до крайности!

Милонъ *(съ негодованіемъ)*. — Я воображаю всѣ его достоинства.

Софья. — Всѣхъ и вообразить не можешь. Онъ хотя и шестнадцати лѣтъ, а достигъ уже до послѣдней степени своего совершенства, и далѣ не пойдетъ.

Правдинъ. — Какъ далѣ не пойдетъ, сударыня? Онъ доучиваетъ часословъ; а тамъ, думать надобно, примутся и за псалтырь

Милонъ — Такъ таковъ-то мой соперникъ! А! любезная Софья, на что ты и шуткой меня терзаешь? ты знаешь, какъ легко страстной человѣкъ огорчается и малѣйшимъ подозрѣніемъ. Скажи-жъ мнѣ, что ты ей отвѣчала?

(Здѣсь Скотининъ идетъ по театру задумавшись, и никто его не видитъ).

Софья. — Я сказала, что судьба моя зависитъ отъ воли дядюшкиной, что онъ самъ сюда пріѣхать обѣщалъ въ письмѣ своемъ, котораго

(къ Правдину) не позволилъ вамъ дочитать господинъ Скотининъ.

Милонъ. — Скотининъ!

Скотининъ. — Я!

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Тѣ же и Скотининъ.

Правдинъ. — Какъ вы подкрались, господинъ Скотининъ? Этого бы я отъ васъ и не чаялъ.

Скотининъ. — Я проходилъ мимо васъ. Услышалъ, что меня кличутъ, я и откликнулся. У меня такой обычай: кто вскрикнетъ — Скотининъ! а я ему: я! Что вы, братцы, и за правду? Я самъ служивалъ въ гвардіи, и отставленъ капраломъ. Бывало на съѣзжей въ перекличкѣ какъ закричатъ: Тарасъ Скотининъ! а я во все горло: я!

Правдинъ. — Мы васъ теперь не кликали и вы можете идти, куда шли.

Скотининъ. — Я никуда не шелъ; а брожу, задумавшись. У меня такой обычай, какъ что заберу въ голову, то изъ нее гвоздемъ не выколотишь. У меня, слышь ты, что вошло въ умъ, тутъ и засѣло. О томъ вся и дума, то только и вижу во снѣ, какъ на яву, а на яву, какъ во снѣ.

Правдинъ. — Что-жъ бы васъ такъ теперь занимало?

Скотининъ. — Охъ, братецъ, другъ ты мой сердечной! Со мною чудеса творятся. Сестрица моя вывезла меня скоро наскоро изъ моей деревни въ свою, а коли также проворно вывезетъ меня изъ своей деревни въ мою, то могу предъ цѣлымъ свѣтомъ по чистой совѣсти сказать: ѣздилъ я ни по што, привезъ ничего.

Правдинъ. — Какая жалость, господинъ Скотининъ! Сестрица ваша играетъ вами, какъ мячикомъ.

Скотининъ (*озлобясь*). — Какъ мячикомъ? Оборони Богъ: да я и самъ зашвырну ее такъ, что цѣлой деревней въ недѣлю не отыщутъ.

Софья. — Ахъ, какъ вы разсердились!

Милонъ. — Что съ вами сдѣлалось?

Скотининъ. — Самъ ты, умной человѣкъ, поразсуди. Привезла меня сестра сюда жениться. Теперь сама же подъѣхала съ отводомъ: «Что де тебѣ, братецъ, въ женѣ; была бы де у тебя, братецъ, хорошая свинья». Нѣтъ, сестра! Я и своихъ поросятъ завести хочу. Меня не проведешь.

Правдинъ. — Мнѣ и самому кажется, господинъ Скотининъ, что сестрица ваша помышляетъ о свадьбѣ, только не о вашей.

Скотининъ. — Эка притча! Я другому не помѣха. Всякой женись на своей невѣстѣ. Я чужую не трону, и мою чужой не тронь же. (*Софьѣ*). Ты не бось, душенька: тебя у меня никто не перебьетъ.

Софья. — Это что значитъ! Вотъ еще новое!

Милонъ (*вскричалъ*). — Какая дерзость!

Скотининъ (*къ Софьѣ*). — Чего-жъ ты испугалась?

Правдинъ (*къ Милону*). — Какъ ты можешь сердиться на Скотинина!

Софья (*Скотинину*). — Неужели суждено мнѣ быть вашею женою?

Милонъ. — Я насилу могу удержаться!

Скотининъ. — Суженаго конемъ не объѣдешь, душенька! Тебѣ на свое счастье грѣхъ пенять. Ты будешь жить со мною припѣваючи. Десять тысячъ твоего доходу! Эко счастье привалило; да я столько родясь и не видывалъ; да я на нихъ всѣхъ свиней со бѣла свѣта выкуплю; да я, слышь ты, то сдѣлаю, что всѣ затрубятъ: въ здѣшнемъ де околоткѣ и житье однѣмъ свиньямъ.

Правдинъ. — Когда же въ васъ могутъ быть счастливы одни только скоты, то женѣ вашей отъ нихъ и отъ васъ будетъ худой покой.

Скотининъ. — Худой покой! Ба! ба! ба! да развѣ свѣтлицъ у меня мало? Для нее одной отдамъ угольную съ лежанкой. Другъ ты мой сердечной! коли у меня теперь, ничего не видя, для каждой свинки клевокъ особливой, то женѣ найду свѣтелку.

Милонъ. — Какое скотское сравненіе!

Правдинъ *(Скотинину)*. — Ничему не бывать, господинъ Скотининъ. Я скажу вамъ напрямки: сестрица ваша прочитъ ее за сынка своего.

Скотининъ *(озлобясь)*.—Какъ! Племяннику перебивать у дяди! Да я его на первой встрѣчѣ какъ чорта изломаю! Ну будь я свиной сынъ, если я не буду ея мужемъ, или Митрофанъ уродомъ.

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Тѣ же, Еремеевна и Митрофанъ.

Еремеевна. — Да поучись хоть немножечко.

Митрофанъ. — Ну еще слово молви, стара хрычовка, ужъ я те отдѣлаю! Я опять нажалуюсь матушкѣ, такъ она тебѣ изволитъ дать таску по вчерашнему.

Скотининъ. — Подойди сюда, дружочекъ.

Еремеевна. — Изволь подойти къ дядюшкѣ.

Митрофанъ. — Здорово, дядюшка! Что ты такъ ощетиниться изволилъ?

Скотининъ. — Митрофанъ! гляди на меня прямѣе.

Еремеевна. — Погляди, батюшка.

Митрофанъ *(Еремеевнѣ)*. — Да дядюшка что за невидальщина? Что на немъ увидишь?

Скотининъ. — Еще разъ: гляди на меня прямѣе.

Еремеевна. — Да не гнѣви дядюшку. Вонъ, изволь посмотрѣть, батюшка, какъ онъ глазки-то вытаращилъ, и ты свои изволь также вытаращить.

(Скотининъ и Митрофанъ, выпуча глаза, другъ на друга смотрятъ).

Милонъ. — Вотъ изрядное объясненіе!

Правдинъ. Чѣмъ-то оно кончится!

Скотининъ. — Митрофанъ! ты теперь отъ смерти на волоску. Скажи всю правду. Если-бъ я грѣха не побоялся, я бы те, не говоря еще ни слова, за ноги, да объ уголъ; да не хочу губишь души, не найдя виноватаго.

Еремеевна *(задрожала)*. — Ахъ, уходитъ онъ его! Куда моей головѣ дѣваться?

Митрофанъ. — Что ты, дядюшка? Бѣлены объѣлся? Да я знать не знаю, за что ты на меня вскинуться изволилъ.

Скотининъ. — Смотри-жъ, не отпирайся, чтобъ я въ сердцахъ съ одного разу не вышибъ изъ тебя духу. Тутъ ужъ руки не подставишь. Мой грѣхъ; виноватъ Богу и Государю. Смотри, не клепли-жъ и на себя, чтобъ напрасныхъ побой не принять.

Еремеевна. — Избави Богъ напраслины!

Скотининъ. — Хочешь ли ты жениться?

Митрофанъ *(разнѣжась)*. — Ужъ давно, дядюшка, беретъ охота...

Скотининъ *(бросясь на Митрофана)*. — Ахъ, ты чушка проклятая!..

Правдинъ *(не допуская Скотинина)*. — Господинъ Скотининъ! рукамъ воли не давай.

Митрофанъ. — Матушка, заслони меня.

Еремеевна *(заслоня Митрофана, остервенясь и поднявъ кулаки)*. — Издохну на мѣстѣ; а дитя не выдамъ. Сунься, сударь; только изволь сунуться. Я те бѣльмы-то выцарапаю.

Скотининъ *(задрожавъ и грозя, отходитъ)*. — Я васъ доѣду!

Еремеевна *(задрожавъ, вслѣдъ)*. — У меня и свои зацѣпы востры!

Митрофанъ *(вслѣдъ Скотинину)*. — Убирайся, дядюшка; проваливай.

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Тѣ же и оба Простаковы.

Г-жа Простакова *(мужу, идучи)*. — Тутъ перевирать нечего. Весь вѣкъ, сударь, ходишь развѣся уши.

Простаковъ. — Да онъ самъ съ Правдинымъ изъ глазъ у меня сгибъ да пропалъ. Я чѣмъ виноватъ?

Г-жа Простакова *(къ Милону)*. — А, мой батюшка, господинъ офицеръ! Я васъ теперь искала по всей деревнѣ; мужа съ ногъ сбила, чтобъ принести вамъ, батюшка, нижайшее благодареніе за добрую команду.

Милонъ. — За что, сударыня?

Г-жа Простакова. — Какъ за что, мой батюшка? Солдаты такіе добрые. До сихъ поръ волоска никто не тронулъ. Не прогнѣвайся, мой батюшка, что уродъ мой васъ прозѣвалъ. Отроду никого угостить не смыслитъ. Ужъ такъ рохлею родился, мой батюшка.

Милонъ. — Я ни мало не пеняю, сударыня.

Г-жа Простакова. — На него, мой батюшка, находитъ такой, по здѣшнему сказать, столбнякъ. Иногда, выпуча глаза стоитъ битой

часъ, какъ вкопаной. Ужъ чего-то я съ нимъ не дѣлала; чего только онъ у меня не вытерпѣлъ! Ничѣмъ не проймешь. Ежели столбнякъ и попройдетъ, то занесетъ, мой батюшка, такую дичь, что у Бога просишь опять столбняка.

Правдинъ. — По крайней мѣрѣ, сударыня, вы не можете жаловаться на злой его нравъ. Онъ смиренъ...

Г-жа Простакова. — Какъ теленокъ, мой батюшка; отъ того-то у насъ въ домѣ все и избаловано. Вѣдь у него нѣтъ того смыслу, чтобъ въ домѣ была строгость, чтобъ наказать путемъ виноватаго. Все сама управляюсь, батюшка. Съ утра до вечера, какъ за языкъ повѣшена, рукъ не покладываю: то бранюсь, то дерусь; тѣмъ и домъ держится, мой батюшка!

Правдинъ *(въ сторону)*. — Скоро будетъ онъ держаться инымъ образомъ.

Митрофанъ. — И сегодня матушка все утро изволила провозиться съ холопями.

Г-жа Простакова *(Софьѣ)*. — Убирала покои для твоего любезнаго дядюшки. Умираю, хочу видѣть этого почтеннаго старичка. Я объ немъ много наслышалась. И злодѣи его говорятъ только, что онъ немножечко угрюмъ, а такой де преразумной: да коли де ужъ кого и полюбитъ, такъ прямо полюбитъ.

Правдинъ. — А кого онъ не взлюбитъ, тотъ дурной человѣкъ. *(Къ Софьѣ)* Я и самъ имѣю честь знать вашего дядюшку. А сверхъ того отъ многихъ слышалъ объ немъ то, что вселило въ душу мою истинное къ нему почтеніе. Что называютъ въ немъ угрюмостью, грубостью, то есть одно дѣйствіе его прямодушія. Отроду языкъ его не говорилъ да, когда душа его чувствовала нѣтъ.

Софья. — За то и счастіе свое долженъ онъ былъ доставать трудами.

Г-жа Простакова. — Милость Божія къ намъ, что удалось. Ничего такъ не желаю, какъ отеческой его милости къ Митрофанушкѣ. Софьюшка, душа моя, не изволишь ли посмотрѣть дядюшкиной комнаты? *(Софья отходитъ)*.

Г-жа Простакова *(Простакову)*. — Опять зазѣвался, мой батюшка. Да изволь сударь, проводить ее. Ноги-то не отнялись.

Простаковъ *(отходя)*. — Не отнялись, да подкосились.

Г-жа Простакова *(къ гостямъ)*. — Одна моя забота, одна моя отрада — Митрофанушка. Мой вѣкъ проходитъ. Его готовлю въ люди. *(Здѣсь появляются Кутейкинъ съ часословомъ, а Цыфиркинъ съ аспидной доской и грифелемъ. Оба они знаками спрашиваютъ Еремеевну, входить ли. Она ихъ манитъ, а Митрофанъ отмахиваетъ)*.

Г-жа Простакова *(не видя ихъ, продолжаетъ)*. — Авось либо Господь милостивъ, и счастье на роду ему написано.

Правдинъ. — Оглянитесь, сударыня, что за вами дѣлается!

Г-жа Простакова. — А! Это, батюшка, Митрофанушкины учители: Сидорычъ Кутейкинъ...

Еремеевна. — И Пафнутьичъ Цыфиркинъ.

Митрофанъ *(въ сторону)*. — Пострѣлъ ихъ побери и съ Еремеевной.

Кутейкинъ. — Дому владыкѣ миръ и многая лѣта съ чады и домочадцы.

Цыфиркинъ. — Желаемъ Вашему Благородію здравствовать сто лѣтъ, да двадцать, да еще пятнадцать, несчётны годы.

Милонъ. — Ба! Это нашъ братъ служивой! Откуда взялся, другъ мой?

Цыфиркинъ. — Былъ гарнизонной, Ваше Благородіе, а нынѣ пошелъ въ чистую.

Милонъ. — Чѣмъ же ты питаешься?

Цыфиркинъ. — Да кое-какъ, Ваше Благородіе! Малу толику Арихметикѣ маракую, такъ питаюсь въ городѣ около приказныхъ служителей у счетныхъ дѣлъ. Не всякому открылъ Господь науку: такъ кто самъ не смыслитъ, меня нанимаетъ, то счетецъ повѣрить, то итоги подвести. Тѣмъ и питаюсь; праздно жить не люблю. На досугѣ-жъ ребятъ обучаю. Вотъ и у Ихъ Благородія съ парнемъ третій годъ надъ ломаными бьемся, да что-то плохо клеятся. Ну и то правда, человѣкъ на человѣка не приходитъ.

Г-жа Простакова. — Что, что ты это, Пафнутьичъ, врёшь? Я не вслушалась.

Цыфиркинъ. — Такъ. Я Его Благородію докладывалъ, что въ иного пня въ десять лѣтъ не вдолбишь того, что другой ловитъ на полетѣ.

Правдинъ *(Кутейкину)*. — А ты, господинъ Кутейкинъ, не изъ ученыхъ ли?

Кутейкинъ. — Изъ ученыхъ, Ваше Высокородіе! Семинаріи здѣшнія Епархіи. Ходилъ до Риторики, да Богу изволившу, назадъ воротился. Подавалъ въ Консисторію челобитье, въ которомъ прописалъ: «Такой-то де семинаристъ, изъ церковничьихъ дѣтей, убояся бездны премудрости, проситъ отъ нея объ увольненіи». На что и милостивая резолюція вскорѣ воспослѣдовала, съ отмѣткою: «Такого-то де семинариста отъ всякаго ученія уволить: писано бо есть: не мечите бисера предъ свиніями, да не попрутъ его ногами».

Г-жа Простакова. — Да гдѣ нашъ Адамъ Адамычъ?

Еремеевна. — Я и къ нему было толк-

нулась, да насилу унесла ноги: дымъ столбомъ, моя матушка! Задушилъ проклятой табачищемъ. Такой грѣховодникъ!

Кутейкинъ. — Пустое, Еремеевна! Нѣсть грѣха въ куреніи табака.

Правдинъ *(въ сторону)*. — Кутейкинъ еще и умничаетъ!

Кутейкинъ. — Во многихъ книгахъ разрѣшается: во псалтырѣ именно напечатано: «И злакъ на службу человѣкомъ».

Правдинъ. — Ну, а еще гдѣ?

Кутейкинъ. — И въ другой псалтырѣ напечатано то же. У нашего Протопопа маленька въ осьмушку, и въ той то же.

Правдинъ *(Гжѣ Простаковой)*. — Я не хочу мѣшать упражненіямъ сына вашего; слуга покорный.

Милонъ. — Ни я, сударыня.

Г-жа Простакова. — Куда-жъ вы, государи мои?..

Правдинъ. — Я поведу его въ мою комнату. Друзья, давно не видавшись, о многомъ говорить имѣютъ.

Г-жа Простакова. — А кушать гдѣ изволите, съ нами, или въ своей комнатѣ? У насъ за столомъ только что своя семья съ Софьюшкой...

Милонъ. — Съ вами, съ вами, сударыня.

Правдинъ. — Мы оба эту честь имѣть будемъ.

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

Г-жа Простакова, Еремеевна, Митрофанъ, Кутейкинъ и Цыфиркинъ.

Г-жа Простакова. — Ну, такъ теперь хотя по Русски прочти зады, Митрофанушка.

Митрофанъ. — Да, зады! Какъ не такъ.

Г-жа Простакова. — Вѣкъ живи, вѣкъ учись другъ мой сердечной! Такое дѣло.

Митрофанъ. — Какъ не такое! Пойдетъ на умъ ученье. Ты-бъ еще навезла сюда дядюшекъ!

Г-жа Простакова. — Что, что такое?

Митрофанъ. — Да! Того и смотри, что отъ дядюшки таска; а тамъ съ его кулаковъ, да за часословъ. Нѣтъ, такъ я спасибо, ужъ одинъ конецъ съ собою!

Г-жа Простакова *(испугавшись)*. — Что, что ты хочешь дѣлать? Опомнись, душенька!

Митрофанъ. — Вѣдь здѣсь и рѣка близко. Нырну, такъ поминай, какъ звали.

Г-жа Простакова *(внѣ себя)*. — Уморилъ! Уморилъ! Богъ съ тобой!

Еремеевна. — Все дядюшка напугалъ: чуть было въ волоски ему не вцѣпился. А ни за што, ни про што...

Г-жа Простакова *(въ злобѣ)*. — Ну...

Еремеевна. — Присталъ къ нему: хочешь ли жениться...

Г-жа Простакова. — Ну...

Еремеевна. — Дитя не потаилъ: ужъ давно де, дядюшка, охота беретъ. Какъ онъ остервенится, моя матушка! какъ вскинется...

Г-жа Простакова *(дрожа)*. — Ну... а ты, бестія, остолбенѣла, а ты не впилась братцу въ харю, а ты не раздернула ему рыла по уши...

Еремеевна. — Приняла было! Охъ, приняла, да...

Г-жа Простакова. — Да... да что... не твое дитя, бестія! По тебѣ ребенка хоть убей до смерти.

Еремеевна. — Ахъ, Создатель спаси и помилуй! Да кабы братецъ въ ту-жъ минуту отойти не изволилъ, то-бъ я съ нимъ поломалась, во чтобъ Богъ ни поставилъ: притупились бы

эти *(указывая на ногти)*: я-бь и клыковъ беречь не стала.

Г-жа Простакова. — Всѣ вы, бестіи, усердны на однѣхъ словахъ; а на дѣлѣ...

Еремеевна *(заплакавъ)*. — Я не усердна вамъ, матушка? Ужъ какъ больше служить, не знаешь... рада бы не токмо что... живота не жалѣешь... а все не угодно.

Кутейкинъ. — Намъ во свояси повелите?

Цыфиркинъ. — Намъ куда походъ, Ваше Благородіе? } *Вмѣстѣ.*

Г-жа Простакова. — Ты же еще, старая вѣдьма, и разревѣлась. Поди, накорми ихъ съ собою, а послѣ обѣда тотчасъ опять сюда. *(Къ Митрофану)* Пойдемъ со мною, Митрофанушка. Я тебя изъ глазъ теперь не выпущу. Какъ скажу я тебѣ нещичко, такъ пожить на свѣтѣ слюбится. Не вѣкъ тебѣ, моему другу, не вѣкъ тебѣ учиться: ты, благодаря Бога, столько уже смыслишь, что и самъ взведешь дѣточекъ. *(Къ Еремеевнѣ)* Съ братцомъ перевѣдаюсь не по твоему. Пусть же всѣ добрые люди увидятъ, что мама и что мать родная. *(Отходитъ съ Митрофаномъ)*.

Кутейкинъ. — Житье твое, Еремеевна, яко тьма кромѣшная. Пойдемъ-ка за трапезу, да съ горя выпей сперва чарку...

Цыфиркинъ. — А тамъ другую: вотъ-те и умноженье.

Еремеевна *(въ слезахъ)*. — Нелегкая меня не приберетъ. Сорокъ лѣтъ служу, а милость все та же...

Кутейкинъ. — А велика-ль благостыня?

Еремеевна. — По пяти рублей на годъ, да по пяти пощечинъ на день. *(Кутейкинъ и Цыфиркинъ отводятъ ее подъ руки)*.

Цыфиркинъ. — Смекнемъ же за столомъ, что тебѣ доходу въ круглой годъ.

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Стародумъ и Правдинъ.

Правдинъ. —Лишь только изъ-за стола встали, и я, подошедъ въ окну, увидѣлъ вашу карету, то, не сказавъ никому, выбѣжалъ къ вамъ на встрѣчу, обнять васъ отъ всего сердца. Мое къ вамъ душевное почтеніе...

Стародумъ. — Оно мнѣ драгоцѣнно, повѣрь мнѣ.

Правдинъ. — Ваша ко мнѣ дружба тѣмъ лестнѣе, что вы не можете имѣть ее къ другимъ, кромѣ такихъ...

Стародумъ. — Каковъ ты. Я говорю безъ чиновъ. Начинаются чины, перестаетъ искренность.

Правдинъ. — Ваше обхожденіе...

Стародумъ. — Ему многіе смѣются. Я это знаю. Быть такъ. Отецъ мой воспиталъ меня по тогдашнему, а я не нашелъ и нужды себя перевоспитывать. Служилъ онъ Петру Великому. Тогда одинъ человѣкъ назывался ты, а не вы; тогда не знали еще заражать людей столько, чтобъ всякой считалъ себя за многихъ. За то нынче многіе не стоятъ одного. Отецъ мой у двора Петра Великаго...

Правдинъ. — А я слышалъ, что онъ въ военной службѣ...

Стародумъ. — Въ тогдашнемъ вѣкѣ придворные были воины, да воины не были придворные. Воспитаніе дано мнѣ было отцомъ моимъ по тому вѣку наилучшее. Въ то время къ наученію мало было способовъ, да и не умѣли еще чужимъ умомъ набивать пустую голову.

Правдинъ. — Тогдашнее воспитаніе дѣйствительно состояло въ нѣсколькихъ правилахъ...

Стародумъ. — Въ одномъ. Отецъ мой непрестанно мнѣ твердилъ одно и то же: имѣй сердце, имѣй душу, и будешь человѣкъ во всякое время. На все прочее мода: на умы мода, на знанія мода, какъ на пряжки, на пуговицы.

Правдинъ. — Вы говорите истину. Прямое достоинство въ человѣкѣ есть душа...

Стародумъ. — Безъ нее просвѣщеннѣйшая умница жалкая тварь. *(Съ чувствомъ)* Невѣжда безъ души — звѣрь. Самой мелкой подвигъ вводитъ его во всякое преступленіе. Между тѣмъ, что онъ дѣлаетъ, и тѣмъ, для чего онъ дѣлаетъ, никакихъ вѣсковъ у него нѣтъ. Отъ такихъ-то животныхъ пришелъ я свободить...

Правдинъ. — Вашу племянницу. Я это знаю. Она здѣсь. Пойдемъ...

Стародумъ. — Постой. Сердце мое кипитъ еще негодованіемъ на недостойной поступокъ здѣшнихъ хозяевъ. Побудемъ здѣсь нѣсколько минутъ. У меня правило: въ первомъ движеніи ничего не начинать.

Правдинъ. — Рѣдкіе правило ваше наблюдать умѣютъ.

Стародумъ. — Опыты жизни моей меня къ тому пріучили. О, если-бъ я ранѣе умѣлъ владѣть собою, я имѣлъ бы удовольствіе служить долѣе отечеству.

Правдинъ. — Какимъ же образомъ? Происшествія съ человѣкомъ вашихъ качествъ никому равнодушны быть не могутъ. Вы меня крайне одолжите, если разскажете...

Стародумъ. — Я ни отъ кого ихъ не таю для того, чтобъ другіе въ подобномъ положеніи нашлись меня умнѣе. Вошедъ въ военную службу, познакомился я съ молодымъ Графомъ, котораго имени я и вспомнить не хочу. Онъ былъ по службѣ меня моложе, сынъ случайнаго отца, воспитанъ въ большомъ свѣтѣ, и имѣлъ особли-

вой случай научиться тому, что въ наше воспитаніе еще и не входило. Я всѣ силы употребилъ снискать его дружбу, чтобъ всегдашнимъ съ нимъ обхожденіемъ наградить недостатки моего воспитанія. Въ самое то время, когда взаимная наша дружба утверждалась, услышали мы нечаянно, что объявлена война. Я бросился обнимать его съ радостію. «Любезной Графъ! вотъ случай вамъ отличить себя. Пойдемъ тотчасъ въ армію и сдѣлаемся достойными званія дворянина, которое намъ дала порода». Вдругъ мой Графъ сильно наморщился, и, обнявъ меня сухо: «Счастливой тебѣ путь, сказалъ мнѣ, а я ласкаюсь, что батюшка не захочетъ со мною разстаться». Ни съ чѣмъ нельзя сравнить презрѣнія, которое ощутилъ я къ нему въ ту-жъ минуту. Тутъ увидѣлъ я, что между людьми случайными и людьми почтенными бываетъ иногда неизмѣримая разница; что въ большомъ свѣтѣ водятся премелкія души, и что съ великимъ просвѣщеніемъ можно быть великому скареду.

Правдинъ. — Сущая истина.

Стародумъ. — Оставя его, поѣхалъ я немедленно, куда звала меня должность. Многіе случаи имѣлъ я отличить себя. Раны мои доказываютъ, что я ихъ и не пропускалъ. Доброе мнѣніе обо мнѣ начальниковъ и войска было лестною наградою службы моей, какъ вдругъ получилъ я извѣстіе, что Графъ, прежній мой знакомецъ, о которомъ я гнушался вспоминать, произведенъ чиномъ, а обойденъ я, я, лежавшій тогда отъ ранъ въ тяжкой болѣзни. Такое неправосудіе растерзало мое сердце, и я тотчасъ взялъ отставку.

Правдинъ. — Что-жъ бы иное и дѣлать надлежало?

Стародумъ. — Надлежало образумиться. Не умѣлъ я остеречься отъ первыхъ движеній

раздраженнаго моего любочестія. Горячность не допустила меня тогда разсудить, что прямо любочестивой человѣкъ ревнуетъ къ дѣламъ, а не къ чинамъ; что чины нерѣдко выпрашиваются, а истинное почтеніе необходимо заслуживается; что гораздо честнѣе быть безъ вины обойдену, нежели безъ заслугъ пожалована.

Правдинъ. — Но развѣ дворянину не позволяется взять отставки ни въ какомъ уже случаѣ?

Стародумъ. — Въ одномъ только: когда онъ внутренно удостовѣренъ, что служба его отечеству прямой пользы не приноситъ. А! тогда поди.

Правдинъ. — Вы даете чувствовать истинное существо должности дворянина.

Стародумъ. — Взявъ отставку, пріѣхалъ я въ Петербургъ. Тутъ слѣпой случай завелъ меня въ такую сторону, о которой мнѣ отроду и въ голову не приходило.

Правдинъ. — Куда же?

Стародумъ. — Ко Двору. Меня взяли ко Двору. А? Какъ ты объ этомъ думаешь?

Правдинъ. — Какъ же вамъ эта сторона показалась?

Стародумъ. — Любопытна. Первое показалось мнѣ странно то, что въ этой сторонѣ по большой прямой дорогѣ никто почти не ѣздитъ, а всѣ объѣзжаютъ крюкомъ, надѣясь доѣхать поскорѣе.

Правдинъ. — Хоть крюкомъ, да просторна ли дорога?

Стародумъ. — А такова-то просторна, что двое, встрѣтясь, разойтиться не могутъ. Одинъ другого сваливаетъ, и тотъ, кто на ногахъ, не поднимаетъ уже никогда того, кто на землѣ.

Правдинъ. — Такъ поэтому тутъ самолюбіе...

Стародумъ. — Тутъ не самолюбіе, а, такъ назвать, себялюбіе. Тутъ себя любятъ отмѣнно; о себѣ одномъ пекутся; объ одномъ настоящемъ часѣ суетятся. Ты не повѣришь: я видѣлъ тутъ множество людей, которымъ во всѣ случаи ихъ жизни ни разу на мысль не приходили ни предки, ни потомки.

Правдинъ. — Но тѣ достойные люди, которые у Двора служатъ государству...

Стародумъ. — О! тѣ не оставляютъ Двора для того, что они Двору полезны; а прочіе для того, что Дворъ имъ полезенъ. Я не былъ въ числѣ первыхъ, и не хотѣлъ быть въ числѣ послѣднихъ.

Правдинъ. — Васъ конечно у Двора не узнали?

Стародумъ. — Тѣмъ для меня лучше. Я успѣлъ убраться безъ хлопотъ; а то бы выжили-жъ меня однимъ изъ двухъ манеровъ.

Правдинъ. — Какихъ?

Стародумъ. — Отъ Двора, мой другъ, выживаютъ двумя манерами: либо на тебя разсердятся, либо тебя разсердятъ. Я не сталъ дожидаться ни того, ни другого; разсудилъ, что лучше вести жизнь у себя дома, нежели въ чужой передней.

Правдинъ. — И такъ вы отошли отъ Двора ни съ чѣмъ? (*Открываетъ свою табакерку*).

Стародумъ (*беретъ у Правдина табакъ*). — Какъ ни съ чѣмъ? Табакеркѣ цѣна пять сотъ рублевъ. Пришли къ купцу двое. Одинъ, заплатя деньги, принесъ домой табакерку. Другой пришелъ домой безъ табакерки. И ты думаешь, что другой пришелъ домой ни съ чѣмъ? Ошибаешься. Онъ принесъ назадъ свои пять сотъ рублевъ цѣлы. Я отошелъ отъ Двора безъ деревень, безъ ленты, безъ чиновъ, да мое принесъ домой неповрежденно: мою душу, мою честь, мои правила.

Правдинъ. — Съ вашими правилами людей не отпускать отъ Двора, а ко Двору призывать надобно.

Стародумъ. — Призывать? А зачѣмъ?

Правдинъ. — За тѣмъ, за чѣмъ къ больнымъ врача призываютъ.

Стародумъ. — Мой другъ! ошибаешься. Тщетно звать врача къ больнымъ неисцѣльно: тутъ врачъ не пособитъ, развѣ самъ заразится.

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Тѣ же и Софья.

Софья (*къ Правдину*). — Силъ моихъ не стало отъ ихъ шуму.

Стародумъ (*въ сторону*). — Вотъ черты лица ея матери. Вотъ моя Софья.

Софья (*смотря на Стародума*). — Боже мой! Онъ меня назвалъ. Сердце мое меня не обманываетъ...

Стародумъ (*обнявъ ее*). — Нѣтъ! ты дочь моей сестры, дочь сердца моего!

Софья (*бросясь въ его объятія*). — Дядюшка! я внѣ себя съ радости.

Стародумъ. — Любезная Софья! Я узналъ въ Москвѣ, что ты живешь здѣсь противъ воли. Мнѣ на свѣтѣ шестьдесятъ лѣтъ. Случалось быть часто раздраженнымъ, иногда быть собой довольнымъ. Ничто такъ не терзало мое сердце, какъ невинность въ сѣтяхъ коварства; никогда не бывалъ я такъ собой доволенъ, какъ если случалось вырвать добычу изъ рукъ порока.

Правдинъ. — Сколь пріятно быть тому и свидѣтелемъ!

Софья. — Дядюшка! ваши ко мнѣ милости...

Стародумъ. — Ты знаешь что я одной тобой привязанъ къ жизни. Ты должна дѣлать

утѣшеніе моей старости, а мои попеченія твое счастье. Пошедъ въ отставку, положилъ я основаніе твоему воспитанію; но не могъ иначе основать твоего состоянія, какъ разлучась съ твоей матерью и съ тобою.

Софья. — Отсутствіе ваше огорчало насъ несказанно.

Стародумъ (*къ Правдину*). — Чтобъ оградить ея жизнь отъ недостатка въ нужномъ, рѣшился я удалиться на нѣсколько лѣтъ въ ту землю, гдѣ достаютъ деньги, не промѣнивая ихъ на совѣсть, безъ подлой выслуги, не грабя отечества; гдѣ требуютъ денегъ отъ самой земли, которая поправосуднѣе людей: лицепріятія не знаетъ, а платитъ одни труды вѣрно и щедро.

Правдинъ. — Вы могли-бъ обогатиться, какъ я слышалъ, несравненно больше.

Стародумъ. — А на что?

Правдинъ. — Чтобъ быть богату, какъ другіе.

Стародумъ. — Богату! А кто богатъ? Да вѣдаешь ли ты, что для прихотей одного человѣка всей Сибири мало? Другъ мой! все состоитъ въ воображеніи. Послѣдуй природѣ, никогда не будешь бѣденъ; послѣдуй людскимъ мнѣніямъ, никогда богатъ не будешь.

Софья. — Дядюшка! какую правду вы говорите!

Стародумъ. — Я нажилъ столько, чтобъ при твоемъ замужствѣ не остановляла насъ бѣдность жениха достойнаго.

Софья. — Во всю жизнь мою ваша воля будетъ мой законъ.

Правдинъ. — Но выдавъ ее, не лишнее было бы оставить и дѣтямъ...

Стародумъ. — Дѣтямъ? Оставлять богатство дѣтямъ! Въ головѣ нѣтъ. Умны будутъ, безъ него обойдутся: а глупому сыну не въ по-

мощь богатство. Видалъ я молодцовъ въ золотыхъ кафтанахъ, да съ свинцовой головою. Нѣтъ, мой другъ! наличныя деньги — не наличныя достоинства. Золотой болванъ, все болванъ.

Правдинъ. — Со всѣмъ тѣмъ мы видимъ, что деньги нерѣдко ведутъ къ чинамъ, чины обыкновенно къ знатности, а знатнымъ оказывается почтеніе.

Стародумъ. — Почтеніе! Одно почтеніе должно быть лестно человѣку — душевное, а душевнаго почтенія достоинъ только тотъ, кто въ чинахъ не по деньгамъ, а въ знати не по чинамъ.

Правдинъ. — Заключеніе ваше неоспоримо.

Стародумъ. — Ба! Это что за шумъ!

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Тѣ же, Г-жа Простакова, Скотининъ и Милонъ.

(*Милонъ разнимаетъ Г-жу Простакову съ Скотининымъ*).

Г-жа Простакова. — Пусти! Пусти, батюшка! Дай мнѣ до рожи, до рожи...

Милонъ. — Не пущу, сударыня. Не прогнѣвайся!

Скотининъ (*въ запальчивости, оправляя парикъ*). — Отвяжись, сестра! Дойдетъ дѣло до ломки; погну, такъ затрещишь.

Милонъ (*Г-жѣ Простаковой*). — И вы забыли, что онъ вамъ братъ!

Г-жа Простакова. — Ахъ, батюшка! Сердце взяло, дай додраться!

Милонъ (*Скотинину*). — Развѣ она вамъ не сестра?

Скотининъ. — Что грѣха таить, одного помету, да вишь какъ развизжалась.

Стародумъ (*не могши удержаться отъ смѣха, къ Правдину*). — Я боялся разсердиться: теперь смѣхъ меня беретъ.

Г-жа Простакова. — Кого-то, надъ кѣмъ-то? Это что за выѣзжій!

Стародумъ. — Не прогнѣвайся, сударыня: я отроду ничего смѣшнѣе не видывалъ.

Скотининъ (*держась за шею*). — Кому смѣхъ, а мнѣ и полсмѣха нѣтъ.

Милонъ. — Да не ушибла-ль она васъ?

Скотининъ. — Перед-отъ заслонялъ обѣими, такъ вцѣпилась въ зашеину...

Правдинъ. — И больно?

Скотининъ. — Загривокъ немного пронозила. (*Въ слѣдующую рѣчь Г-жи Простаковой Софья сказываетъ взорами Милону, что передъ нимъ Стародумъ. Милонъ ее понимаетъ*).

Г-жа Простакова.—Пронозила!.. Нѣтъ, братецъ, ты долженъ образъ вымѣнить господина офицера: а кабы не онъ, то-бъ ты отъ меня не заслонился. За сына вступлюсь; не спущу отцу родному. (*Стародуму*) Это, сударь, ничего и не смѣшно, не прогнѣвайся. У меня материно сердце. Слыхано ли, чтобъ сука щенятъ своихъ выдавала? Изволилъ пожаловать невѣдомо къ кому, невѣдомо кто.

Стародумъ (*указывая на Софью*). — Пріѣхалъ къ ней ея дядя Стародумъ.

Г-жа Простакова (*обробѣвъ и струся*).— Какъ! Это ты! Ты батюшка! Гость нашъ безцѣнной! Ахъ я дура безсчетная! Да такъ ли бы надобно было встрѣтить отца родного, на котораго вся надежда, которой у насъ одинъ, какъ порохъ въ глазѣ. Батюшка! прости меня: я дура. Образумиться не могу. Гдѣ мужъ? Гдѣ сынъ? Какъ въ пустой домъ пріѣхалъ! Наказаніе Божіе! Всѣ обезумѣли. Дѣвка! дѣвка! Палашка! дѣвка!

Скотининъ (*въ сторону*). — Тотъ-то, онъ-то, дядюшка-то!

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Тѣ же и Еремеевна.

Еремеевна. — Чего изволишь?

Г-жа Простакова. — А ты развѣ дѣвка, собачья ты дочь? Развѣ у меня въ домѣ, кромѣ твоей скверной хари, и служанокъ нѣтъ! Палашка гдѣ?

Еремеевна. — Захворала, матушка; лежитъ съ утра.

Г-жа Простакова. — Лежитъ! Ахъ она бестія! Лежитъ! Какъ будто она благородная!

Еремеевна. — Такой жаръ рознялъ, матушка; безъ умолку бредитъ...

Г-жа Простакова. — Бредитъ бестія! Какъ будто благородная! Зови же ты мужа, сына. Скажи имъ, что, по милости Божіей, дождались мы дядюшку любезной нашей Софьюшки; что второй нашъ родитель къ намъ теперь пожаловалъ, по милости Божіей. Ну, бѣги, переваливайся.

Стародумъ. — Къ чему такъ суетиться, сударыня? По милости Божіей, я вашъ не родитель; по милости же Божіей, я вамъ и незнакомъ.

Г-жа Простакова. — Нечаянной твой пріѣздъ, батюшка, умъ у меня отнялъ; да дай хотя обнять тебя хорошенько, благодѣтель нашъ!

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Тѣ же, Простаковъ, Митрофанъ и Еремеевна.

(*Въ слѣдующую рѣчь Стародума, Простаковъ съ сыномъ, вышедшіе изъ средней двери, стали позади Стародума. Отецъ готовъ его обнять,*

какъ скоро дойдетъ очередь, а сынъ подойти къ рукѣ. Еремеевна взяла мѣсто къ сторонѣ, и, сложа руки, стала, какъ вкопаная, выпяля глаза на Стародума, съ рабскимъ подобострастіемъ).

Стародумъ (*обнимая неохотно Г-жу Простакову*). — Милость совсѣмъ лишняя, сударыня! Безъ нее могъ бы я весьма легко обойтиться. (*Вырвавшись изъ рукъ ея, обертывается на другую сторону, гдѣ Скотининъ, стоящій уже съ распростертыми руками, тотчасъ его схватываетъ*).

Стародумъ. — Это къ кому я попался?

Скотининъ. — Это я, сестринъ братъ.

Стародумъ (*увидя еще двухъ, съ нетерпѣніемъ*). — А это кто еще?

Простаковъ (*обнимая*). — Я женинъ мужъ.

Митрофанъ (*ловя руку*). — А я матушкинъ сынокъ.

Вмѣстѣ.

Милонъ (*Правдину*). — Теперь я не представлюсь.

Правдинъ (*Милону*). — Я найду случай представить тебя послѣ.

Стародумъ (*не давая руки Митрофану*).— Этотъ ловитъ цѣловать руку: видно, что готовятъ въ него большую душу.

Г-жа Простакова. — Говори, Митрофанушка: какъ-де, сударь, мнѣ твоей ручки не цѣловать; ты мой второй отецъ.

Митрофанъ. — Какъ не цѣловать, дядюшка, твоей ручки: ты мой отецъ... (*Къ матери*) Которой бишь?

Г-жа Простакова. — Второй.

Митрофанъ. — Второй? Второй отецъ, дядюшка.

Стародумъ. — Я, сударь, тебѣ ни отецъ, ни дядюшка.

Г-жа Простакова. — Батюшка, вѣдь ребенокъ можетъ быть свое счастье прорекаетъ: авось-либо сподобитъ Богъ быть ему и впрямь твоимъ племянничкомъ.

Скотининъ. — Право! А я чѣмъ не племянникъ? Ай сестра!

Г-жа Простакова. — Я, братецъ, съ тобою лаяться не стану. (*Къ Стародуму*) Отроду, батюшка, ни съ кѣмъ не бранивалась. У меня такой нравъ: хоть разругай, вѣкъ слова не скажу. Пусть же, себѣ на умѣ, Богъ тому заплатитъ, кто меня, бѣдную, обижаетъ.

Стародумъ. — Я это примѣтилъ, какъ скоро ты, сударыня, изъ дверей показалась.

Правдинъ. — А я уже три дни свидѣтелемъ ея добронравія.

Стародумъ. — Этой забавы я такъ долго имѣть не могу. Софьюшка, другъ мой, завтра же поутру ѣду съ тобою въ Москву.

Г-жа Простакова. — Ахъ, батюшка! за что такой гнѣвъ?

Простаковъ. — За что немилость?

Г-жа Простакова. — Какъ? Намъ разстаться съ Софьюшкой, съ сердечнымъ нашимъ другомъ! Я съ одной тоски хлѣба отстану.

Простаковъ. — А я уже тутъ сгибъ, да пропалъ.

Стародумъ. — Когда же вы такъ ее любите, то долженъ я васъ обрадовать: я везу ее въ Москву для того, чтобъ сдѣлать ея счастье. Мнѣ представленъ въ женихи ея нѣкто молодой человѣкъ большихъ достоинствъ; за него ее и выдамъ.

Г-жа Простакова. — Ахъ! уморилъ!

Милонъ. — Что я слышу! (*Софья кажется пораженною*).

Скотининъ. — Вотъ-те разъ! (*Простаковъ всплеснулъ руками*).

Митрофанъ. — Вотъ тебѣ на! (*Еремеевна печально кивнула головою*). (*Правдинъ показываетъ видъ огорченнаго удивленія*).

Всѣ вмѣстѣ.

Стародумъ (*примѣтя всѣхъ смятеніе*). — Что это значитъ? (*Къ Софьѣ*) Софьюшка, другъ мой, и ты, мнѣ кажется, въ смущеніи? Не уже ль мое намѣреніе тебя огорчило? Я заступаю мѣсто отца твоего. Повѣрь мнѣ, что я знаю его права. Онѣ нейдутъ далѣе, какъ отвращать несчастную склонность дочери, а выборъ достойнаго человѣка зависитъ совершенно отъ ея сердца. Будь спокойна, другъ мой! Твой мужъ, тебя достойной, кто-бъ онъ ни былъ, будетъ имѣть во мнѣ истиннаго друга. Поди за кого хочешь. (*Всѣ принимаютъ веселый видъ*).

Софья. — Дядюшка! не сомнѣвайтесь въ моемъ повиновеніи.

Милонъ (*въ сторону*). — Почтенной человѣкъ!

Г-жа Простакова (*съ веселымъ видомъ*).— Вотъ отецъ! Вотъ послушать! Поди за кого хочешь, лишь бы человѣкъ ея стоилъ. Такъ, мой батюшка, такъ. Тутъ лишь только жениховъ пропускать не надобно. Коль есть въ глазахъ дворянинъ, малой молодой...

Скотининъ. — Изъ ребятъ давно ужъ вышелъ...

Г-жа Простакова. — У кого достаточекъ хоть и небольшой...

Скотининъ. — Да свиной заводъ не плохъ...

Г-жа Простакова. — Такъ и въ доброй часъ, въ архангельской.

Вмѣстѣ.

Скотининъ. — Такъ веселымъ пиркомъ, да и за свадебку.

Стародумъ. — Совѣты ваши безпристрастны. Я это вижу.

Скотининъ. — То-ль еще увидишь, какъ опознаешь меня покороче. Вишь ты — здѣсь содомно. Черезъ часъ-мѣста приду къ тебѣ одинъ; тутъ дѣло и сладимъ. Скажу, не похвалясь, каковъ я, право такихъ мало. (*Отходитъ*).

Стародумъ. — Это всего вѣроятнѣе.

Г-жа Простакова. — Ты, мой батюшка, не диви на братца...

Стародумъ. — А онъ вашъ братецъ?

Г-жа Простакова. — Родной, батюшка: вѣдь и я по отцѣ Скотининыхъ. Покойникъ батюшка женился на покойницѣ матушкѣ. Она была по прозванію Приплодиныхъ. Насъ дѣтей было у нихъ восьмнадцать человѣкъ: да кромѣ меня съ братцомъ, всѣ, по власти Господней, примерли: иныхъ изъ бани мертвыхъ вытащили; трое, похлебавъ молочка изъ мѣднаго котлика, скончались; двое о Святой недѣлѣ съ колокольни свалились; а достальныя сами не стояли, батюшка!

Стародумъ. — Вижу, каковы были и родители ваши.

Г-жа Простакова. — Старинные люди, мой отецъ! Не нынѣшній былъ вѣкъ. Насъ ничему не учили. Бывало, добры люди приступятъ къ батюшкѣ, ублажаютъ, ублажаютъ, чтобъ хоть братца отдать въ школу, — кстати ли, — покойникъ свѣтъ, и руками и ногами, царство ему небесное! Бывало, изволитъ закричать: прокляну ребенка, которой что нибудь переймета у басурмановъ, и не будь тотъ Скотининъ, кто чему нибудь учиться захочетъ.

Правдинъ. — Вы однако-жъ своего сынка кое-чему обучаете.

Г-жа Простакова. — Да нынѣ вѣкъ другой, батюшка! (*Къ Стародуму*) Послѣднихъ крохъ не жалѣемъ, лишь бы сына всему выучить. Мой Митрофанушка изъ-за книги не встаетъ по суткамъ. Материно мое сердце. Иное жаль, жаль, да подумаешь: за то будетъ и дѣтина хоть куда. Вѣдь вотъ ужъ ему, батюшка, шестнадцать лѣтъ исполнится около зимняго Николы. Женихъ хоть кому, а все-таки учители ходятъ, часа не теряетъ, и теперь двое въ сѣняхъ дожидаются. (*Мигнула Еремеевнѣ, чтобъ ихъ позвать*). А въ Москвѣ приняли иноземца на шесть лѣтъ, и чтобъ другіе не сманили, контрактъ въ полиціи заявили. Подрядился учить, чему мы хотимъ, а по насъ учи, чему самъ умѣетъ. Мы весь родительской долгъ исполнили: Нѣмца приняли, и деньги впередъ по третямъ платимъ. Желала-бъ я душевно, чтобъ ты самъ, батюшка, полюбовался на Митрофанушку, и посмотрѣлъ бы, что онъ выучилъ.

Стародумъ. — Я худой тому судья, сударыня.

Г-жа Простакова (*увидя Кутейкина и Цыфиркина*). — Вотъ и учители. Не говорила-ль я, батюшка, что Митрофанушка мой ни днемъ, ни ночью покою не имѣетъ. Свое дитя хвалить дурно, а куда не безсчастна будетъ та, которую приведетъ Богъ быть его женою.

Правдинъ. — Это все хорошо: не забудьте однако-жъ, сударыня, что гость вашъ теперь только изъ Москвы пріѣхалъ, и что ему покой гораздо нужнѣе похвалъ вашего сына.

Стародумъ. — Признаюсь, что я радъ бы отдохнуть и отъ дороги, и отъ всего того, что слышалъ и что видѣлъ.

Г-жа Простакова. — Ахъ, мой батюш-

ка! Все готово; сама для тебя комнату убирала.

Стародумъ. — Благодаренъ. Софьюшка, проводи же меня.

Г-жа Простакова. — А мы-то что? Позволь, мой батюшка, проводить себя и мнѣ, и сыну, и мужу. Мы всѣ за твое здоровье въ Кіевъ пѣшкомъ обѣщаемся, лишь бы дѣльцо наше сладить.

Стародумъ (*къ Правдину*). — Когда же мы увидимся? Отдохнувъ, я сюда приду.

Правдинъ. — Такъ я здѣсь и буду имѣть честь васъ видѣть.

Стародумъ. — Радъ душою. (*Увидя Милона, который ему съ почтеніемъ поклонился, откланивается и ему учтиво*).

Г-жа Простакова. — Такъ милости просимъ. (*Кромѣ учителей, всѣ отходятъ: Правдинъ съ Милономъ въ сторону, а прочіе въ другую*).

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

Кутейкинъ и Цыфиркинъ.

Кутейкинъ. — Что за бѣсовщина! Съ самаго утра толку не добьешься. Здѣсь каждое утро процвѣтетъ и погибнетъ.

Цыфиркинъ. — А нашъ братъ и вѣкъ такъ живетъ. Дѣла не дѣлай, отъ дѣла не бѣгай. Вотъ бѣда нашему брату, какъ кормятъ плохо, какъ сегодня къ здѣшнему обѣду провіанту не стало...

Кутейкинъ. — Да кабы не умудрилъ и меня Владыко, шедши сюда, забрести на перепутье къ нашей просвирнѣ, взалкахъ бы яко песъ ко вечеру.

Цыфиркинъ. — Здѣшни господа, добры командиры!

Кутейкинъ. — Слыхалъ ли ты, братецъ, каково житье то здѣшнимъ челядинцамъ. Даромъ,

что ты служивой, бывалъ на баталіяхъ, страхъ и трепетъ пріидетъ на тя...

Цыфиркинъ. — Вотъ на. Слыхалъ ли? Я самъ видалъ здѣсь бѣглой огонь въ сутки сряду часа по три; (*вздохнувъ*). Охъ-ти мнѣ! Грусть беретъ.

Кутейкинъ. — О горе мнѣ, грѣшному!

Цыфиркинъ. — О чемъ вздохнулъ, Сидорычъ?

Кутейкинъ. — И въ тебѣ смятеся сердце твое, Пафнутьевичъ?

Цыфиркинъ. — За неволю призадумаешься. Далъ мнѣ Богъ ученичка, боярскаго сынка. Бьюсь съ нимъ третій годъ: трехъ перечесть не умѣетъ.

Кутейкинъ. — Такъ у насъ одна кручина. Четвертой годъ мучу свой животъ. По сесть часъ кромѣ задовъ новой строки не разберетъ: да и зады мямлитъ, прости Господи, безъ складу по складамъ, безъ толку по толкамъ.

Цыфиркинъ. — А кто виноватъ? Лишь онъ грифель въ руки, а Нѣмецъ въ двери. Ему шабашъ изъ за доски, а меня рады въ толчки.

Кутейкинъ. — Тутъ мой ли грѣхъ? Лишь указку въ персты, басурманъ въ глаза. Ученичка по головкѣ, а меня по шеѣ.

Цыфиркинъ (*съ жаромъ*). — Я далъ бы себѣ ухо отнести, лишь бы этаго тунеядца прошколить посолдатски.

Кутейкинъ. — Меня хоть теперь шелепами, лишь бы выю грѣшничу путёмъ накостылять.

ЯВЛЕНІЕ СЕДЬМОЕ.

Тѣ же, Г-жа Простакова и Митрофанъ.

Г-жа Простакова. — Пока онъ отдыхаетъ, другъ мой, ты хоть для виду поучись,

чтобъ дошло до ушей его, какъ ты трудишься, Митрофанушка.

Митрофанъ. — Ну! А тамъ что?

Г-жа Простакова. — А тамъ и женишься.

Митрофанъ. — Слушай, матушка. Я тебя потѣшу, поучусь; только чтобъ это былъ послѣдній разъ, и чтобъ сегодни-жъ быть сговору.

Г-жа Простакова. — Придетъ часъ воли Божіей!

Митрофанъ. — Часъ моей воли пришелъ: не хочу учиться, хочу жениться. Ты-жъ меня взманила, пеняй на себя. Вотъ я сѣлъ. (*Цыфиркинъ очиниваетъ грифель*).

Г-жа Простакова. — А я тутъ же присяду. Кошелекъ повяжу для тебя, другъ мой! Софьюшкины денежки было-бъ куда класть.

Митрофанъ. — Ну! давай доску, гарнизонная крыса! Задавай, что писать.

Цыфиркинъ. — Ваше Благородіе завсегда безъ дѣла лаяться изволите.

Г-жа Простакова (*работая*). — Ахъ, Господи Боже мой! Ужъ ребенокъ не смѣй и избранить Пафнутьича! Ужъ и разгнѣвался!

Цыфиркинъ. — За что разгнѣваться, Ваше Благородіе! У насъ Россійская пословица: собака лаетъ, вѣтеръ носитъ.

Митрофанъ. — Задавай же зады, поворачивайся.

Цыфиркинъ. — Все зады, Ваше Благородіе. Вѣдь съ задами-то вѣкъ назади останешься.

Г-жа Простакова. — Не твое дѣло, Пафнутьичъ. Мнѣ очень мило, что Митрофанушка впередъ шагать не любитъ. Съ его умомъ, да залетѣть далеко, да и Боже избави!

Цыфиркинъ. — Задача: изволилъ ты, на прикладъ, идти по дорогѣ со мною; ну, хоть возьмемъ съ собою Сидорыча. Нашли мы трое...

Митрофанъ *(пишетъ)*. — Трое.

Цыфиркинъ. — На дорогѣ, на прикладъ же, триста рублей.

Митрофанъ *(пишетъ)*. — Триста.

Цыфиркинъ. — Дошло дѣло до дѣлежа. Смякнитко, по чему на брата?

Митрофанъ *(вычисляя, шепчетъ)*. — Единожды три, три; единожды нуль, нуль; единожды нуль, нуль.

Г-жа Простакова. — Что, что до дѣлежа?

Митрофанъ. — Вишь триста рублей, что нашли, троимъ раздѣлить.

Г-жа Простакова. — Вретъ онъ, другъ мой сердечной! Нашедъ деньги, ни съ кѣмъ не дѣлись: всѣ себѣ возьми. Митрофанушка! не учись этой дурацкой наукѣ.

Митрофанъ. — Слышь, Пафнутьичъ, задавай другую.

Цыфиркинъ. — Пиши, Ваше Благородіе. За ученье жалуете мнѣ въ годъ десять рублей.

Митрофанъ. — Десять.

Цыфиркинъ. — Теперь, правда, незачто; а кабы ты, баринъ, что нибудь у меня перенялъ, не грѣхъ бы тогда было и еще прибавить десять.

Митрофанъ *(пишетъ)*. — Ну, ну, десять.

Цыфиркинъ. — Сколько-жъ бы на годъ?

Митрофанъ *(вычисляя, шепчетъ)*. — Нуль, да нуль, нуль; одинъ да одинъ... *(Задумался)*.

Г-жа Простакова. — Не трудись по пустому, другъ мой, гроша не прибавлю; да и незачто, наука не такая: лишь тебѣ мученье; а все вижу пустота. Денегъ нѣтъ, что считать, деньги есть, сочтемъ и безъ Пафнутьича хорошехонько.

Кутейкинъ. — Шабашъ, право, Паф-

нутьичъ. Двѣ задачи рѣшены. Вѣдь на повѣрку приводить не станутъ.

Митрофанъ. — Не бось, братъ. Матушка тутъ сама не ошибется. Ступай-ка ты теперь, Кутейкинъ, проучи вчерашнее.

Кутейкинъ *(открываетъ часословъ. Митрофанъ беретъ указку)*. — Начнемъ, благословясь. За мною со вниманіемъ. Азъ же есмь червь...

Митрофанъ. — Азъ же есмь червь...

Кутейкинъ. — Червь, сирѣчь, животина, скотъ. Сирѣчь: азъ есмь скотъ.

Митрофанъ. — Азъ есмь скотъ.

Кутейкинъ *(учебнымъ голосомъ)*. А не человѣкъ.

Митрофанъ *(также)*. — А не человѣкъ.

Кутейкинъ. — Поношеніе человѣковъ.

Митрофанъ. — Поношеніе человѣковъ.

Кутейкинъ. — И уни...

ЯВЛЕНІЕ ОСЬМОЕ.

Тѣ же и Вральманъ.

Вральманъ. — Ай! ай! ай! ай! ай! Теперь-то я фижу! Умаритъ хотятъ репенка! Матушка ты мая! сшалься натъ сфаей утропой, катора тефять мѣсесовъ таскала, — такъ скасать, асмое тифа фъ сфѣтѣ. Тай фолю этимъ преклятымъ слатѣямъ, исъ такой калафы толго ль палфанъ? Ушь диспозисіонъ, ушь все есть.

Г-жа Простакова. — Правда, правда твоя, Адамъ Адамычъ! Митрофанушка, другъ мой, коли ученье такъ опасно для твоей головушки, такъ по мнѣ перестань.

Митрофанъ. — А по мнѣ и подавна.

Кутейкинъ *(затворяя часословъ)*. — Конецъ и Богу слава.

Врaльманъ. — Матушка моя! Што тепѣ надобно? сынокъ, каковъ есть, да талъ Богъ старовье; или сынокъ премудрой, такъ сказать, Аристотелисъ, да въ могилу.

Гжа Простакова. — Ахъ, какая страсть, Адамъ Адамычъ! Онъ же и такъ вчера небережно поужиналъ.

Врaльманъ. — Разсутитъ, мать мая; напилъ прюхо лишне, — пѣда; а фишь калоушка-то у нефо караздо слапѣ прюха; напить её лишнѣ, захрани Поже!

Гжа Простакова. — Правда твоя, Адамъ Адамычъ! Да что ты станешь дѣлать? Ребенокъ, не выучась, поѣзжай-ка въ тотъ же Петербургъ: скажутъ, дуракъ. Умницъ-то нынѣ завелось много; ихъ-то я боюсь.

Врaльманъ. — Чефо баяться, мая матушка? Расумнай шеловѣкъ никахта ефо не сатеретъ, никахта зъ нимъ не саспоритъ: а онъ съ умными лютьми не сфясывайся, такъ и пудетъ плаготенствіе Пожіе.

Г-жа Простакова. — Вотъ какъ надобно тебѣ на свѣтѣ жить, Митрофанушка!

Митрофанъ. — Я и самъ, матушка, до умницъ-то не охотникъ. Свой братъ завсегда лучше.

Врaльманъ. — Сфая кампанія то ли тѣло!

Г-жа Простакова. — Адамъ Адамычъ! да изъ кого-жъ ты ее выберешь?

Врaльманъ. — Не крушинься, мая матушка, не крушинься; каковъ тфой тражайшій сынъ, такихъ на сфѣтѣ милліоны, милліоны. Какъ ему не фыпрать себѣ кампаніи.

Г-жа Простакова. — То даромъ, что мой сынъ: малой острой, проворной.

Врaльманъ. — То ли пы тѣло, капы не самарили ефо на ушенье! Россійска краматъ!

Арихметика! Ахъ, Хоспоти Поже мой! Какъ туша фъ тѣлѣ остаесса! Какъ путто пы Россійски тфорянинъ ушь и не могъ фъ свѣтѣ аванзировать пезъ Россійской краматъ!

Кутейкинъ *(въ сторону)*. — Подъ языкъ бы тебѣ трудъ и болѣзнь.

Вральманъ. — Какъ путто-бы до Арихметики пыли люти тураки несчетные!

Цыфиркинъ *(въ сторону)*. — Я те ребра-то пересчитаю. Попадешься ко мнѣ..

Вральманъ. — Ему потрепно снать, какъ шить фъ сфѣтѣ. Я снаю сфѣтъ наизусть; я самъ терта калашь.

Г-жа Простакова. — Какъ тебѣ не знать большова свѣту, Адамъ Адамычъ! Я чай и въ одномъ Петербургѣ ты всего наглядѣлся.

Вральманъ. — Тафольно, мая матушка, тафольно. Я савсегда ахотникъ пылъ смотрѣть пупликъ. Пыфало, о прасникѣ съѣтутца въ Катрингофъ кареты съ хоспотамъ; я фсе на нихъ смотру. Пыфало, не сойту ни на минуту съ коселъ.

Г-жа Простакова. — Съ какихъ козелъ?

Вральманъ *(въ сторону)*. — Ай! ай! ай! ай! Што я зафралъ! *(Въ слухъ)* Ты, матушка, снаешь, што сматрѣть фсегта лоче зповыши: такъ я, пыфало, на снакому карету и сасѣлъ, та и сматру польшой сфѣтъ съ коселъ.

Г-жа Простакова. —Конечно виднѣе. Умной человѣкъ знаетъ куда взлѣзть.

Вральманъ. — Вашъ тражайшій сынъ также на сфѣтѣ какъ нипудь всмаститца, лютей пасматрѣть и сепя пакасать. Уталецъ! *(Митрофанъ, стоя на мѣстѣ, перевертывается)*.

Вральманъ. — Уталецъ! Не постоитъ на мѣстѣ, какъ тикой конь пезъ узды. Ступай! фортъ! *(Митрофанъ убѣгаетъ)*.

Г-жа Простакова *(усмѣхаясь радостно)*. — Ребенокъ, право, хоть и женихъ. Пойти за нимъ однако-жъ, чтобъ онъ съ рѣзвости безъ умыслу чѣмъ нибудь гостя не прогнѣвалъ.

Вральманъ. — Поти, мая матушка! Салетна птиса! Са нимъ тфои гласа натопно.

Г-жа Простакова.— Прощай же, Адамъ Адамычъ! *(Отходитъ)*.

ЯВЛЕНІЕ ДЕВЯТОЕ.

Вральманъ, Кутейкинъ и Цыфиркинъ.

Цыфиркинъ *(насмѣхаясь)*. — Эка образина!

Кутейкинъ *(насмѣхаясь)*. — Притча во языцѣхъ!

Вральманъ. — Чему-фы супы то скалите, нефѣжи?

Цыфиркинъ *(ударивъ по плечу)*. — А ты что брови-то нахмурилъ, Чухонская сова?

Вральманъ. — Ой! ой! Шелѣсны лапы.

Кутейкинъ *(ударивъ по плечу)*. — Филинъ треклятый! что ты буркалами то похлопываешь?

Вральманъ *(тихо)*. — Пропалъ я. *(Въ слухъ)*. Што фы, истефаетесь, репята, что ли нато мною?

Цыфиркинъ. — Самъ праздно хлѣбъ ѣшь, и другимъ ничего дѣлать не даешь: да ты-жъ еще и рожи не уставишь.

Кутейкинъ. — Уста твоя всегда глаголаша гордыню, нечестивый!

Вральманъ *(оправляясь отъ робости)*. — Какъ фы терсаете нефѣшничать передъ ушеной персоной? Я накраулъ сакричу.

Цыфиркинъ. — А мы-те и честь отдадимъ: я доскою...

Кутейкинъ. — А я часословомъ.

Вральманъ. — Я хоспожѣ на фасъ пошалаюсь. *(Цыфиркинъ замахиваясь доскою, а Кутейкинъ часословомъ).*

Цыфиркинъ. — Раскрою тебѣ рожу на пятеро.

Кутейкинъ. — Зубы грѣшника сокрушу. *(Вральманъ бѣжитъ).* *Вмѣстѣ.*

Цыфиркинъ. — Ага! Поднялъ трусъ ноги.

Кутейкинъ. — Направи стопы своя, окаянный!

Вральманъ *(въ дверяхъ)*. — Что фсяли, бестія? Сюта сунтесь.

Цыфиркинъ. — Уплелъ! Мы бы дали тебѣ таску.

Вральманъ. — Лихъ не паюсь теперь, не паюсь.

Кутейкинъ. — Засѣлъ пребеззаконный! Много-ль тамъ васъ басурмановъ-то? Всѣхъ высылай.

Вральманъ. — Сатнимъ не слатили! Эхъ пратъ фсяли!

Цыфиркинъ. — Одинъ десятерыхъ уберу.

Кутейкинъ.—Воутріе избію вся грѣшныя земли. *Всѣ вдругъ кричатъ.*

Конецъ третьяго дѣйствія.

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Софья одна *(глядя на часы)*. — Дядюшка скоро долженъ выдти. *(Садясь)* Я его здѣсь подожду. *(Вынимаетъ книжку и прочитавъ нѣсколько)* Это правда. Какъ не быть довольну

сердцу, когда спокойна совѣсть! *(Прочитавъ опять нѣсколько)* Нельзя не любить правилъ добродѣтели: онѣ способы къ счастію. *(Прочитавъ нѣсколько, взглянула, и увидѣвъ Стародума, къ нему подбѣгаетъ)*.

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Софья и Стародумъ.

Стародумъ. — А! Ты уже здѣсь, другъ мой сердечной!

Софья. — Я васъ дожидалась, дядюшка. Читала теперь книжку.

Стародумъ. — Какую?

Софья. — Французскую: Фенелона, о воспитаніи дѣвицъ.

Стародумъ. — Фенелона? Автора Телемака? Хорошо. Я не знаю твоей книжки, однако читай ее, читай. Кто написалъ Телемака, тотъ перомъ своимъ нравовъ развращать не станетъ. Я боюсь для васъ нынѣшнихъ мудрецовъ. Мнѣ случилось читать изъ нихъ все то, что переведено по Русски. Они, правда, искореняютъ сильно предразсудки, да воротятъ съ корня добродѣтель. Сядемъ. *(Оба сѣли)*. Мое сердечное желаніе видѣть тебя столько счастливою, сколько въ свѣтѣ быть возможно.

Софья. — Ваши наставленія, дядюшка, составятъ все мое благополучіе. Дайте мнѣ правила, которымъ я послѣдовать должна. Руководствуйте сердцемъ моимъ: оно готово вамъ повиноваться.

Стародумъ. — Мнѣ пріятно расположеніе души твоей. Съ радостью подамъ тебѣ мои совѣты. Слушай меня съ такимъ вниманіемъ, съ какою искренностію я говорить буду. Поближе. *(Софья подвигаетъ стулъ свой)*.

Софья. — Дядюшка! всякое слово ваше врѣзано будетъ въ сердце мое

Стародумъ *(съ важнымъ чистосердечіемъ)*. — Ты теперь въ тѣхъ лѣтахъ, въ которыхъ душа наслаждаться хочетъ всѣмъ бытіемъ своимъ, разумъ хочетъ знать, а сердце чувствовать. Ты входишь теперь въ свѣтъ, гдѣ первой шагъ рѣшитъ часто судьбу цѣлой жизни, гдѣ всего чаще первая встрѣча бываетъ: умы, развращенные въ своихъ понятіяхъ, сердца, развращенныя въ своихъ чувствахъ. О, мой другъ! умѣй различить, умѣй остановиться съ тѣми, которыхъ дружба къ тебѣ была-бъ надежною порукою за твой разумъ и сердце.

Софья. — Все мое стараніе употреблю заслужить доброе мнѣніе людей достойныхъ. Да какъ мнѣ избѣжать, чтобъ тѣ, которые увидятъ, какъ отъ нихъ я удаляюсь, не стали на меня злобиться? Не можно ль, дядюшка, найти такое средство, чтобъ мнѣ никто на свѣтѣ зла не пожелалъ?

Стародумъ. — Дурное расположеніе людей, недостойныхъ почтенія, не должно быть огорчительно. Знай, что зла никогда не желаютъ тѣмъ, кого презираютъ; а обыкновенно желаютъ зла тѣмъ, кто имѣетъ право презирать. Люди не одному богатству, не одной знатности завидуютъ, и добродѣтель также своихъ завистниковъ имѣетъ. Они всею силою стараются развратить невинное сердце, чтобъ унизить его до себя самихъ; и разумъ, не имѣвшій испытанія, обольщаютъ до того, чтобъ полагать свое счастье не въ томъ, въ чемъ надобно.

Софья. — Возможно-ль, дядюшка, чтобъ были въ свѣтѣ такіе жалкіе люди, въ которыхъ дурное чувство родится точно отъ того, что есть въ другихъ хорошее. Добродѣтельной человѣкъ сжалиться долженъ надъ такими несчастными.

Стародумъ. — Они жалки, это правда; однако для этого добродѣтельной человѣкъ не

перестаетъ идти своей дорогой. Подумай ты сама, какое было-бы несчастье, ежели-бъ солнце перестало свѣтить для того, чтобъ слабыхъ глазъ не ослѣпить?

Софья. — Да скажите-жъ мнѣ пожалуйте, виноваты ли они? всякой-ли человѣкъ можетъ быть добродѣтеленъ?

Стародумъ. — Повѣрь мнѣ, всякой найдетъ въ себѣ довольно силъ, чтобъ быть добродѣтельну. Надобно захотѣть рѣшительно, а тамъ всего будетъ легче не дѣлать того, за что-бъ совѣсть угрызала.

Софья. — Кто-жъ остережетъ человѣка, кто недопуститъ до того, за что послѣ мучитъ его совѣсть?

Стародумъ. — Кто остережетъ? Та же совѣсть. Вѣдай, что совѣсть всегда, какъ другъ, остерегаетъ прежде, нежели какъ судья наказываетъ.

Софья. — Такъ поэтому надобно, чтобъ всякой порочной человѣкъ былъ дѣйствительно презрѣнія достоинъ, когда дѣлаетъ онъ дурно, знавъ, что дѣлаетъ. Надобно, чтобъ душа его была очень низка, когда она не выше дурного дѣла.

Стародумъ. — И надобно, чтобъ разумъ его былъ не прямой разумъ, когда онъ полагаетъ свое счастье не въ томъ, въ чемъ надобно.

Софья. — Мнѣ казалось, дядюшка, что всѣ люди согласились, въ чемъ полагать свое счастье. Знатность, богатство...

Стародумъ. — Такъ, мой другъ! И я согласенъ назвать счастливымъ знатнаго и богатаго. Да сперва согласимся, кто знатенъ и кто богатъ. У меня мой разсчетъ. Степени знатности разсчитываю я по числу дѣлъ, которыя большой господинъ сдѣлалъ для отечества, а не по числу дѣлъ, которыя нахваталъ на себя изъ высокомѣрія; не по числу людей, которые шатаются въ его

передней, а по числу людей, довольныхъ его поведеніемъ и дѣлами. Мой знатной человѣкъ конечно счастливъ; богачъ мой тоже. По моему разсчету не тотъ богатъ, которой отсчитываетъ деньги, чтобъ прятать ихъ въ сундукъ; а тотъ, которой отсчитываетъ у себя лишнее, чтобъ помочь тому, у кого нѣтъ нужнаго.

Софья. — Какъ это справедливо! Какъ наружность насъ ослѣпляетъ! Мнѣ самой случалось видѣть множество разъ, какъ завидуютъ тому, кто у двора ищетъ и значитъ...

Стародумъ. — А того не знаютъ, что у двора всякая тварь что нибудь да значитъ и чего нибудь да ищетъ; того не знаютъ, что у двора всѣ придворные и у всѣхъ придворные. Нѣтъ, тутъ завидовать нечему: безъ знатныхъ дѣлъ знатное состояніе ничто.

Софья. — Конечно, дядюшка. И такой знатной никого счастливымъ не дѣлаетъ, кромѣ себя одного.

Стародумъ. — Какъ! А развѣ тотъ счастливъ, кто счастливъ одинъ? Знай, что какъ бы онъ знатенъ ни былъ, душа его прямаго удовольствія не вкушаетъ. Вообрази себѣ человѣка, который бы всю свою знатность устремилъ на то только, чтобъ ему одному было хорошо, которой бы и достигъ уже того, чтобъ самому ему ничего желать не оставалось; вѣдь тогда вся душа его занялась бы однимъ чувствомъ, одной боязнію: рано или поздно сверзиться. Скажи-жъ, мой другъ, счастливъ ли тотъ , кому нечего желать, а есть чего бояться?

Софья. — Вижу, какая разница казаться счастливымъ и быть дѣйствительно. Да мнѣ это не понятно, дядюшка, какъ можно человѣку все помнить одного себя. Неужели не разсуждаютъ, чѣмъ одинъ обязанъ другому? Гдѣ-жъ умъ, которымъ такъ величаются?

Стародумъ. — Чѣмъ умомъ величаться, другъ мой? Умъ, коль онъ только что умъ, самая бездѣлица. Съ пребѣглыми умами видимъ мы худыхъ мужей, худыхъ отцовъ, худыхъ гражданъ. Прямую цѣну уму даетъ благонравіе: безъ него умной человѣкъ чудовище. Оно неизмѣримо выше всей бѣглости ума. Это легко понять всякому, кто хорошенько подумаетъ. Умовъ много, и много разныхъ. Умнаго человѣка легко извинить можно, если онъ какого нибудь качества ума и не имѣетъ; честному человѣку никакъ простить нельзя, ежели не достаетъ въ немъ какого нибудь качества сердца: ему необходимо всѣ имѣть надобно. Достоинство сердца нераздѣлимо. Честной человѣкъ долженъ быть совершенно честной человѣкъ.

Софья. — Ваше изъясненіе, дядюшка, сходно съ моимъ внутреннимъ чувствомъ, котораго я изъяснить не могла. Я теперь живо чувствую и достоинство честнаго человѣка, и его должность.

Стародумъ. — Должность! А! мой другъ! Какъ это слово у всѣхъ на языкѣ, и какъ мало его понимаютъ! Всечасное употребленіе этого слова такъ насъ съ нимъ ознакомило, что, выговоря его, человѣкъ ничего уже не мыслитъ, ничего не чувствуетъ. Если-бъ люди понимали его важность, никто не могъ бы вымолвить его безъ душевнаго почтенія. Подумай, что такое должность. Это тотъ священный обѣтъ, которымъ обязаны мы всѣмъ тѣмъ, съ кѣмъ живемъ и отъ кого зависимъ. Если-бъ такъ должность исполняли, какъ объ ней твердятъ, всякое состояніе людей осталось бы при своемъ любочестіи, и было бы совершенно счастливо. Дворянинъ, напримѣръ, считалъ бы за первое безчестье не дѣлать ничего, когда есть ему столько дѣла: есть люди, которымъ помогать; есть отечество, которому служить. Тогда не было-бъ такихъ дворянъ, которыхъ благородство, можно сказать, погребено съ ихъ предками. Дворянинъ,

недостойный быть дворянином, — подлѣе его ничего на свѣтѣ не знаю!

Софья. — Возможно-ль такъ себя унизить?

Стародумъ. — Другъ мой! Что сказалъ я о дворянинѣ, распространимъ теперь вообще на человѣка. У каждаго свои должности. Посмотримъ, какъ онѣ исполняются. Каковы, напримѣръ, большею частію мужья нынѣшняго свѣта; не забудемъ, каковы и жены. О, мой сердечной другъ! Теперь мнѣ все твое вниманіе потребно. Возьмемъ въ примѣръ несчастной домъ, каковыхъ множество, гдѣ жена не имѣетъ никакой сердечной дружбы къ мужу, ни онъ къ женѣ довѣренности; гдѣ каждый , съ своей стороны, своротили съ пути добродѣтели. Вмѣсто искренняго и снисходительнаго друга, жена видитъ въ мужѣ своемъ грубаго и развращеннаго тирана. Съ другой стороны, вмѣсто кротости, чистосердечія, свойствъ жены добродѣтельной, мужъ видитъ въ душѣ своей жены одну своенравную наглость, а наглость въ женщинѣ есть вывѣска порочнаго поведенія. Оба стали другъ другу въ несносную тягость; оба ни во что уже не ставятъ доброе имя, потому что у обоихъ оно потеряно. Можно-ль быть ужаснѣе ихъ состоянія? Домъ брошенъ; люди забываютъ долгъ повиновенія, видя въ самомъ господинѣ своемъ раба гнусныхъ страстей его; имѣніе расточается: оно сдѣлалась ничье, когда хозяинъ его самъ не свой. Дѣти, несчастныя ихъ дѣти, при жизни отца и матери уже осиротѣли. Отецъ, не имѣя почтенія къ женѣ своей, едва смѣетъ ихъ обнять, едва смѣетъ отдаться нѣжнѣйшимъ чувствованіямъ человѣческаго сердца. Невинные младенцы лишены также и горячности матери. Она, недостойная имѣть дѣтей, уклоняется ихъ ласки, видя въ нихъ или причины безпокойствъ своихъ, или упрекъ своего развращенія. И какого воспитанія ожидать дѣтямъ отъ матери, потерявшей добродѣтель?

Какъ ей учить ихъ благонравію, котораго въ ней нѣтъ? Въ минуты, когда мысль ихъ обращается на ихъ состояніе, какому аду должно быть въ душахъ и мужа и жены?

Софья. — Ахъ, какъ я ужасаюсь этого примѣра.

Стародумъ. — И не дивлюся: онъ долженъ привести въ трепетъ добродѣтельную душу. Я еще той вѣры, что человѣкъ не можетъ быть и развращенъ столько, чтобъ могъ спокойно смотрѣть на то, что видимъ.

Софья. — Боже мой! Отъ чего такія страшныя несчастія?

Стародумъ. — Отъ того, мой другъ, что при нынѣшнихъ супружествахъ рѣдко съ сердцемъ совѣтуются. Дѣло о томъ, знатенъ ли, богатъ ли женихъ, хороша ли, богата ли невѣста. О благонравіи вопросу нѣтъ. Никому и въ голову не входитъ, что въ глазахъ мыслящихъ людей честной человѣкъ безъ большого чина презнатная особа; что добродѣтель все замѣняетъ, а добродѣтели ничто замѣнить не можетъ. Признаюсь тебѣ, другъ мой, что сердце мое тогда только будетъ спокойно, когда увижу тебя за мужемъ, достойнымъ твоего сердца, когда взаимная любовь ваша...

Софья. — Да какъ достойнаго мужа не любить дружески?

Стародумъ. — Такъ. Только, пожалуй, не имѣй ты къ мужу своему любви, которая на дружбу походила-бъ; имѣй къ нему дружбу, которая на любовь бы походила; это будетъ гораздо прочнѣе. Тогда послѣ двадцати лѣтъ женитьбы, найдете въ сердцахъ вашихъ прежнюю другъ къ другу привязанность. Мужъ благоразумной, жена добродѣтельная — что почтеннѣе быть можетъ! Надобно, мой другъ, чтобъ мужъ твой пови-

новался разсудку, а ты мужу, и будете оба совершенно благополучны.

Софья. — Все, что вы ни говорите, трогаетъ сердце мое...

Стародумъ *(съ нѣжнѣйшею горячностію)*. — И мое восхищается, видя твою чувствительность . Отъ тебя зависитъ твое счастье. Богъ далъ тебѣ всѣ пріятности твоего пола. Вижу въ тебѣ сердце честнаго человѣка. Ты, мой сердечной другъ, ты соединяешь въ себѣ обоихъ половъ совершенства. Ласкаюсь, что горячность моя меня не обманываетъ, что добродѣтель...

Софья. — Ты ею наполнилъ всѣ мои чувства. *(Бросаясь цѣловать его руки)* Гдѣ она?..

Стародумъ *(цѣлуя самъ ея руки)*.— Она въ твоей душѣ. Благодарю Бога, что въ самой тебѣ нахожу твердое основаніе твоего счастія. Оно не будетъ зависѣть ни отъ знатности, ни отъ богатства. Все это придти къ тебѣ можетъ; однако для тебя есть счастье всего этого больше. Это то, чтобъ чувствовать себя достойною всѣхъ благъ, которыми ты можешь наслаждаться...

Софья. — Дядюшка! истинное мое счастье то, что ты у меня есть. Я знаю цѣну...

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Тѣ же и камердинеръ.

(Камердинеръ подаетъ письмо Стародуму).

Стародумъ. — Откуда?

Камердинеръ. — Изъ Москвы, съ нарочнымъ. *(Отходитъ)*.

Стародумъ *(распечатавъ и смотря на подпись)*. — Графъ Честанъ. А! *(Начиная читать, показываетъ видъ, что глаза разобрать не могутъ)*. Софьюшка! Очки мои на столѣ въ книгѣ.

Софья *(отходя)*. — Тотчасъ, дядюшка.

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Стародумъ *(одинъ)*. — Онъ конечно пишетъ ко мнѣ о томъ же , о чемъ въ Москвѣ сдѣлалъ предложеніе. Я не знаю Милона; но когда дядя его, мой истинный другъ, когда вся публика считаетъ его честнымъ и достойнымъ человѣкомъ... если свободно ея сердце...

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Стародумъ и Софья.

Софья *(подавая очки)*. — Нашла, дядюшка.

Стародумъ *(читаетъ)*. — «Я теперь только узналъ... ведетъ въ Москву свою команду... онъ съ вами долженъ встрѣтиться. Сердечно буду радъ, если онъ увидится съ вами... Возьмите трудъ узнать образъ мыслей его». *(Въ сторону)* Конечно. Безъ того ее не выдамъ... « Вы найдете... Вашъ истинной другъ... » Хорошо. Это письмо до тебя принадлежитъ. Я сказывалъ тебѣ, что молодой человѣкъ похвальныхъ свойствъ представленъ... Слова мои тебя смущаютъ, другъ мой сердечной; я это и давеча примѣтилъ, и теперь вижу. Довѣренность твоя ко мнѣ...

Софья. — Могу ли я имѣть на сердцѣ что нибудь отъ васъ скрытое? Нѣтъ, дядюшка. Я чистосердечно скажу вамъ...

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

Тѣ же, Правдинъ и Милонъ.

Правдинъ. — Позвольте представить вамъ господина Милона, моего истиннаго друга.

Стародумъ *(въ сторону)*. — Милонъ!

Милонъ. — Я почту за истинное счастіе, если удостоюсь вашего добраго мнѣнія, вашихъ ко мнѣ милостей...

Стародумъ. — Графъ Честанъ не свойственникъ-ли вашъ?

Милонъ. — Онъ мнѣ дядя.

Стародумъ. — Мнѣ очень пріятно быть знакому съ человѣкомъ вашихъ качествъ. Дядя вашъ мнѣ о васъ говорилъ. Онъ отдаетъ вамъ всю справедливость. Особливыя достоинства...

Милонъ. — Это его ко мнѣ милость. Въ мои лѣта и въ моемъ положеніи было бы непростительное высокомѣріе считать все то заслуженнымъ, чѣмъ молодаго человѣка ободряютъ достойные люди.

Правдинъ. — Я напередъ увѣренъ, что другъ мой пріобрѣтетъ вашу благосклонность, если вы его узнаете короче. Онъ бывалъ часто въ домѣ покойной сестрицы вашей... *(Стародумъ оглядывается на Софью)*.

Софья *(тихо Стародуму и въ большой робости)*. — И матушка любила его, какъ сына.

Стародумъ *(Софьѣ)*. — Мнѣ это очень пріятно. *(Милону)* Я слышалъ, что вы были въ арміи. Неустрашимость ваша...

Милонъ. — Я дѣлалъ мою должность. Ни лѣта мои, ни чинъ, ни положеніе еще не позволили мнѣ показать прямой неустрашимости, буде есть во мнѣ она.

Стародумъ. — Какъ! Будучи въ сраженіяхъ и подвергая жизнь свою...

Милонъ. — Я подвергалъ ее, какъ прочіе. Тутъ храбрость была такое качество сердца, какое солдату велитъ имѣть начальникъ, а офицеру честь. Признаюсь вамъ искренно, что показать прямой неустрашимости не имѣлъ я еще никакого случая; испытать же себя сердечно желаю.

Стародумъ. — Я крайне любопытенъ знать, въ чемъ же полагаете вы прямую неустрашимость?

Милонъ. — Если позволите мнѣ сказать мысль мою: я полагаю истинную неустрашимость въ душѣ, а не въ сердцѣ. У кого она въ душѣ, у того безъ всякаго сомнѣнія и храброе сердце. Въ нашемъ военномъ ремеслѣ храбръ долженъ быть воинъ, неустрашимъ военачальникъ. Онъ съ холодною кровью усматриваетъ всѣ степени опасности, принимаетъ нужныя мѣры, славу свою предпочитаетъ жизни; но что всего болѣе — онъ для пользы и славы отечества не устрашается забыть свою собственную славу. Неустрашимость его состоитъ слѣдственно не въ томъ, чтобъ презирать жизнь свою: онъ ее никогда и не отваживаетъ; онъ умѣетъ ею жертвовать.

Стародумъ. — Справедливо. Вы прямую неустрашимость полагаете въ военачальникѣ: свойственна ли же она и другимъ состояніямъ?

Милонъ. — Она добродѣтель; слѣдственно нѣтъ состоянія, которое ею не могло бы отличиться. Мнѣ кажется, храбрость сердца доказывается въ часъ сраженія, а неустрашимость души во всѣхъ испытаніяхъ, во всѣхъ положеніяхъ жизни. И какая разница между безстрашіемъ солдата, который на приступѣ отваживаетъ жизнь свою наряду съ прочими, и между неустрашимостію человѣка государственнаго, который говоритъ правду Государю, отваживаясь его прогнѣвать? Судья, который, не убоясь ни мщенія, ни угрозъ сильнаго, отдалъ справедливость безпомощному, въ моихъ глазахъ герой. Какъ мала душа того, кто за бездѣлицу вызоветъ на дуэль, передъ тѣмъ, кто вступится за отсутствующаго, котораго честь при немъ клеветники терзаютъ! Я понимаю неустрашимость такъ...

Стародумъ. — Какъ понимать должно тому, у кого она въ душѣ. Обойми меня, другъ мой! Извини мое простосердечіе: я другъ чест-

ныхъ людей. Это чувство вкоренено въ мое воспитаніе. Въ тебѣ вижу и почитаю добродѣтель, украшенную разсудкомъ прсвѣщеннымъ.

Милонъ. — Душа благородная... Нѣтъ — не могу скрывать болѣе моего сердечнаго чувства... Нѣтъ. Добродѣтель твоя извлекаетъ силою своею все таинство души моей. Если мое сердце добродѣтельно, если стоитъ оно быть счастливо, отъ тебя зависитъ сдѣлать его счастье. Я полагаю его въ томъ, чтобъ имѣть женою любезную племянницу вашу. Взаимная наша склонность...

Стародумъ *(къ Софьѣ съ радостію)*. — Какъ! Сердце твое умѣло отличитъ того, кого я самъ предлагалъ тебѣ? Вотъ мой тебѣ женихъ.,.

Софья. — И я люблю его сердечно.

Стародумъ. — Вы оба другъ друга достойны. *(Въ восхищеніи соединяя ихъ руки)* Отъ всей души моей даю вамъ мое согласіе.

Милонъ *(обнимая Стародума)*. — Мое счастіе несравненно! } *Вмѣстѣ.*

Софья *(цѣлуя руки Стародумовы)*. — Кто можетъ быть счастливѣе меня! }

Правдинъ. — Какъ искренно я радъ!

Стародумъ. — Мое удовольствіе неизреченно!

Милонъ *(цѣлуя руку Софьи)*. — Вотъ минута нашего благополучія!

Софья. — Сердце мое вѣчно любить тебя будетъ.

ЯВЛЕНІЕ СЕДЬМОЕ.

Тѣ же и Скотининъ.

Скотининъ. — И я здѣсь.

Стародумъ. — Зачѣмъ пожаловалъ?

Скотининъ. — За своей нуждой.

Стародумъ. — А чѣмъ я могу служитъ?

Скотининъ. — Двумя словами.

Стародумъ. — Какими это?

Скотининъ. — Обнявъ меня покрѣпче, скажи: Софьюшка твоя.

Стародумъ. — Не пустое-ль затѣвать изволишь? Подумай-ка хорошенько.

Скотининъ. — Я никогда не думаю, и напередъ увѣренъ, что коли и ты думать не станешь, то Софьюшка моя.

Стародумъ. — Это странное дѣло! Человѣкъ ты, какъ вижу, не безъ ума, а хочешь, чтобъ я отдалъ мою племянницу, за кого, не знаю.

Скотининъ. — Не знаешь, такъ скажу. Я Тарасъ Скотининъ, въ родѣ своемъ не послѣдній. Родъ Скотининыхъ великой и старинной. Пращура нашего ни въ какой герольдіи не отыщешь.

Правдинъ *(смѣючись)*. — Эдакъ вы насъ увѣрите, что онъ старѣе Адама?

Скотининъ. — А что ты думаешь? Хоть не многимъ...

Стародумъ *(смѣючись)*. — То есть, пращуръ твой созданъ хоть въ шестой же день, да не много попрежде Адама.

Скотининъ. — Нѣтъ, право? Такъ ты добраго мнѣнія о старинѣ моего рода?

Стародумъ. — О! такого-то добраго, что я удивляюсь, какъ на твоемъ мѣстѣ можно выбирать жену изъ другого рода, какъ изъ Скотининыхъ?

Скотининъ. — Разсуди же, какое счастье Софьюшкѣ быть за мною. Она дворянка...

Стародумъ. — Экой человѣкъ! Да для того-то ты ей и не женихъ.

Скотининъ. — Ужъ я на то пошелъ.

Пусть болтаютъ, что Скотининъ женился на дворяночкѣ: для меня все равно.

Стародумъ. — Да для нее не все равно, когда скажутъ, что дворянка вышла за Скотинина.

Милонъ. — Такое неравенство сдѣлало-бъ несчастье васъ обоихъ.

Скотининъ. — Ба! Да этотъ что тутъ равняется? *(Тихо Стародуму)* А! не отбиваетъ ли?

Стародумъ *(тихо Скотинину)*. — Мнѣ такъ кажется.

Скотининъ *(тѣмъ же тономъ)*. — Да гдѣ къ чорту!

Стародумъ *(тѣмъ же тономъ)*. — Тяжело.

Скотининъ *(громко, указывая на Милона)*. — Кто-жъ изъ насъ смѣшонъ? Ха, ха, ха, ха!

Стародумъ *(смѣется)*. — Вижу, кто смѣшонъ.

Софья. — Дядюшка! Какъ мнѣ мило, что вы веселы.

Скотининъ *(Стародуму)*. — Ба! Да ты весельчакъ. Давеча я думалъ, что къ тебѣ и приступу нѣтъ. Мнѣ слова не сказалъ, а теперь все со мной смѣешься.

Стародумъ. — Таковъ человѣкъ, мой другъ! Часъ на часъ не приходитъ.

Скотининъ. — Это и видно. Вѣдь и давеча былъ я тотъ же Скотининъ, а ты сердился.

Стародумъ. — Была причина.

Скотининъ. — Я ее и знаю. Я и самъ въ этомъ таковъ же. Дома, когда зайду въ хлѣва, да найду свиней не въ порядкѣ, досада и возьметъ. И ты, не въ проносъ слово, заѣхавъ сюда, нашелъ сестринъ домъ не лучше хлѣвовъ: тебѣ и досадно.

Стародумъ. — Ты меня счастливѣе. Меня трогаютъ люди.

Скотининъ. — А меня такъ свиньи.

Тѣ же, Г-жа Простакова, Простаковъ, Митрофанъ и Еремеевна.

Г-жа Простакова *(входя)*. — Все-ль съ тобою, другъ мой?

Митрофанъ. — Ну, да ужъ не заботься.

Г-жа Простакова *(Стародуму)*. — Хорошо ли отдохнуть изволилъ, батюшка? Мы всѣ въ четвертой комнатѣ на цыпочкахъ ходили, чтобъ тебя не обезпокоить; не смѣли въ дверь заглянуть; послышимъ, анъ ужъ ты давно и сюда выдти изволилъ. Не взыщи, батюшка...

Стародумъ. — О, сударыня, мнѣ очень было бы досадно, ежели-бъ вы сюда пожаловали ранѣ.

Скотининъ. — Ты, сестра, какъ на смѣхъ, все за мною по пятамъ. Я пришелъ сюда за своею нуждою.

Г-жа Простакова. — А я такъ за своею. *(Стародуму)* Позволь же, мой батюшка, потрудить васъ теперь общею нашею просьбою. *(Мужу и сыну)* Кланяйтесь.

Стародумъ. — Какою, сударыня?

Г-жа Простакова. — Вопервыхъ, прошу милости всѣхъ садиться. *(Всѣ садятся, кромѣ Митрофана и Еремеевны)*. Вотъ въ чемъ дѣло, батюшка. За молитвы родителей нашихъ, (намъ грѣшнымъ гдѣ-бъ и умолить), даровалъ намъ Господь Митрофанушку. Мы все дѣлали, чтобъ онъ у насъ сталъ таковъ, какъ изволишь его видѣть. Не угодно-ль, мой батюшка, взять на себя трудъ и посмотрѣть, какъ онъ у насъ выученъ?

Стародумъ. — О, сударыня! До моихъ ушей уже дошло, что онъ теперь только и отучиться изволилъ. Я слышалъ объ его учителяхъ; и вижу напередъ, какому грамотею ему быть

надобно, учася у Кутейкина, и какому математику, учася у Цыфиркина. *(Къ Правдину)* Любопытенъ бы я былъ послушать, чѣму Нѣмецотъ его выучилъ.

Г-жа Простакова. — Всѣмъ наукамъ, батюшка.
Простаковъ. — Всему, мой отецъ.
Митрофанъ. — Всему, чему изволишь. *Вмѣстѣ.*

Правдинъ *(Митрофану)*. — Чему-жъ бы напримѣръ?

Митрофанъ *(подаетъ ему книгу)*. — Вотъ, Грамматикѣ.

Правдинъ *(взявъ книгу)*. — Вижу. Это Грамматика. Что-жъ вы въ ней знаете?

Митрофанъ. — Много. Существительное, да прилагательное...

Правдинъ. — Дверь, напримѣръ, какое имя; существительное, или прилагательное?

Митрофанъ. — Дверь! котора дверь?

Правдинъ. — Котора дверь! Вотъ эта.

Митрофанъ. — Эта? прилагательная.

Правдинъ. — Почему-жъ?

Митрофанъ. — Потому что она приложена къ своему мѣсту. Вонъ у чулана шеста нецѣля дверь стоитъ еще не навѣшена: такъ та покамѣстъ существительна.

Правдинъ. — Такъ по этому у тебя слово: дуракъ, прилагательное, потому что оно прилагается къ глупому человѣку.

Митрофанъ. — И вѣдомо.

Г-жа Простакова. — Что, каково, мой батюшка?

Простаковъ. — Каково, мой отецъ?

Правдинъ. — Нельзя лучше. Въ Грамматикѣ онъ силенъ.

Милонъ. — Я думаю, не меньше и въ Исторіи.

Г-жа Простакова. — То, мой батюшка, онъ еще съ измала къ исторіямъ охотникъ.

Скотининъ. — Митрофанъ по мнѣ. Я самъ безъ того глазъ не сведу, чтобъ выборной не разсказывалъ мнѣ исторій. Мастеръ, собачій сынъ! откуда что берется!

Г-жа Простакова. — Однако все таки не придетъ противъ Адама Адамыча.

Правдинъ *(Митрофану)*. — А далеко ли вы въ Исторіи?

Митрофанъ. — Далеко-ль? Какова исторія. Въ иной залетишь за тридевять земель, за тридесято царство.

Правдинъ. — А! такъ этой-то исторіи учитъ васъ Вральманъ?

Стародумъ. — Вральманъ! Имя что-то знакомое.

Митрофанъ. — Нѣтъ. Нашъ Адамъ Адамычъ исторіи не разсказываетъ; онъ что я-же, самъ охотникъ слушать.

Г-жа Простакова. — Они оба заставляютъ себѣ разсказывать исторіи скотницу Хавронью.

Правдинъ. — Да не у ней-ли оба вы учились и Географіи?

Г-жа Простакова *(сыну)*. — Слышишь, другъ мой сердечной. Это что за наука?

Митрофанъ *(тихо матери)*. — А я почемъ знаю.

Г-жа Простакова *(тихо Митрофану)*. — Не упрямься, душенька. Теперь-то себя и показать.

Митрофанъ *(тихо матери)*. — Да я не возьму въ толкъ, о чемъ спрашиваютъ.

Г-жа Простакова *(Правдину)*. — Какъ, батюшка, назвалъ ты науку-то?

Правдинъ. — Географія.

Г-жа Простакова *(Митрофану)*. — Слышишь, еоргафія.

Митрофанъ. — Да что такое! Господи, Боже мой! Пристали съ ножемъ къ горлу.

Г-жа Простакова *(Правдину)*. — И вѣдомо, батюшка. Да скажи ему сдѣлай милость, какая эта наука-то: онъ ее и разскажетъ.

Правдинъ. — Описаніе земли.

Г-жа Простакова *(Стародуму)*. — А къ чему бы это служило на первой случай?

Стародумъ. — На первой случай годилось бы и къ тому, что ежели-бъ случилось ѣхать, такъ знаешь, куда ѣдешь.

Г-жа Простакова. — Ахъ, мой батюшка! Да извощики-то на что-жъ? Это ихъ дѣло. Это таки и наука-то не дворянская. Дворянинъ только скажи: повези меня туда; свезутъ, куда изволишь. Мнѣ повѣрь, батюшка, что конечно то вздоръ, чего не знаетъ Митрофанушка.

Стародумъ. — О, конечно, сударыня. Въ человѣческомъ невѣжествѣ весьма утѣшительно считать все то за вздоръ, чего не знаешь.

Г-жа Простакова. — Безъ наукъ люди живутъ и жили. Покойникъ батюшка воеводою былъ пятнадцать лѣтъ, а съ тѣмъ и скончаться изволилъ, что не умѣлъ грамотѣ, а умѣлъ достаточекъ нажить и сохранить. Челобитчиковъ принималъ всегда, бывало, сидя на желѣзномъ сундукѣ. Послѣ всякаго сундукъ отворитъ, и что нибудь положитъ. То-то экономъ былъ! Жизни не жалѣлъ, чтобъ изъ сундука ничего не вынуть. Передъ другимъ не похвалюсь, отъ васъ не потаю: покойникъ-свѣтъ, лежа на сундукѣ съ деньгами, умеръ, такъ сказать, съ голоду. А! каково это?

Стародумъ. — Препохвально. Надобно

быть Скотинину, чтобъ вкусить такую блаженную кончину.

Скотининъ. — Да коль доказывать, что ученье вздоръ, такъ возьмемъ дядю Вавилу Фалелеича. О грамотѣ никто отъ него не слыхивалъ, ни онъ ни отъ кого слышать не хотѣлъ: а какова была головушка!

Правдинъ. — Что-жъ такое?

Скотининъ. — Да съ нимъ на роду вотъ что случилось. Верхомъ на борзомъ иноходцѣ разбѣжался онъ хмѣльной въ каменны ворота. Мужикъ былъ рослой, ворота низки, забылъ наклониться — какъ хватитъ себя лбомъ о притолоку, индо пригнуло дядю къ похвямъ потылицею, и бодрой конь вынесъ его изъ воротъ къ крыльцу навзничь. Я хотѣлъ бы знать, есть ли на свѣтѣ ученой лобъ, которой отъ такого тумака не развалился; а дядя, вѣчная ему память, протрезвясь, спросилъ только, цѣлы ли ворота?

Милонъ. — Вы, господинъ Скотининъ сами признаете себя неученымъ человѣкомъ, однако я думаю въ этомъ случаѣ и вашъ лобъ былъ бы не крѣпче ученаго.

Стародумъ *(Милону)*. — Объ закладъ не бейся, другъ мой. Я думаю, что Скотинины всѣ родомъ крѣпколобы.

Г-жа Простакова. — Батюшка мой! да что за радость и выучиться? Мы это видимъ своими глазами и въ нашемъ краю. Кто посмышленѣе, того свои же братья тотчасъ выберутъ еще въ какую нибудь должность.

Стародумъ. — А кто посмышленѣе, тотъ и не откажетъ быть полезнымъ своимъ согражданамъ.

Г-жа Простакова. — Богъ васъ знаетъ, какъ вы нынче судите. У насъ бывало всякой того и смотритъ, что на покой. *(Правдину)* Ты самъ, батюшка, сколько трудишься! Вотъ и

теперь, сюда шедши, я видѣла, что къ тебѣ несутъ какой-то пакетъ.

Правдинъ. — Ко мнѣ пакетъ? И мнѣ никто этого не скажетъ! *(Вставая)* Я прошу извинить меня, что васъ оставлю. Можетъ быть, есть ко мнѣ какія-нибудь повелѣнія отъ Намѣстника.

Стародумъ *(встаетъ и всѣ встаютъ)*. — Поди, мой другъ; однако я съ тобою не прощаюсь.

Правдинъ. — Я еще увижусь съ вами. Вы завтра поутру ѣдете?

Стародумъ. Часовъ въ семь. *(Правдинъ отходитъ)*.

Милонъ. — А я завтра же, проводя васъ, поведу мою команду. Теперь пойду дѣлать къ тому распоряженіе. *(Милонъ отходитъ, прощаясь съ Софьею взорами)*.

ЯВЛЕНІЕ ДЕВЯТОЕ.

Г-жа Простакова, Митрофанъ, Простаковъ, Еремеевна, Стародумъ и Софья.

Г-жа Простакова *(Стародуму)*.—Ну, мой батюшка! ты довольно видѣлъ, каковъ Митрофанушка.

Скотининъ. — Ну, мой другъ сердечной, ты видишь, каковъ я.

Стародумъ. — Узналъ обоихъ, нельзя короче.

Скотининъ. — Быть ли жъ за мною Софьюшкѣ?

Стародумъ. — Не бывать.

Г-жа Простакова. — Женихъ ли ей Митрофанушка?

Стародумъ. — Не женихъ.

Г-жа Простакова. — А что-бъ помѣшало?

Скотининъ. — Зачѣмъ дѣло стало?

Вмѣстѣ.

Стародумъ *(сведя обоихъ)*. — Вамъ однимъ за секретъ сказать можно: она сговорена. *(Отходитъ, и даетъ знакъ Софьѣ, чтобъ шла за нимъ)*.

Г-жа Простакова. — Ахъ, злодѣй!

Скотининъ. — Да онъ рехнулся.

Г-жа Простакова *(съ нетерпѣніемъ)*. — Когда они выѣдутъ?

Скотининъ. — Вѣдь ты слышала, поутру въ семь часовъ.

Г-жа Простакова. — Въ семь часовъ.

Скотининъ. — Завтра и я проснусь съ свѣтомъ вдругъ. Будь онъ уменъ, какъ изволитъ, а и съ Скотининымъ развяжется не скоро. *(Отходитъ)*.

Г-жа Простакова *(бѣгая по театру въ злобѣ и въ мысляхъ)*. — Въ семь часовъ!.. Мы встанемъ поранѣ... Что захотѣла, поставлю на своемъ... Всѣ ко мнѣ. *(Всѣ подбѣгаютъ)*.

Г-жа Простакова *(къ мужу)*. — Завтра въ шесть часовъ, чтобъ карета подвезена была къ заднему крыльцу. Слышишь ли ты? Не прозѣвай.

Простаковъ. — Слышу, мать моя.

Г-жа Простакова *(къ Еремеевнѣ)*. — Ты во всю ночь не смѣй вздремать у Софьиныхъ дверей. Лишь она проснется, бѣги ко мнѣ.

Еремеевна. — Не промигну, моя матушка.

Г-жа Простакова *(сыну)*. — Ты, мой другъ сердечной, самъ въ шесть часовъ будь совсѣмъ готовъ, и поставь троихъ слугъ въ Софьиной передспальней, да двоихъ въ сѣняхъ на подмогу.

Митрофанъ. — Все будетъ сдѣлано.

Г-жа Простакова. — Подите-жъ съ Богомъ. *(Всѣ отходятъ)*. А я ужъ знаю, что

дѣлать. Гдѣ гнѣвъ, тутъ и милость. Старикъ погнѣвается, да проститъ и за неволю. А мы свое возьмемъ.

Конецъ четвертаго дѣйствія.

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Стародумъ и Правдинъ.

Правдинъ. — Это былъ тотъ пакетъ, о которомъ при васъ сама здѣшняя хозяйка вчера меня увѣдомила.

Стародумъ. — И такъ ты имѣешь теперь способъ прекратить безчеловѣчіе злой помѣщицы?

Правдинъ. — Мнѣ поручено взять подъ опеку домъ и деревни, при первомъ бѣшенствѣ, отъ котораго могли бы пострадать подвластные ей люди.

Стародумъ. — Благодареніе Богу, что человѣчество найти защиту можетъ! Повѣрь мнѣ, другъ мой, гдѣ Государь мыслитъ, гдѣ знаетъ онъ, въ чемъ его истинная слава, тамъ человѣчеству не могутъ не возвращаться его права; тамъ всѣ скоро ощутятъ, что каждый долженъ искать своего счастья и выгодъ въ томъ одномъ, что законно, и что угнетать рабствомъ себѣ подобныхъ беззаконно.

Правдинъ. — Я въ этомъ согласенъ съ вами; да какъ мудрено истреблять закоренѣлые предразсудки, въ которыхъ низкія души находятъ свои выгоды!

Стародумъ. — Слушай, другъ мой! Великой Государь есть Государь премудрой. Его дѣло показать людямъ прямое ихъ благо. Слава премудрости его та, чтобъ править людьми;

потому что управляться съ истуканами нѣтъ премудрости. Крестьянинъ, который плоше всѣхъ въ деревнѣ, выбирается обыкновенно пасти стадо; потому что немного надобно ума пасти скотину. Достойный престола Государь стремится возвысить души своихъ подданныхъ. Мы это видимъ своими глазами.

Правдинъ. — Удовольствіе, которымъ Государи наслаждаются, владѣя свободными душами, должно быть столь велико, что я не понимаю, какія побужденія могли-бы отвлекать...

Стародумъ. — Сколь великой душѣ надобно быть въ Государѣ, чтобъ стать на стезю истины, и никогда съ нея не совращаться! Сколько сѣтей разставлено къ уловленію души человѣка, имѣющаго въ рукахъ своихъ судьбу себѣ подобныхъ! И во-первыхъ, толпа скаредныхъ льстецовъ всеминутно силится увѣрять его, что люди сотворены для него, а не онъ для людей.

Правдинъ. — Безъ душевнаго презрѣнія нельзя себѣ вообразить, что такое льстецъ.

Стародумъ. — Льстецъ есть тварь, которая не только о другихъ, нижѐ о себѣ хорошаго мнѣнія не имѣетъ. Все его стремленіе къ тому, чтобъ сперва ослѣпить умъ у человѣка, а потомъ дѣлать изъ него, что ему надобно. Онъ ночной воръ, который сперва свѣчу погаситъ, а потомъ красть станетъ.

Правдинъ. — Несчастіямъ людскимъ конечно причиною собственное ихъ развращеніе; но способы сдѣлать людей добрыми..

Стародумъ. — Они въ рукахъ Государя. Какъ скоро всѣ увидятъ, что безъ благонравія никто не можетъ выдти въ люди; что ни подлой выслугой и ни за какія деньги нельзя купить того, чѣмъ награждается заслуга; что люди выбираются для мѣстъ, а не мѣста похищаются

людьми: тогда всякой найдетъ свою выгоду быть благонравнымъ, и всякой хорошъ будетъ.

Правдинъ. — Справедливо. Великой Государь даетъ...

Стародумъ. — Милость и дружбу тѣмъ, кому изволитъ; мѣста и чины тѣмъ, кто достоинъ.

Правдинъ. — Чтобъ въ достойныхъ людяхъ не было недостатку, прилагается нынѣ особливое стараніе о воспитаніи...

Стародумъ. — Оно и должно быть залогомъ благосостоянія государства. Мы видимъ всѣ несчастныя слѣдствія дурного воспитанія. Ну что для отечества можетъ выдти изъ Митрофанушки, за котораго невѣжды родители платятъ еще и деньги невѣждамъ учителямъ! Сколько дворянъ-отцовъ, которые нравственное воспитаніе сынка своего поручаютъ своему рабу крѣпостному! Лѣтъ черезъ пятнадцать и выходятъ вмѣсто одного раба двое: старой дядька, да молодой баринъ.

Правдинъ. — Но особы высшаго состоянія просвѣщаютъ дѣтей своихъ...

Стародумъ. — Такъ, мой другъ: да я желалъ-бы, чтобъ при всѣхъ наукахъ не забывалась главная цѣль всѣхъ знаній человѣческихъ: благонравіе. Вѣрь мнѣ, что наука въ развращенномъ человѣкѣ есть лютое оружіе дѣлать зло. Просвѣщеніе возвышаетъ одну добродѣтельную душу. Я хотѣлъ-бы, напримѣръ, чтобъ при воспитаніи сына знатнаго господина наставникъ его всякой день разогнулъ ему Исторію, и указалъ въ ней два мѣста: въ одномъ, какъ великіе люди способствовали благу своего отечества; въ другомъ, какъ вельможа недостойный, употребившій во зло свою довѣренность и силу, съ высоты пышной своей знатности низвергся въ бездну презрѣнія и поношенія.

Правдинъ. — Надобно дѣйствительно,

чтобъ всякое состояніе людей имѣло приличное себѣ воспитаніе: тогда можно быть увѣрену... Что за шумъ?

Стародумъ. — Что такое сдѣлалось?

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Тѣ же, Милонъ, Софья, Еремеевна.

Милонъ *(отталкивая отъ Софьи Еремеевну, которая за нее было уцѣпилась, кричитъ къ людямъ, имѣя въ рукѣ обнаженную шпагу)*. — Не смѣй никто подойти ко мнѣ.

Софья *(бросясь къ Стародуму)*. — Ахъ дядюшка! Защити меня.

Стародумъ. — Другъ мой! Что такое?

Правдинъ. — Какое злодѣяніе!

Софья. — Сердце мое трепещетъ!

Еремеевна. — Пропала моя головушка!

Вмѣстѣ.

Милонъ. — Злодѣи! Идучи сюда, вижу множество людей, которые, подхватя ее подъ руки, несмотря на сопротивленіе и крикъ, сводятъ уже съ крыльца къ каретѣ.

Софья. — Вотъ мой избавитель!

Стародумъ. — Другъ мой!

Правдинъ *(Еремеевнѣ)*. — Сейчасъ скажи, куда везти хотѣли, или какъ съ злодѣйкой...

Еремеевна. — Вѣнчаться, мой батюшка, вѣнчаться!

Г-жа Простакова *(за кулисами)*. — Плуты! воры! мошенники! всѣхъ прибить велю до смерти!

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Тѣ же, Г-жа Простакова, Простаковъ и Митрофанъ.

Г-жа Простакова. — Какая я госпожа въ домѣ! *(Указывая на Милона)* Чужой погрозитъ, приказъ мой ни во что.

Простаковъ. — Я ли виноватъ?

Митрофанъ. — За людей приниматься. *Вмѣстѣ.*

Г-жа Простакова. — Жива быть не хочу.

Правдинъ. — Злодѣяніе, которому я самъ свидѣтель, даетъ право вамъ, какъ дядѣ, а вамъ, какъ жениху...

Г-жа Простакова. — Жениху!

Простаковъ. — Хороши мы! *Вмѣстѣ.*

Митрофанъ. — Все къ чорту.

Правдинъ. — Требовать отъ правительства, чтобъ сдѣланная ей обида наказана была всею строгостью законовъ. Сей часъ представлю ее предъ судъ, какъ нарушительницу гражданскаго спокойства.

Г-жа Простакова *(бросясь на колѣни)*. — Батюшки! виновата.

Правдинъ. — Мужъ и сынъ не могли не имѣть участія въ злодѣяніи...

Простаковъ. — Безъ вины виноватъ. *Вмѣстѣ, бросясь на колѣни.*

Митрофанъ. — Виноватъ, дядюшка.

Г-жа Простакова. — Ахъ я собачья дочь! что я надѣлала!

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Тѣ же и Скотининъ.

Скотининъ. — Ну, сестра, хорошу было шутку... Ба! что это? Всѣ наши на колѣняхъ!

Г-жа Простакова *(стоя на колѣняхъ)*. — Ахъ, мои батюшки! повинную голову мечъ не сѣчетъ. Мой грѣхъ! Не погубите меня. *(Къ Софьѣ)* Мать ты моя родная, прости меня, умилосердись надо мною *(указывая на мужа и сына)* и надъ бѣдными сиротами!

Скотининъ. — Сестра! О своемъ ли ты умѣ?

Правдинъ. — Молчи, Скотининъ

Г-жа Простакова. — Богъ дастъ тебѣ благополучіе и съ дорогимъ женихомъ твоимъ. Что тебѣ въ головѣ моей?

Софья *(Стародуму)*. — Дядюшка! Я мое оскорбленіе забываю.

Г-жа Простакова *(поднявъ руки, къ Стародуму)*. — Батюшка! Прости и ты меня, грѣшную. Вѣдь я человѣкъ, не ангелъ.

Стародумъ. — Знаю, знаю, что человѣку нельзя быть ангеломъ: да не надобно быть и чортомъ. И преступленіе и раскаяніе въ ней презрѣнія достойны.

Правдинъ *(Стародуму)*. — Ваша малѣйшая жалоба, ваше одно слово предъ правительствомъ... и ужъ спасти ее нельзя.

Стародумъ. — Не хочу ни чьей погибели. Я ее прощаю. *(Всѣ вскочили съ колѣней)*.

Г-жа Простакова. — Простилъ! Ахъ, батюшка!.. Ну! Теперь-то дамъ я зорю канальямъ своимъ людямъ; теперь-то я всѣхъ переберу поодиночкѣ; теперь-то допытаюсь, кто изъ рукъ ее выпустилъ! Нѣтъ мошенники! Нѣтъ, воры! Вѣкъ не прощу этой насмѣшки.

Правдинъ. — А за что вы хотите наказывать людей вашихъ?

Г-жа Простакова. — Ахъ, батюшка! это что за вопросъ? Развѣ я не властна и въ своихъ людяхъ?

Правдинъ. — А вы считаете себя въ правѣ драться тогда, когда вамъ вздумается?

Скотининъ. — Да развѣ дворянинъ не воленъ поколотить слугу, когда захочетъ?

Правдинъ. — Когда захочетъ! Да что за охота? Прямой ты Скотининъ. Нѣтъ, сударыня, тиранствовать никто не воленъ.

Г-жа Простакова. — Не воленъ! Дворянинъ, когда захочетъ, и слуги высѣчь не воленъ! Да на что-жъ данъ намъ указ-отъ о вольности дворянства?

Стародумъ. — Мастерица толковать указы.

Г-жа Простакова. — Извольте насмѣхаться: а я теперь-же всѣхъ съ головы на голову...

(Порывается идти.)

Правдинъ *(останавливая ее)*. — Поостановитесь, сударыня. *(Вынувъ бумагу и важнымъ голосомъ Простакову)* Именемъ Правительства вамъ приказываю сей же часъ собрать людей и крестьянъ вашихъ, для объявленія имъ указа, что за безчеловѣчіе жены вашей, до котораго попустило ее ваше крайнее слабомыслiе, повѣлѣваетъ мнѣ Правительство принять въ опеку домъ вашъ и деревни.

Простаковъ. — А! до чего мы дожили!

Г-жа Простакова. — Какъ! Новая бѣда! За что? За что, батюшка? Что я въ своемъ домѣ госпожа...

Правдинъ. — Госпожа безчеловѣчная, которой злонравіе въ благоучрежденномъ государствѣ терпимо быть не можетъ. Подите.

Простаковъ *(отходитъ, всплеснувъ руками)*. — Отъ кого это, матушка!

Г-жа Простакова *(тоскуя)*. — О, горе взяло! О грустно!

Скотининъ *(въ сторону)*. — Ба! ба! ба! Да эдакъ и до меня доберутся. Да эдакъ и всякой Скотининъ можетъ попасть подъ опеку... Уберусь-же я отсюда по добру, по здорову.

Правдинъ *(Скотинину)*. — А скорѣе всего ты. Я слыхалъ, что ты съ свиньями не въ примѣръ лучше обходишься, нежели съ людьми...

Скотининъ. — Государь ты мой милостивый! Да какъ къ людямъ и лежать у меня сердцу? Самъ ты разсуди: люди передо мною умничаютъ, а между свиньями я самъ всѣхъ умнѣе.

Г-жа Простакова. — Все теряю! Совсѣмъ погибаю!

Скотининъ *(Стародуму)*. — Я шелъ было къ тебѣ добиться толку. Женихъ...

Стародумъ *(указывая на Милона)*. — Вотъ онъ.

Скотининъ. — Ага! Такъ мнѣ и дѣлать здѣсь нечего. Кибитку впречь, да и...

Правдинъ. — Да и ступай къ своимъ свиньямъ. Не забудь однако-жъ повѣстить всѣмъ Скотининымъ, чему они подвержены.

Скотининъ. — Какъ друзей не остеречь! Повѣщу имъ, чтобъ они людей...

Правдинъ. — Побольше любили, или-бъ по крайней мѣрѣ...

Скотининъ. — Ну...

Правдинъ. — Хоть не трогали.

Скотининъ *(отходя)*. — Хоть не трогали.

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Г-жа Простакова, Стародумъ, Правдинъ, Митрофанъ, Софья, Еремеевна.

Г-жа Простакова *(Правдину)*. — Батюшка! не погуби ты меня! Что тебѣ прибыли? Не возможно-ль какъ нибудь указъ поотмѣнить? Всѣ ли указы исполняются?

Правдинъ. — Я отъ должности никакъ не отступлю.

Г-жа Простакова. — Дай мнѣ сроку хоть на три дни. *(Въ сторону)* Я дала бы себя знать...

Правдинъ. — Ни на три часа.

Стародумъ. — Да, другъ мой! Она и въ три часа напроказить можетъ столько, что вѣкомъ не пособишь.

Г-жа Простакова. — Да какъ вамъ, мой батюшка, самому входить въ мелочи?..

Правдинъ. — Это мое дѣло. Чужое возвращено будетъ хозяевамъ; а...

Г-жа Простакова. — А съ долгами-то раздѣлаться? Не доплачено учителямъ...

Правдинъ. — Учителямъ? *(Еремеевнѣ)* Здѣсь ли они? Введи ихъ сюда.

Еремеевна. — Чай что прибрели. А Нѣмца-то, мой батюшка?..

Правдинъ. — Всѣхъ позови. *(Еремеевна отходитъ)*.

Правдинъ. — Не заботься ни о чемъ, сударыня: я всѣхъ удовольствую.

Стародумъ *(видя въ тоскѣ Г-жу Простакову)*. — Сударыня! Ты сама себя почувствуешь лучше, потерявъ силу дѣлать другимъ дурно.

Г-жа Простакова. — Благодарна за милость! Куда я гожусь, когда въ моемъ домѣ моимъ же рукамъ и воли нѣтъ!

Тѣ же, Еремеевна, Вральманъ, Кутейкинъ и Цыфиркинъ.

Еремеевна *(введя учителей, къ Правдину)*. — Вотъ тебѣ и вся наша сволочь, мой батюшка.

Вральманъ *(Правдину)*. — Фаше фысоко-и-плахоротіе, исфолили меня къ сепѣ прасить?

Кутейкинъ *(Правдину)*. — Званъ быхъ, и пріидохъ.

Цыфиркинъ *(Правдину)*. — Что приказу будетъ, Ваше Благородіе?

Стародумъ *(съ приходу Вральмана, въ него вглядывается)*. — Ба! Это ты, Вральманъ?

Вральманъ *(узнавъ Стародума)*. — Ай! ай! ай! ай! ай! Это ты, милостифый хоспотинъ! *(Цѣлуя полу Стародумову)*. Старофенька ли, мой отесъ, пошифать исфолишь?

Правдинъ. — Какъ! Онъ вамъ знакомъ?

Стародумъ. — Какъ не знакомъ: онъ три года былъ у меня кучеромъ. *(Всѣ показываютъ удивленіе)*.

Правдинъ. — Изрядной учитель!

Стародумъ. — А ты здѣсь въ учителяхъ, Вральманъ? Я думалъ, право, что ты человѣкъ доброй и не за свое не возьмешься.

Вральманъ. — Та што тѣлать, мой патюшка! Не я перфой, не я послѣтней. Три мѣсеса фъ Москфѣ шатался пезъ мѣстъ, кутшеръ нихтѣ не ната. Пришло мнѣ липо съ голотъ мереть, липо ушитель...

Правдинъ *(къ учителямъ)*. — По волѣ Правительства ставъ опекуномъ надъ здѣшнимъ домомъ, я васъ отпускаю.

Цыфиркинъ. — Лучше не надо.

Кутейкинъ. — Отпускать благоволите? Да прежде разочтемся...

Правдинъ. — А что тебѣ надобно?

Кутейкинъ. — Нѣтъ, милостивый господинъ, мой счетецъ зѣло не малъ. За полгода за ученье, за обувь, что истаскалъ въ три года, за простой, что сюда прибредешь бывало по пустому, за...

Г-жа Простакова. — Ненасытная душа, Кутейкинъ! За что это?

Правдинъ. — Не мѣшайтесь, сударыня; я васъ прошу.

Г-жа Простакова. — Да коль пошло на правду, чему ты выучилъ Митрофанушку?

Кутейкинъ. — Это его дѣло, не мое.

Правдинъ *(Кутейкину)*. — Хорошо, хорошо. *(Цыфиркину)* Тебѣ много-ль заплатить?

Цыфиркинъ. — Мнѣ? Ничего.

Г-жа Простакова. — Ему, батюшка, за одинъ годъ дано десять рублей, а еще за годъ ни полушки не заплачено.

Цыфиркинъ. — Такъ: на тѣ десять рублей я износилъ сапоговъ въ два года. Мы и квиты.

Правдинъ. — А за ученье?

Цыфиркинъ. — Ничего.

Стародумъ. — Какъ ничего?

Цыфиркинъ. — Не возьму ничего. Онъ ничего не перенялъ.

Стародумъ. — Да тѣмъ не меньше тебѣ заплатить надобно.

Цыфиркинъ. — Не за что. Я Государю служилъ слишкомъ двадцать лѣтъ. За службу деньги бралъ, по пустому не биралъ и не возьму.

Стародумъ. — Вотъ прямо доброй человѣкъ! *(Стародумъ и Милонъ вынимаютъ изъ кошельковъ деньги)*.

Правдинъ. — Тебѣ не стыдно, Кутейкинъ?

Кутейкинъ *(потупя голову)*. — Посрамихся окаянный.

Стародумъ *(Цыфиркину)*. — Вотъ тебѣ, другъ мой, за добрую душу.

Цыфиркинъ. — Спасибо, Ваше Высокородіе. Благодаренъ. Дарить меня ты воленъ: самъ, не заслужа, вѣкъ не потребую.

Милонъ *(давая ему деньги)*. — Вотъ еще тебѣ, другъ мой!

Цыфиркинъ. — И еще спасибо.

(Правдинъ даетъ также ему деньги).

Цыфиркинъ. — Да за что, Ваше Благородіе, жалуете?

Правдинъ. — За то, что ты не походишь на Кутейкина.

Цыфиркинъ. — И! Ваше Благородіе. Я солдатъ.

Правдинъ *(Цыфиркину)*. — Поди-жъ, мой другъ, съ Богомъ. *(Цыфиркинъ отходитъ)*.

Правдинъ. — А ты, Кутейкинъ, пожалуй-ка сюда завтра, да потрудись разсчесться съ самою госпожею.

Кутейкинъ *(выбѣгая)*. — Съ самою! Отъ всего отступаюсь.

Вральманъ *(Стародуму)*. — Старофа слуха не остафте, фаше фысокоротіе. Фосмите меня апять къ сепѣ.

Стародумъ. — Да ты, Вральманъ, я чаю, отсталъ и отъ лошадей?

Вральманъ. — Эй, нѣтъ, мой патюшка! Шіучи съ стѣшнимъ хоспотамъ, казалось мнѣ, што я фсе съ лошатками.

ЯВЛЕНІЕ СЕДЬМОЕ.

Тѣ же и камердинеръ.

Камердинеръ *(Стародуму)*. — Карета ваша готова.

Вральманъ. — Прикашишь мнѣ дофести сепя?

Стародумъ. — Поди садись на козлы.

(Вральманъ отходитъ).

ЯВЛЕНІЕ ПОСЛѢДНЕЕ.

Г-жа Простакова, Стародумъ, Милонъ, Софья, Правдинъ, Митрофанъ, Еремеевна.

Стародумъ *(Правдину, держа руки Софьи и Милона)*. — Ну, мой другъ! мы ѣдемъ. Пожелай намъ...

Правдинъ. — Всего счастія, на которое имѣютъ право честныя сердца.

Г-жа Простакова *(бросаясь обнимать сына)*. — Одинъ ты остался у меня, мой сердечной другъ, Митрофанушка!

Митрофанъ. — Да отвяжись, матушка! какъ навязалась...

Г-жа Простакова. — И ты! и ты меня бросаешь! А! неблагодарный! *(Упала въ обморокъ)*.

Софья *(подбѣжавъ къ ней)*. — Боже мой! Она безъ памяти.

Стародумъ *(Софьѣ)*. — Помоги ей, помоги. *(Софья и Еремеевна ей помогаютъ)*.

Правдинъ *(Митрофану)*. — Негодница! Тебѣ ли грубить матери? Къ тебѣ ея безумная любовь и довела ее всего больше до несчастья.

Митрофанъ. — Да она, какъ будто невѣдомо...

Правдинъ. — Грубіянъ!

Стародумъ *(Еремеевнѣ)*. — Что она теперь? Что?

Еремеевна *(посмотрѣвъ пристально на Г-жу Простакову и всплеснувъ руками)*. — Очнется, мой батюшка, очнется.

Правдинъ *(Митрофану)*. — Съ тобой, дружокъ, знаю, что дѣлать. Пошелъ-ко служить..

Митрофанъ *(махнувъ рукою)*. — По мнѣ, куда велятъ.

Г-жа Простакова *(очнувшись, въ отчаяніи)*. — Погибла я совсѣмъ! Отнята у меня власть! Отъ стыда никуда глазъ показать нельзя! Нѣтъ у меня сына!

Стародумъ *(указавъ на Г-жу Простакову)*. — Вотъ злонравія достойные плоды!

1782 г.

159

В. В. КАПНИСТЪ.

В. В. КАПНИСТЪ.

(*Біографическая справка*).

Василій Васильевичъ КАПНИСТЪ родился въ 1757 г. въ имѣніи Обуховка, Полтавской губерніи. Онъ служилъ въ Измайловскомъ и Преображенскомъ полкахъ, а затѣмъ перешелъ на службу гражданскую (на югѣ Россіи); былъ генеральнымъ судьей, предводителемъ дворянства Полтавской губерніи; завѣдывалъ также одно время русской сценой, сильно увлекаясь театромъ. Первыми его произведеніями были оды, откликавшіяся на разныя крупныя событія внѣшней и внутренней политической жизни Россіи. Къ своему поэтическому творчеству самъ поэтъ относился нѣсколько критически. Въ царствованіе Павла I имъ была написана пьеса «Ябеда». Обличительный характеръ этой комедіи, направленной противъ нравовъ чиновничьяго сословія, возбудилъ много толковъ и неудовольствія во вліятельныхъ правительственныхъ кругахъ. Пьеса была надолго снята съ репертуара. Вмѣстѣ съ тѣмъ она создала автору и большую извѣстность у современниковъ и прочное имя въ русской литературѣ. Капнистъ умеръ въ 1829 году.

ЯБЕДА.

(*Комедія*).

Государю Императору

АЛЕКСАНДРУ ПЕРВОМУ.

Гремяща славой въ цѣломъ мірѣ
Екатерина, кроткій слухъ,
Въ отрадный отъ заботъ досугъ,
Къ моей склоняла скромной лирѣ.
Ты кротокъ какъ душа Ее,
Ты любишь музъ не льстивыхъ пѣнье:
Пріими-жъ усердное мое
Къ Тебѣ и къ Ней благоговѣнье;
Пріими: — и скудный фиміамъ
Пріятенъ былъ самимъ богамъ.

Вѣрноподданный

Василій Капнистъ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

—

Праволовъ, отставной ассессоръ.
Кривосудовъ, Предсѣдатель Гражданской палаты.
Фекла, жена его.
Софія, дочь его.
Прямиковъ, Подполковникъ служащій.
Бульбулькинъ. } Члены Гражданской палаты.
Атуевъ. }
Радбынъ. }
Паролькинъ. }
Хватайко, Прокуроръ.
Кохтинъ, Секретарь Гражданской палаты.
Добровъ, Повытчикъ.
Анна, служанка.
Наумычъ, повѣренный Праволова.
Архипъ, слуга Праволова.

Дѣйствіе происходитъ въ домѣ Кривосудова. Въ углу комнаты стоитъ столъ, краснымъ сукномъ покрытый. Въ комнатѣ три двери.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Прямиковъ и Добровъ.

Прямиковъ. — Я радъ, мой другъ, что
мы съ тобою здѣсь столкнулись.
Добровъ. — Да вы, сударь, зачѣмъ въ
домъ этотъ завернулись?
Не ужъ ли за грѣхи какая васъ напасть,
Иль тяжба, Богъ храни! втащила въ эту пасть?
Прямиковъ. — Такъ именно: процессъ
на шею навязался;
Я отъ него уйти хоть всячески старался,
Мирился, уступалъ, но потерялъ весь трудъ.
И такъ уѣздный ужъ и Верхній Земскій Судъ,
Прошедъ, гдѣ моему не льстили супостату,
Вступило дѣло къ вамъ въ Гражданскую палату.
Добровъ. — Боюсь я, чтобъ оно не оступилось здѣсь.
Да съ кѣмъ же вы, сударь, имѣете процессъ?
Прямиковъ. — Сосѣдъ мой, Праволовъ,
не вѣдь съ чего вцѣпился....
Добровъ. — Кто? Праволовъ?
Прямиковъ. — Да, онъ. Чему-жъ ты удивился?
Добровъ. — Дивлюся, право, я, какъ съ умной головой
Могли связаться вы съ такой, сударь, чумой?
Прямиковъ. — Сутяга хитрый онъ, однако-жъ не опасенъ.

Добровъ. — Кто? онъ?
Прямиковъ. — Ужъ въ двухъ судахъ былъ трудъ его напрасенъ.
Добровъ. — Не знаете, сударь, сего вы молодца.
Другого въ свѣтѣ нѣтъ такого удальца.
Напрасенъ въ двухъ судахъ! да тамъ лишь разбираютъ,
А вѣдь въ Гражданской вдругъ рѣшатъ и исполняютъ.
Что за бѣда ему, что въ тѣхъ его винятъ;
Лишь только для него въ Палатѣ былъ бы ладъ.
То онъ получитъ вдругъ и право и имѣнье.
Вамъ съ Праволовымъ въ судъ? какое дерзновенье!
Прямиковъ. — Да чѣмъ же страшенъ такъ онъ мнѣ? прошу сказать.
Я, въ арміи служа, не могъ сосѣдей знать.
По замиреніи я въ отпускъ отпросился;
Лишь въ домъ, — онъ на меня съ процессомъ и взвалился;
И тутъ-то я узналъ ужъ не отъ одного,
Что онъ злой ябедникъ; да только и всего.
Добровъ. — Да только и всего! такъ этого и мало?
Вы добрый человѣкъ; мнѣ жаль, сударь, васъ стало.
Покойный вашъ отецъ мнѣ благодѣтель былъ;
Я милостей его отнюдь не позабылъ:
Я помню, что его хлѣбъ-соль ѣдалъ довольно.
Въ сѣтяхъ сихъ видѣть васъ мнѣ, право, очень больно.
Коль нуженъ въ чемъ, готовъ для вашихъ я услугъ.
Прямиковъ. — Чувствительно тебя благодарю, мой другъ!
Я долженъ искренно теперь тебѣ признаться,
Что я не знаю, какъ за дѣло мнѣ приняться?

Во-первыхъ, мнѣ скажи: чѣмъ такъ соперникъ мой
Мнѣ страшенъ?
Добровъ. — Господи! что за вопросъ такой!
Онъ ябедникъ: вотъ все ужъ этимъ вамъ сказали.
Но чтобъ его, сударь, получше вы узнали,
То я здѣсь коротко его вамъ очерчу:
Въ дѣлахъ, сударь, ему самъ чортъ не по плечу.
Въ Гражданской ужъ давно веду я протоколы;
Такъ видны всѣ его тутъ шашни и крамолы,
Которы, зеркалу судебной правоты
Представъ, невинности явили въ немъ черты.
А сверхъ того еще,—гласъ Божій, гласъ народа.—
Подлоги, грабежи, разбои разна рода,
Фальшивы рядныя, уступки, векселя.
Тамъ отмежевана вдругъ выросла земля;
Тутъ верхни мельницы всѣ нижни потопили;
Тамъ двѣсти десятинъ два борова изрыли;
Здѣсь выморочныхъ селъ наслѣдничекъ воскресъ;
Тамъ, на гумнѣ, его дремучій срубленъ лѣсъ;
На брата искъ за брань и за безчестье взноситъ,
А пожилыхъ съ того и за умершихъ проситъ;
Тамъ люди пойманы его на воровствѣ,
Окраденнымъ купцамъ сыскалися въ родствѣ,
И брали то, что имъ лишь по наслѣдству должно.
Но всѣхъ его проказъ пересказать не можно:
Довольно и того, что вамъ слегка сказалъ.
Притомъ, какъ знаетъ онъ всѣхъ стряпчихъ наповалъ!
Какъ регламентъ нагнуть, какъ вывернуть указы!
Какъ всѣ подьячески онъ вѣдаетъ пролазы!
Какъ забѣжать къ судьѣ, съ котораго крыльца;
Кому бумажекъ пукъ, кому пудъ сребреца;
Шестёрку проиграть, четвёрку гдѣ, иль тройку;
Какъ залучить кого въ пирушку, на попойку;
И словомъ: дивное онъ знаетъ ремесло,
Неправду мрачную такъ чистить, какъ стекло.

Такъ вамъ возможно ли съ симъ молодцомъ тягаться?

Прямиковъ. — И подлинно его мнѣ должно опасаться.
Но дѣло вѣдь мое такъ право, ясно такъ!..

Добровъ. — Какъ солнце ясно будь, то будетъ аки мракъ.

Прямиковъ. — Но на судей ужъ ли не можно положиться?
Хозяинъ здѣшній?..

Добровъ *(осматриваясь кругомъ)*. — Ахъ! боюсь проговориться;
Но вы не скажете, не слышитъ насъ никто.
Извольте-жъ про себя, сударь! вы вѣдать то,
Что дому господинъ, Гражданскій Предсѣдатель,
Есть сущій истины Іуда и предатель.
Что и ошибкой онъ дѣлъ прямо не вершилъ;
Что съ кривды пошлиной карманы начинилъ;
Что онъ законами лишь беззаконье удитъ;
(Показывая, будто считаетъ деньги).
И безъ наличнаго довода дѣлъ не судитъ.
Однако хоть и самъ всей пятерней беретъ,
Но вящшую его супруга дань деретъ:
Съѣстное, питейцо предъ нею нѣтъ чужаго;
И только-что твердитъ: даянье всяко благо.

Прямиковъ. — Вотъ на! возможно-ль быть? А Члены? —

Добровъ. — Все одно:
У нихъ все на одинъ салтыкъ заведено.
Одинъ Членъ вѣчно пьянъ и протрезвѣнья нѣту;
Такъ тутъ какому быть ужъ путному совѣту?
Товарищъ же его до травли русаковъ
Охотникъ страстной: съ нимъ со сворой добрыхъ псовъ,
И сшедшую съ небесъ доѣхать правду можно.

Прямиковъ. — А Засѣдатели?

Добровъ. — Когда, сказать не ложно,
Въ одномъ изъ нихъ души хотя немножко знать;

Такъ что-жъ? лихъ та бѣда, что не гораздъ читать,
Писать и поготовь, а на словахъ заика;
И такъ, хотя-бъ и радъ, помѣха лихъ велика.
Другой себя къ игрѣ такъ страстно пристрастилъ,
Что душу бы свою на карту посадилъ.
Въ судѣ по Чермному съ нимъ Фараонъ гуляетъ,
И у журналовъ онъ углы лишь загибаетъ.

Прямиковъ. — А Прокуроръ? ужъ ли и онъ...

Добровъ. — О! Прокуроръ,
Чтобъ въ риѳму мнѣ сказать, существеннѣйшій воръ.
Вотъ прямо въ точности всевидящее око:
Гдѣ плохо что лежитъ, тамъ мѣтитъ онъ далёко.
Не цапнетъ лишь того, чего не досягнетъ.
За праведный доносъ, за ложный, онъ беретъ;
Щечитъ за пропускъ дѣлъ, за голосъ, предложенья,
За нерѣшеніе рѣшимаго сомнѣнья,
За поздній въ судъ приходъ, за пропущенный срокъ,
И даже онъ деретъ съ колодниковъ оброкъ.

Прямиковъ. — А о Секретарѣ?..

Добровъ. — Дуракъ, кто слово тратитъ.
Хоть голъ будь какъ ладонь, онъ что-нибудь да схватитъ.
Указы знаетъ всѣ, какъ пальцовъ пять своихъ.
Экстрактецъ сочинить безъ точекъ, запятыхъ,
Подчистить протоколъ, иль листъ прибавить смѣло,
Иль стибрить документъ — его все это дѣло;
И съ Праволовымъ онъ запазушны друзья.
Онъ вамъ накаверзитъ, весьма увѣренъ я.
И дѣльцо, знать, къ себѣ онъ прибралъ по секрету;
По крайности, его въ моемъ повытьѣ нѣту.

Прямиковъ. — Изрядно эту мнѣ ты шайку описалъ!

Какая сволочь!

Добровъ. — Я вамъ истину сказалъ;
Но Бога ради!..

Прямиковъ. — Будь, пожалуй, будь спокоенъ.
Но чѣмъ же мнѣ начать? я право такъ разстроенъ?

Добровъ. — Изъ словъ, сударь, моихъ могли вы то понять,
Что не чѣмъ тутъ начать, какъ тѣмъ, что дать, да дать.

Прямиковъ *(даетъ ему кошелекъ)*. — Изволь тебѣ, мой другъ! такъ-какъ знакомцу древню...

Добровъ *(не принимая)*. — Никакъ: благодарю. — Давно бы я деревню
Купилъ, когда-бъ такъ бралъ, какъ многіе берутъ,
Впредь до рѣшенья дѣлъ, за предлежащій трудъ.
Такихъ неправедныхъ нажитковъ я чуждаюсь;
Съ женой, съ дѣтьми, трудомъ и правдою питаюсь.
А если правое чье дѣло верхъ беретъ,
И правый мнѣ за трудъ въ признательность даетъ,
То, признаюсь, беру. Мнѣ совѣсть не пеняетъ:
Я принимаю даръ; бездѣльникъ вынуждаетъ.
И не изъ прибыли я вамъ служить хотѣлъ;
Я ужъ сказалъ, сударь, я вашу хлѣбъ-соль ѣлъ.

Прямиковъ. — Ну! какъ же ты, мой другъ, совѣтъ мнѣ предлагаешь,
Котораго ты самъ исполнить не желаешь?
Ты бѣдный человѣкъ, имѣешь малый чинъ;
Породы ты простой, не князь, не дворянинъ;
Ты дому моему уже служилъ довольно;
Но ты не взялъ, что я хотѣлъ дать добровольно.
А мнѣ совѣтуешь, чтобъ я пошелъ дарить,
Кого-жъ? мнѣ равнаго! какъ можетъ это быть!
И какъ мнѣ смѣть его унизить, уничтожить!

Добровъ. — Не должно это васъ, повѣрьте мнѣ, тревожить.
До рода, до чиновъ, какая нужда тутъ?

Давайте тѣмъ, сударь, которые берутъ.
А чтобъ предохранить ихъ отъ уничтоженья,
То придержитеся вы только умноженья:
Чтобъ чина предъ другимъ вамъ не уничтожать,
То по чинамъ, лишь имъ извольте прибавлять.

Прямиковъ. — Не сроденъ я, мой другъ, на этакія штуки.
Пускай подарками мой врагъ мараетъ руки.
Я мыслю, что мою тѣмъ правость помрачу,
Когда я за нее монетой заплачу.

Добровъ. — Вы слишкомъ пѣсенку поёте намъ высоку;
А на Руси твердятъ: не всяко лыко въ строку.

Прямиковъ. — Но я все правдою привыкъ, мой другъ, строчить.
Имѣній могутъ всѣхъ они меня лишить,
Но не принудятъ ввѣкъ на подлость и пронырства

Добровъ. — Что-жъ вамъ отъ этого прибудетъ богатырства.

Прямиковъ. — Честь.

Добровъ. — Честь, сударь, не въ честь, какъ нечего съ ней ѣсть!
Но надобно же вамъ подумать, какъ ни есть...

Прямиковъ. — Я думаю, я правъ.

Добровъ. — И не уже ль стоите
Упрямо въ томъ?

Прямиковъ. — Стою.

Добровъ. — И имъ вы не дадите?

Прямиковъ. — Ни шеляга не дамъ.

Добровъ. — Однако истецъ вашъ,
Я думаю, прислалъ тяжелый свой багажъ,
И подъ фортецію суда подкопъ ужъ роетъ.

Прямиковъ. — Пусть.

Добровъ. — Ну, а какъ онъ залпъ изъ кошелька откроетъ,
То праву вашему *(свищетъ)* на воздухѣ гулять.

Прямиковъ. — Ну что-жъ? хоть здѣсь они изволятъ сплутовать,

То я Намѣстнику на нихъ подамъ прошенье.
Добровъ *(закрывая рукою ротъ)*.
О Боже! положи устамъ моимъ храненье!
Но хоть подумайте, — и это, ей, не вздоръ: —
Что исполняется Палатскій приговоръ;
И что ощиплютъ васъ, какъ коршуны синицу;
А съ апелляціей, ужъ голой *(свищетъ)* дуй въ столицу.
Прямиковъ. — Нѣтъ; права моего ничто не помрачитъ.
Я не боюсь: законъ подпора мнѣ и щитъ.
Добровъ. — Ахъ! добрый господинъ, ей, ей! законы святы,
Но исполнители лихіе супостаты.
Законъ желаетъ намъ прямаго всѣмъ добра;
Но мы хотя и всѣ изъ одного ребра,
Но неравно мы всѣ къ добру расположенны.
Въ Зерцало взглянь Судовъ: Петра черты священны
Безмездно тамъ велятъ по истинѣ судить;
Божественъ судъ таковъ! да гдѣ судей найтить?
Законъ старается вселить въ насъ души новы,
Навычки умягчить развратны и суровы,
Ко безкорыстію желаніе вперить,
И съ правдою судей сколь можно примирить;
Наградою ихъ льститъ и казнью угрожаетъ;
Но противъ ябеды ничто не помогаетъ.
Ее-то бойтесь вы, сударь, а то роса,
Покуда солнышко взойдетъ, пробьетъ глаза;
И чтобъ насущнаго вамъ хлѣба не лишиться,
То должно съ ябедой какъ ни на есть сойтиться.
Прямиковъ. — Все такъ, мой другъ; но я изъ правилъ ужъ моихъ
Ни для какихъ причинъ не выйду ни на мигъ.
И я рѣшился разъ: что скажешь, все пустое.
Добровъ. — Но...
Прямиковъ. — Перестань, прошу. Да это что такое?

Судейскій красный столъ, мой другъ, я вижу здѣсь!

Добровъ. — Не знаю какъ сказать: иль Ангелъ, или бѣсъ,
Внявъ челобитчиковъ умильному моленью,
Присутственны мѣста всѣ предалъ всесожженью;
А какъ домовъ такихъ нельзя здѣсь вдругъ найтить,
Гдѣ выгодно суды могли бы помѣстить,
То Предсѣдатель нашъ въ свой домъ вмѣстилъ Палату,
Съ казны за то себѣ пріобрѣтая плату.
(Показывая, будто деньги считаетъ).

Прямиковъ. — Такъ мы нечаянно въ святыню забрели?

Добровъ. — Но святость, знать, въ ней спитъ; а день ужъ на земли.
Дивлюсь; для праздника хозяйка именинна,
И для сговора.....

Прямиковъ. — Чей сговоръ?

Добровъ. — У нихъ едина
Лишь дочь. Я слышалъ вскользь; таятъ.

Прямиковъ. — Да за кого?

Добровъ. — Не знаю истинно. Да вамъ что до того?

Прямиковъ. — Какъ что? но на тебя могу-ль я положиться?

Добровъ. — Я преданъ вамъ, сударь: нѣтъ нужды и божиться,
Ужъ послѣ всѣхъ тѣхъ тайнъ, что вамъ...

Прямиковъ. — Такъ знай, мой другъ,
Что страстью нѣжною пылаетъ къ ней мой духъ.
Но кто соперникъ мой?

Добровъ. — Таятъ, сударь, къ чему та.
Да вотъ ея идетъ служанка къ намъ.

ЯВЛЕНІЕ II.

Прямиковъ, Добровъ и Анна.

Прямиковъ. — Анюта,
Ахъ! какъ я радъ тебѣ!..
Анна. — И я вамъ. Да отколь
Принесъ васъ Богъ?
Прямиковъ. — Постой, и прежде мнѣ позволь
Спросить, правдивъ ли слухъ по городу несется,
Что барышня твоя ужъ замужъ отдается?
Анна. — Что отдается, въ томъ, навѣрное, вамъ лгутъ;
Но то не солгано, сударь, что отдаютъ.
Прямиковъ. — Скажи мнѣ искренно, скажи все, что ты знаешь;
Или и ты меня въ печали оставляешь?
Хоть словомъ успокой, Анютушка, меня.
Анна. — Да что мнѣ вамъ сказать?
Прямиковъ. — Скажи, любимъ ли я?
Анна. — Хотя и не совсѣмъ, сударь, вы правы сами;
Но правды потаить я не хочу предъ вами.
Васъ любятъ; но бѣда, что принуждаютъ насъ
Женою быть того, кто не похожъ на васъ.
Прямиковъ. — Ахъ Боже мой! поди-жъ скажи ты ей, Анюта!
Анна. — Да вотъ она сама.

ЯВЛЕНІЕ III.

Софія, Прямиковъ, Анна и Добровъ.

Прямиковъ *(цѣлуетъ у Софіи руку)*. — Счастливая минута!
Съ какою радостью я вижу васъ опять!
Софія. — Ахъ! да откуда вы?

Прямиковъ. — Могу-ль себя ласкать Надеждой, что моей вы къ вамъ любви сердечной...

Софія. — Вы позабыли насъ!

Прямиковъ. — Ахъ! нѣтъ; я помнилъ вѣчно,
И вѣчно образъ вашъ въ душѣ моей...

Анна *(къ Софіи)*. — Но вотъ.
Сюда вашъ батюшка, сударыня, идетъ.

ЯВЛЕНІЕ IV.

Тѣжъ и Кривосудовъ.

Прямиковъ *(къ Кривосудову)*. — Позвольте вамъ, сударь! отдать мое почтенье.
Я Прямиковъ. Процессъ мой къ вамъ, на разсмотрѣнье
Вступилъ. Я въ правости на вашъ надѣюсь судъ.

Кривосудовъ. — А! знаю... *(Къ Софіи)*.
А ты что, чего зѣваешь тутъ?..
Поди въ уборную: ты видишь, челобитчикъ.
(Софія и Анна уходятъ).

ЯВЛЕНІЕ V.

Кривосудовъ, Прямиковъ и Добровъ.

Прямиковъ. — Осмѣлюсь вамъ сказать...

Кривосудовъ. — А! господинъ повытчикъ!

Добровъ. — Съ днемъ ангела, сударь, я поздравляю васъ,
Желаю новыхъ благъ на всякій день и часъ.

Кривосудовъ. — Благодарю, дружокъ!

Прямиковъ. — Я смѣлость принимаю...
О дѣлѣ вамъ моемъ...

Кривосудовъ. — Да я сказалъ, что знаю.
На долго-ль въ городъ къ намъ!

Прямиковъ. — То должно вамъ рѣшить.
Кривосудовъ. — Мы рады гостю.
Прямиковъ. — И... безъ тяжбы здѣсь прожить
Я нѣсколько хотѣлъ. Позвольте мнѣ о дѣлѣ...
Кривосудовъ. — Разсмотримъ мы его на этой же недѣлѣ.
Прямиковъ. — Но я хотѣлъ, сударь, вамъ прежде изъяснить...
Кривосудовъ. — Напрасно вы себя изволите трудить:
Мы дѣло на письмѣ увидѣть можемъ ясно;
И предувѣдомлять хотите вы напрасно.
Прямиковъ. — Однако я прошу...
Кривосудовъ. — Вамъ не о чемъ просить:
Мы по законамъ всѣ должны дѣла вершить.
Безъ просьбы оправдимъ, коль право ваше свято;
А сколько ни просить, коль дѣло плоховато...
Прямиковъ. — Не о потачкѣ я упрашивать хотѣлъ;
Безчестьемъ вамъ и мнѣ такую-бъ просьбу счелъ.
Но дѣло въ сторону; я къ вамъ имѣю нужду,
Процесса всякаго и всякой тяжбы чужду.
Важнѣйшую всего на свѣтѣ для меня.
Простите мнѣ, что вамъ откроюсь прямо я.
Вамъ домъ извѣстенъ мой, порода и помѣстья:
Я льщусь, сударь, что вамъ не сдѣлаю безчестья,
И искренность моихъ поступковъ докажу,
Когда вамъ, какъ отцу, признательно скажу.
Что вашей дочери прелестной красотою
Плѣненъ смертельно я; что счастливой судьбою
Почту я сыномъ вамъ, а ей супругомъ быть.
Кривосудовъ. — Дочь! какъ! — гдѣ вы ее успѣли полюбить?
Прямиковъ. — Въ столицѣ, какъ она у тётушки бывала,

Имѣлъ я счастіе...

Кривосудовъ. — А тётка это знала?

Прямиковъ. — Я страсти передъ ней не
думалъ и скрывать.

Кривосудовъ. — Она съума сошла!
да какъ же такъ спущать?

Прямиковъ. — Мнѣ странно: не уже-ль
я этимъ васъ обижу?

Кривосудовъ. — Никакъ, но въ первый
разъ я васъ сегодня вижу.

Она же молода; у ней же есть и мать.
Прошу за честь сію спасибо васъ принять:
Однако-же нельзя такъ скоро намъ рѣшиться.

Прямиковъ. — Я только лишь хотѣлъ
объ этомъ изъясниться;
Узнать, могу-ль себя я хоть надеждой льстить?

Кривосудовъ. — На сей седмицѣ васъ
почтимся мы рѣшить.

Прямиковъ. — Такъ вы даете мнѣ на-
дежду, что я буду?...

Кривосудовъ. — Надѣйтесь, вашего
я дѣла не забуду.

Прямиковъ. — Я съ восхищеньемъ,
васъ, сударь, благодарю.

Кривосудовъ. — Добро; явитеся лишь
вы къ Секретарю.

Прямиковъ. — Зачѣмъ къ Секретарю?

Кривосудовъ. — Онъ силу въ дѣлѣ
знаетъ.

Да, ба! Повытчикъ тутъ съ дѣлами ожидаетъ:
Мнѣ резолюцію на нихъ потребно дать.

(Беретъ бумаги).

Прямиковъ. — Позволите-ль мнѣ честь
къ вамъ и впередъ бывать?

Кривосудовъ. — Добро пожаловать.
Я вашъ слуга покорный.

(Прямиковъ уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ VI.

Кривосудовъ и Добровъ.

Кривосудовъ. — Вотъ на! какой вострякъ! о! да какой проворный!
Лишь только на порогъ — и къ дочкѣ ужъ успѣлъ!
Да какъ сестра моя?.. кто ей на шею сѣлъ?
Знать, что волочутся, и не сказать ни слова!
Добровъ. — Да можетъ быть, сударь, что женишка такова
Хотѣла приласкать. Вѣдь съ тысячью-то душъ
Красавецъ этакой хоть бы кому такъ мужъ.
Чинъ подполковничій; черезъ четыре года
Полкъ тысячный; а Богъ коли не дастъ похода,
То съ сихъ двухъ тысячъ душъ! — Позвольте мнѣ сказать
Преданнѣйшу слугѣ, чѣмъ онъ и вамъ не зять?
Кривосудовъ. — Вотъ эти молодцы все вѣтеръ лишь гоняютъ;
И родовыхъ наслѣдствъ беречь они не знаютъ;
А что и говорить о благонажитыхъ!
Кто первый захотѣлъ, тотъ и ощиплетъ ихъ.
Не знаютъ, что за звѣрь экстрактъ и протоколы;
Лишь только разными языки и глаголы,
Съ своими-жъ Русскими, на площади, вездѣ,
Лепечутъ; а языкъ прильпе ихъ на судѣ.
Ты знаешь, нажилъ я вѣдь лишь трудомъ да потомъ,
Ну, такъ не жаль ли, братъ, какъ въ прахъ пойдетъ все мотомъ?
Такого зятя я хочу себѣ найтить,
Который бы умѣлъ къ нажитому нажить
Да у меня и есть ужъ нѣкто на примѣтѣ.
(Кладетъ бумаги на столъ).
Добровъ *(беретъ бумаги и подноситъ ему)*. — Три дѣла тутъ, сударь, которы по помѣтѣ,

Ужъ болѣе трехъ лѣтъ не рѣшены лежатъ:
Пора бы кончить ихъ...

К р и в о с у д о в ъ. — Да кто же виноватъ?
Лежатъ! — вотъ на! затѣмъ, что николи не ходятъ
Просители ко мнѣ.

Д о б р о в ъ. — Да чай они и бродятъ
Подъ окнами, сударь; но чтобъ сюда прійтить,
Такъ не съ чѣмъ имъ...

К р и в о с у д о в ъ. — Такъ что-жъ? За ними мнѣ ходить
Прикажешь?

Д о б р о в ъ. — Нѣтъ, сударь; но я за нихъ таскаюсь,
Ихъ правъ искъ: я нашелъ...

К р и в о с у д о в ъ. — Такъ я и не мѣшаюсь;
Когда ты что нашелъ; находка предъ тобой.

Д о б р о в ъ. — Что вотъ у этого послѣднею землёй
Грабительски его сосѣди завладѣли,
И домъ зимой сожгли.

К р и в о с у д о в ъ. — Хозяина, знать, грѣли.

Д о б р о в ъ. — А бѣдныхъ сихъ дворянъ въ подушный всѣхъ окладъ
Помѣщикъ записалъ.

К р и в о с у д о в ъ. — Я былъ бы очень радъ,
Когда-бъ въ крестьянску чернь, чтобъ носа не взносили,
Всѣхъ мелкотравчатыхъ дворянъ перекрестили.

Д о б р о в ъ. — А этотъ, наконецъ, за по-земельный споръ,
Обманомъ заведенъ къ помѣщику на дворъ,
Обруганъ тамъ, прибитъ; домой чуть дотащился,
И въ три дни отдалъ духъ.

К р и в о с у д о в ъ. — Знать, дурно онъ лечился.

Д о б р о в ъ *(въ сторону)*. — Ну! вотъ и приговоръ!

(Вслухъ) Да что-жъ хоть первымъ двумъ?..

Кривосудовъ. — Да дѣла не могу
рѣшить я на-обумъ:
Кто правъ, кто виноватъ, мнѣ это видѣть должно.

Добровъ. — Изъ дѣла...

Кривосудовъ. — Ничего увидѣть не
возможно.

Добровъ. — Но внятно говоритъ тутъ
письменный доводъ.

Кривосудовъ. — Потребенъ, слышишь
ли? изустный переводъ.

Добровъ. — Но дѣло на письмѣ гласитъ
довольно ясно.

Кривосудовъ *(вырываетъ бумаги, бьетъ объ столъ и бросаетъ)*. — Но дѣло на письмѣ,
хоть бей объ столъ, безгласно.
Да полно пустошью мнѣ голову ломать;
Поди: къ обѣднѣ мнѣ пора ужъ поспѣшать.

Добровъ *(поднявши бумаги)*. — Хоть
взгляньте...

Кривосудовъ. — Охъ! поди, не говори
мнѣ болѣ.

Добровъ. — При бѣломъ ихъ, сударь,
принесъ я протоколѣ;
Лишь подписать.

Кривосудовъ. — Поди.

Добровъ. — Для ангела!

Кривосудовъ. — Поди.

Добровъ. — Для праздника!

Кривосудовъ. — Поди, поди и пропади!
(Выталкиваетъ вонъ).

ЯВЛЕНІЕ VII.

Кривосудовъ.

Кривосудовъ. — Тьфу! бѣшеный какой!
чуть къ горлу не придрался,
И съ челобитчикомъ скорѣе-бъ развязался!

«Лишь только подписать, готовъ и протоколъ»;
(передразниваетъ)
Нѣтъ, другъ мой, да и я, вѣдь, также не оселъ.
Когда всѣ на-голо подписывать я буду,
То скоро работать *(дѣлая, будто жуетъ)* и
челюстьми забуду.
Перо и то въ себя чернилы, вѣдь, беретъ:
Такъ мнѣ ли одному сидѣть разиня ротъ,
И видя подъ носомъ летящихъ куропатокъ,
Изъ сотни не схватить одну или десятокъ?
Простъ былъ бы я и впрямь!

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Кривосудовъ, Фекла, Наумычъ и Архипъ.

(съ подарками въ корзинахъ).

Фекла. — Вотъ, милый муженекъ,
Къ намъ Проваловъ прислалъ Наумыча.
Кривосудовъ *(надѣвая перстни, шпагу и проч.)*. — Дружокъ!
Здорово. Господинъ каковъ твой?
Наумычъ. — Васъ поздравить
Велѣлъ съ днемъ ангела, и симъ...*(показывая подарки)*.
Фекла *(Архипу)*. — Изволь поставить.
Наумычъ. — Поклонъ вамъ отдаетъ.
Кривосудовъ. — Благодари его;
Но много такъ на что?
Наумычъ. — И, сударь, ничего!
Кривосудовъ. — Но, право, совѣстно.
Наумычъ. — Домашне все, вѣдь, это.
Фекла. — А намъ бы все платить наличною
монетой.
Наумычъ. — Не ужъ? сударыня!
Кривосудовъ. — Но будетъ ли онъ къ
намъ
На дружескій обѣдъ?

Наумычъ. — Когда угодно вамъ.
Кривосудовъ. — Пожалуй, попроси.
Фекла. — Мы будемъ дорогова
Ждать гостя.
Наумычъ. — Я скажу. — *(Кривосудову)*.
О дѣлѣ я два слова
Хотѣлъ промолвить вамъ. Соперникъ прибылъ нашъ...
Кривосудовъ. — Онъ былъ ужъ у меня.
Наумычъ *(Феклѣ, разсматривающей и раскладывающей подарки)*. — Въ бутылкахъ эрмитажъ.
Кривосудовъ. — Но я его оттеръ. О дѣлѣ небылицы
Занесъ-было, но я замялъ рѣчь.
Наумычъ *(Феклѣ)*. — Фунтъ горчицы.
Кривосудовъ. — И съ рукъ сжилъ.
Наумычъ. — Сколько-жъ вамъ мой господинъ, сударь,
Обязанъ? *(Феклѣ)* На робронъ атласъ.
Фекла. — Какой хабаръ!
Кривосудовъ.—Но какъ онъ намекнулъ то дѣло плоховато!
Наумычъ. — Все ложно. *(Феклѣ)* На кафтанъ тутъ бархатецъ косматой.
(Кривосудову) И вы словамъ, сударь, не вѣрьте.
Кривосудовъ. — Ну! добро;
Посмотримъ.
Наумычъ *(Феклѣ)*. — Флеръ цвѣтной невѣстѣ на фуро.
(Кривосудову, указывая на подарки).
На дѣлѣ мы, сударь, доказываемъ ясно.
Кривосудовъ. — Добро, добро.
Наумычъ *(Феклѣ)*. — За насъ словцо. Шампанско красно.
Кривосудовъ. — Ужо посмотримъ.
Фекла. — Да, мой милый, посмотри:

Одной провизіи не съѣсть недѣли въ три.

Кривосудовъ *(смотря на подарки)*. — Ба, ба! что вижу впрямь! да это дворъ гостиной!

Наумычъ. — Изволите шутить.

Фекла *(Наумычу)*. — Обернуто холстиной?

Наумычъ *(Феклѣ)*. — Швейцарской сыръ. *(Кривосудову.)* Такъ мы надѣемся на васъ?

Кривосудовъ. — Ну, кланяйся; добро.

Фекла. — Обѣдъ нашъ ровно въ часъ.

Наумычъ. — Навѣрно будетъ.

Фекла. — Ну! спасибо.

Кривосудовъ. — Ну! спасибо.

Фекла *(провожая Наумыча)*. — Спасибо.

Наумычъ *(возвратясь, Феклѣ)*. — Тамъ, въ сѣняхъ, въ кулькѣ провѣсна рыба.

(Уходитъ съ Архипомъ).

(Слуга выноситъ подарки).

ЯВЛЕНІЕ IX.

Кривосудовъ и Фекла.

Фекла. — Какой же умница Наумычъ!

Кривосудовъ. — Не дуракъ!

Фекла. — И Праволовъ, какой досужей!

Кривосудовъ. — Не простакъ.

Фекла. — Какъ любитъ онъ нашъ домъ, и какъ не оставляетъ!

Кривосудовъ. — Зато и дѣлать ужъ чего не заставляетъ!

Фекла. — Вотъ другъ, какихъ теперь въ диковинку сыскать!
Все знаетъ напередъ, что думаешь сказать;
Всѣ памятуетъ дни: крестины, имянины,
Родины...

Кривосудовъ. — Плохо лишь онъ помнитъ день кончины!

Ф е к л а. — Имъ живы; кормитъ насъ, и
домъ нашъ и весь скотъ;
И словомъ: имъ живемъ безъ нужды, безъ хлопотъ.
К р и в о с у д о в ъ. — Но до хлопотъ, смотри,
чтобъ съ нимъ намъ не добиться.
Ужъ сталъ онъ нѣсколько тяжолъ намъ становиться:
Я слышу на него отвсюду вопіютъ
Лишь утушимъ одно, — другое дѣло въ судъ;
И сдѣлалъ для него ужъ я такихъ премного,
Изъ коихъ и одно-бъ могло, судить коль строго,
Во Уголовный Судъ меня препроводить,
Чтобъ лакомствомъ его оскомы не набить!
Ф е к л а. — Пустое: ты вертишь, вѣдь, всѣ
дѣла чистенько.
К р и в о с у д о в ъ. — Что черно, какъ ни
чисть, а будетъ все черненько.
Ф е к л а. — Пустое: мы-ль одни! всѣхъ не
переведутъ.
К р и в о с у д о в ъ. — А какъ по жеребью
прійдетъ отвѣтъ дать тутъ?..
Ф е к л а. — Пустое; знать, съ утра ты лѣвой
всталъ ногою,
Что голову набилъ такою чепухою.
Ты только посмотри, какъ оборотливъ онъ:
Въ столицѣ у него, ты знаешь, есть патронъ
И, сверхъ того, еще пріятелей имѣетъ.
Куда ни кинется, вездѣ ужъ онъ поспѣетъ.
Такъ ты, пожалуйста, пустого не страшись
И на него въ дѣлахъ его ты положись.
К р и в о с у д о в ъ. — Что дѣлать!
Ф е к л а. — Ахъ! на умъ теперь пришло мнѣ
кстати,
На Прямикова искъ въ Гражданской, вѣдь,
Палатѣ.
К р и в о с у д о в ъ. — Такъ точно.
Ф е к л а. — Онъ о немъ давно мнѣ говорилъ.
К р и в о с у д о в ъ. — А мнѣ не такъ давно.

Фекла. — Какъ онъ со мной судилъ,
То съ стороны его казалось дѣло свято.
Кривосудовъ. — А я скажу тебѣ, что
очень плоховато;
И я не знаю, какъ ужъ тутъ поворотить.
Фекла. — Однако-жъ, милый мой, ты дол-
женъ пособить.
Вѣдь вспомни, какъ онъ намъ...
Кривосудовъ. — Да помню такъ, какъ
должно;
Но памятью одной тутъ пособить не можно:
Тутъ надобенъ указъ, иль право, иль законъ.
Фекла. — Законовъ столько!
Кривосудовъ. — Такъ.
Фекла. — Указовъ милліонъ!
Кривосудовъ. — И это истинно.
Фекла. — Правъ цѣлая громада!
Кривосудовъ. — Все неоспоримо.
Фекла. — Ну, такъ чего-же надо?
Кривосудовъ. — Безумна! надобно та-
кой законъ прибрать,
Чѣмъ виноватаго могли бы оправдать.
Фекла. — Да вѣдь законъ прибрать секре-
тарево дѣло,
А ваше лишь рѣшить; и я ручаюсь смѣло,
Что Секретарь прибралъ законъ ужъ для него:
Изъ пропасти такой не выбрать одного!
Кривосудовъ. — Да я же не одинъ: вѣдь
у меня есть Члены.
Фекла. — Вотъ на еще! да имъ и море по
колѣны:
Такъ много-ль надобно ихъ уломать труда!
Кривосудовъ. — Инъ быть такъ; если
онъ спроворитъ до суда
Всѣхъ Членовъ наклонитъ, то вотъ те слово свято,
Что ужъ и я пущусь... хоть дѣло плоховато!
Фекла. — Притомъ для дочери онъ не же-
нихъ, а кладъ.

А свой, вѣдь, своему и по-неволѣ братъ.
Кривосудовъ. — Ба! я позабылъ сказать
тебѣ, что снова
Господь намъ женишка даруетъ и другова.
Какъ на голову снѣгъ сегодня...
Фекла. — Кто таковъ?
Кривосудовъ. — Онъ подполковникъ;
дай мнѣ вспомнить... Прямиковъ.
Фекла. — Что съ Праволовымъ?..
Кривосудовъ. — Да, тотъ самый.
Фекла. — И на эту
Вѣсть не далъ ты ему отвѣта прямо?
Кривосудовъ. — Нѣту.
Фекла *(съ жаромъ)*. — Какъ! хочешь намъ
его на шею навязать?
Кривосудовъ. — Никакъ; я лишь хо-
тѣлъ сперва тебѣ сказать.
Фекла. — Я слышать не хочу; чтобъ не
было и духу
Его у насъ въ дому.
Кривосудовъ. — Онъ нашу дочь-вост-
руху
Въ Москвѣ ужъ зналъ.
Фекла. — Какъ зналъ?
Кривосудовъ.—Зналъ у сестры въ дому.
Фекла. — Возможно-ль быть?.. Да я.. Да
я ей!.. я ему!...
Кривосудовъ.—Спокойся же мой другъ!
вѣдь отказать намъ можно.
Фекла. — Не только отказать, но заказать
тутъ должно,
Чтобъ къ намъ онъ ни ногой. — Онъ хочетъ за-
бѣжать,
И сватовствомъ тебя къ себѣ лишь привязать,
Чтобъ въ дѣлѣ ты ему помочь не отказался.
Но не на олуховъ молодчикъ разскакался:
Намъ Праволовъ давно знакомъ; а старый другъ,
И по пословицѣ: вѣдь лучше новыхъ двухъ.

Не правда-ль? миленькой! ась?

Кривосудовъ. — Правда присносущна.
Но, кажется, къ нему дочь очень равнодушна.
Ей что-то Праволовъ не по-нутру.

Фекла. — Такъ что-жъ?
Такъ на нее смотрѣть? что старъ онъ, не пригожъ,
Не финтоватъ, не враль, такъ дурѣ и не нравенъ;
Но умъ его ужъ зрѣлъ и кошелекъ исправенъ.
Полюбятся они, какъ лѣтъ пять поживутъ.
Не такъ ли?

Кривосудовъ. — Точно такъ. Что за сомнѣнье тутъ?

Фекла. — Ну, такъ оставивши пустыя, вздорны бредни,
Пойдемъ, чтобъ этакъ намъ не проболтать обѣдни.
(Уходятъ).

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Праволовъ и Наумычъ.

Праволовъ. — Ну, все-ль исправно ты спроворилъ по наказу?

Наумычъ. — Исполнилъ все, сударь, по вашему приказу.

Праволовъ. — Подарки всѣмъ судьямъ изъ глаза ты на глазъ,
Съ поклономъ отъ меня препоручилъ?

Наумычъ. — Какъ разъ.

Праволовъ. — И что они тебѣ на это отвѣчали?

Наумычъ. — Что по-судейски имъ обыкновенно — взяли.

Праволовъ. — Навѣдался ли, гдѣ присталъ нашъ Прямиковъ?

Наумычъ. — Въ трактирѣ.

Праволовъ. — Хорошо. Подъячимъ тамъ пировъ
Пріятельскихъ давать нельзя ему: народу,
И день и цѣлу ночь, тамъ тьма безъ переводу.
Но для запаса ты приставилъ-ли дозоръ?
Наумычъ. — За пятьдесятъ алтынъ за нимъ слѣдитъ весь дворъ.
Праволовъ. — Кто Стряпчимъ у него?
Наумычъ. — Кто Стряпчимъ? нѣтъ ни духа.
Праволовъ. — Не можетъ это быть.
Наумычъ. — Отрѣжьте мнѣ полъуха,
Коли я лгу. Но я въ совѣтники ему
Ужъ подпустилъ съ-тишка Ловилова Козьму.
Вы знаете, сударь, какъ онъ всѣмъ въ душу вьется:
А я ему шепнулъ, что если подберется
Онъ къ молодцу, и намъ откроетъ въ дѣлѣ что,
То перейдетъ въ карманъ ему полтинокъ сто.
Праволовъ. — Добро. Къ Секретарю отнесъ ли ты бумагу?
Наумычъ. — Отнесъ, и вейновыхъ чернилъ большую флягу.
Праволовъ. — Проворитъ ли онъ намъ, какъ честно слово далъ?
Наумычъ. — Проворитъ; о! да какъ! — во-вѣки не видалъ
Такого я дѣльца: въ экстрактѣ это дѣло
Онъ скомкалъ такъ, сударь, что я ручаюсь смѣло,
Кто-бъ ни прочелъ его, хоть лобъ будь пядей въ пять,
Не можетъ слова въ немъ ни одного понять.
Отвѣтну рѣчь смѣшалъ онъ такъ уловкой дивной.
Что смыслъ изо всего является противной
Всему тому, себя чѣмъ оправдаетъ онъ.
Законовъ въ пользу намъ подвелъ онъ милліонъ;
Но этимъ всѣмъ еще не удовлетворился,
И вновь съ вчерашня дня въ архиву онъ зарылся.

Праволовъ. — Такъ ладно все. Теперь и
я тебѣ скажу,
Что около судей удачно ворожу:
Настроилъ всѣхъ подъ свой гудокъ; и трудъ ве-
ликій
Лишь былъ мнѣ около проклятаго заики:
Все душу перегнуть боится сей провалъ;
Но, съ Божьей помощью, я чорта уломалъ.
Другимъ, какъ насказалъ указовъ, регламентовъ,
Да сунулъ въ Банковый тисненныхъ документовъ,
Такъ и явился чистъ; а съ нимъ весь бился день.
Теперь остался мнѣ одинъ лишь нашъ хозяинъ;
Ну, какъ да не возьметъ онъ?

Наумычъ. — Кто? кто? этотъ Каинъ?
Лишь въ полный вѣсъ.

Праволовъ. — И такъ ужъ солонъ мнѣ...

Наумычъ. — Какъ быть!
Вы знаете: когда похлебки не солить...

Праволовъ. — Конечно. Между тѣмъ ты
не забылъ искусно
Промежъ листовъ вклеить то показанье устно,
Что мы съ покойника?..

Наумычъ. — Спроворено ужъ все.

Праволовъ. — А тѣ свидѣтели, которыхъ
на-лицо
Нѣтъ, ужъ подставлены-ль?

Наумычъ. — Ужъ всѣ, сударь, готовы.

Праволовъ. — Да твердо-ль внушены?
и всѣ ли однословы?

Наумычъ. — Не разобьются ужъ они въ
словахъ, сударь.

Праволовъ. — А тѣ указики, что далъ
я, Секретарь?..

Наумычъ. — Всѣ къ дѣлу помѣстилъ.

Праволовъ. — И такъ ужъ ладно дѣло?

Наумычъ. — Извольте приступать, сударь,
къ суду вы смѣло.

Праволовъ. — Благодаря Творца, удачно
здѣсь клеимъ.
Но чтобъ въ Саратовѣ по старенькимъ моимъ
Дѣламъ не вышло мнѣ...
Наумычъ. — А что же вамъ опасно?
Праволовъ. — Я письма получилъ: еще
не видно ясно...
Наумычъ. — Съ которой стороны?
Праволовъ. — Ты помнишь споръ за
лѣсъ?
Наумычъ. — Ну...
Праволовъ. — И убитой?
Наумычъ. — Что-жъ? не уже ль онъ
воскресъ?
Праволовъ. — Никакъ; но дѣло-то умер-
ше воскресаетъ.
Наумычъ. — Вздоръ: кто ввойдетъ?
Праволовъ. — Да чортъ горами вѣдь
качаетъ.
Наумычъ. — Нѣтъ ни наслѣдничка...
Праволовъ. — Отколь не знаю зло;
Но до Намѣстника ужъ дѣло-то дошло.
Наумычъ. — Да у Намѣстника...
Праволовъ. — Пріятелей имѣю;
Но я на нихъ весьма надѣяться не смѣю.
Вѣдь та бѣда, теперь не такъ, какъ въ старину:
Бывало, кто ужъ разъ возьметъ твою казну
Въ замѣну совѣсти, то ужъ солгать стыдится;
Теперь хоть отъ тебя, какъ прежде всякъ ще-
чится,
Хоть всякъ обѣими по старинѣ беретъ,
Но если дѣло гдѣ доходитъ до хлопотъ,
И ежель туго гдѣ прійдетъ стоять за другомъ,
То онъ и съ кошелькомъ вильнетъ направо
кругомъ.
Но что о будущемъ, о настоящемъ мнѣ
Здѣсь нужно хлопотать: съ отцомъ наединѣ
Я постараюся условиться о дѣлѣ,

Чтобъ скомкать намъ на этой же недѣлѣ.
Онъ тѣмъ охотнѣе рѣшится мнѣ помочь,
Что выдать за меня свою желаетъ дочь.

Наумычъ. — Но не уже-ль и впрямь,
сударь, на ней жениться?..

Праволовъ. — Я-бъ долженъ напередъ
съума сойти, взбѣситься.
Возможно-ль дурочку, въ столицѣ лѣтъ съ шести
Преизбалованну почти до двадцати,
Которая приходъ съ расходомъ свесть не знаетъ,
Шьетъ, на Давыдовыхъ лишь гусляхъ повираетъ,
Да по-французски вретъ, какъ сущій попугай,
А по-природному ни здравствуй, ни прощай, —
Возможно ли въ жену такую взять мнѣ дуру!
Съ ней развѣ запереть себя навѣкъ въ кануру.
Нѣтъ, тѣшатся пускай мать ею, да отецъ;
А я слуга ея, лишь дѣлу бы конецъ;
Но до того манить мнѣ ихъ женитьбой надо.
Вотъ на! забылъ: сюда, чай, Членовъ всѣхъ
громада
На имянинный пиръ изволитъ навалить;
Я всѣхъ ихъ наповалъ хочу перепоить.
А чтобы не довесть хозяевъ до убытковъ,
Ступай, и разнаго запаса и напитковъ,
Какъ за обѣдъ пойдемъ, сюда ты принеси;
И самъ Секретаря усильно попроси,
Чтобъ былъ онъ за меня съ хозяиномъ картежить;
А проигрышъ его не долженъ ужъ тревожить.
Поди; да вотъ онъ самъ.

ЯВЛЕНІЕ II.

Праволовъ, Кохтинъ и Наумычъ

Праволовъ *(обнимая его)*. — Здорово,
милый другъ!

Кохтинъ. — Я васъ ища, сударь, обѣгалъ
городъ вкругъ:
И въ уголовной былъ; тамъ въ нижнюю расправу;

На мигъ къ колодничью я забѣжалъ приставу;
Оттоль къ межевщику, оттуда въ магистратъ,
Оттоль въ смирительный, оттоль сюда; и радъ,
Что васъ хоть здѣсь засталъ. Я радостну новинку...

Праволовъ. — Какую?

Кохтинъ *(протягивая руку)*. — Тьфу! забылъ...

Праволовъ *(даетъ синюю ассигнацію)*. — Вотъ, другъ мой! на вспоминку.

Кохтинъ. — Да, да; поймалъ: она. Да сколько же трудовъ
Пока дорылся! Дни...

Праволовъ. — Ну, безъ обиняковъ,
Скажи ее.

Кохтинъ. — Дни три, повѣрьте, безъ засыпу...
Вѣдь надо было мнѣ бумагъ огромну кипу...

Праволовъ. — Я вѣрю; но скажи.

Кохтинъ. — Но прежде чѣмъ сказать,
Я долженъ вамъ...

Праволовъ *(даетъ еще синюю ассигнацію)*. — Тебѣ я долженъ: можешь взять.
Да только лишь скажи.

Кохтинъ. — Какъ вы нетерпѣливы!
Такъ я скажу, сударь, что вы весьма счастливы;
И что моимъ трудомъ, вдругъ послѣ всѣхъ заботъ,
Вашъ искъ возьметъ, сударь, хорошій оборотъ.
А что? не рады-ль вы?.. *(Наумычу)* А ты что не хохочешь?

Праволовъ *(даетъ еще синюю ассигнацію)*. — Скажи лишь прямо все; я радъ дать что ты хочешь.

Кохтинъ. — Ну, такъ скажите-жъ мнѣ, какъ при крещеньи званъ
Былъ другъ нашъ Прямиковъ?

Праволовъ. — На что?

Кохтинъ. — Да какъ?

Праволовъ. — Богданъ.

Кохтинъ. — Зовите-жъ вѣчно вы меня
Искаріотомъ,
Когда онъ искони не окрещенъ Федотомъ.
Праволовъ. — Какой вздоръ!
Кохтинъ. — Нѣтъ, не вздоръ: духовной
доведу.
Праволовъ. — Да если-бъ онъ былъ такъ
и названъ на роду,
То много-ль изъ того корысти бы мнѣ было?
Кохтинъ. — Что вдругъ вашъ умъ, сударь,
такъ тупо притупило?
Нѣтъ нужды знать, зачѣмъ онъ имя премѣнилъ,
Но нынѣ онъ Богданъ; а я вамъ доложилъ,
Что Прямикова сынъ, въ свое, сударь, крещенье
Федотомъ названъ былъ: то малое-ль сомнѣнье
Тутъ предстоитъ, что сей Богданъ, не тотъ Федотъ,
О чьемъ наслѣдіи вашъ искъ, сударь, идетъ?
Праволовъ *(обнимая его)*. — Ахъ! другъ
ты мой! дружокъ! Ахъ! другъ ты мой сердечной!
Я благодарностью тебѣ обязанъ вѣчной.
Ну, какъ же удружилъ ты этой новизной!
Наумычъ *(въ сторону)*. — Тьфу! экъ онъ
вывернулъ! — бѣсовской сынъ прямой!
Кохтинъ. — Я вамъ сказалъ, что вы обра-
дуетесь сильно.
Праволовъ. — Да какъ въ дѣлахъ твое
проворство изобильно!
Въ духовной?
Кохтинъ. — Въ ней, сударь!
Праволовъ. — Его отца?
Кохтинъ. — Отца.
Праволовъ. — Доѣду-жъ этого теперь я
молодца!
Кохтинъ. — Въ согласье важнаго такого
документа,
Я тотчасъ поспѣшилъ, не тратя ни момента,
Къ прошенью вашему прибавку учинить,
Для васъ потребно гдѣ экстрактъ перечернить;

И къ завтрашнему дню все будетъ ужъ готово.
А какъ и дѣло все пріяло образъ новый,
То новенькіе я законы пріискалъ,
И съ дѣломъ, кажется, гладенько сочеталъ.
Но если и еще чего тутъ не достанетъ,
То этотъ все, сударь, указикъ вамъ натянетъ.
(Подаетъ ему бумагу).

Праволовъ. — Подай, мой другъ! — *(Прочитавъ бумагу).* Ну, такъ одно къ другому льнетъ...
Теперь онъ отъ меня уже не ускользнетъ.
Ахъ! милый ты мой другъ! какъ я тебѣ обязанъ!

Кохтинъ. — Готовъ служить впередъ: я къ вамъ душей привязанъ.
(Потряхиваетъ камзольнымъ карманомъ).

Праволовъ. — Спасибо; вѣрю я; но вотъ на этотъ разъ
Прими, мой другъ, еще, пожалуй, за указъ.
(Хочетъ дать ему нѣсколько рублей, но Анна вбѣгаетъ, слышитъ послѣдній стихъ, и деньги остаются въ рукѣ Праволова).

ЯВЛЕНІЕ III.

Праволовъ, Кохтинъ, Наумычъ и Анна.

Анна. — Казалось: господа пріѣхали.

Праволовъ. — Анюта!
Здорово. Не дичись, стороннихъ нѣтъ вѣдь тута.
Какъ барышня спала, скажи мнѣ, ночью сей?

Анна. — Не хорошо.

Праволовъ. — А что?

Анна. — Все чудились вы ей.

Праволовъ. — Мнѣ лестно, что меня она и сонна видитъ;
Знакъ, что и наяву меня не ненавидитъ.
За эту вѣсть хочу Анюту въ первый разъ

Я подарить. *(Даетъ ей тѣ рубли, что у него остались).*

Анна *(не принимая)*. — Да вѣдь вѣсть эта не указъ;
И я не знаю ихъ.

Кохтинъ *(представляя, будто что суетъ въ карманъ кафтанной)*. — Такъ знаешь уложенье.

Праволовъ. — Пожалуй же пріими, за доброе хотѣнье.

Анна *(не принимая)*. — Изъ доброй воли не хочу желать добра.

Кохтинъ *(тихо къ Праволову)*. — Вы видите, она не падка до сребра;
Пожалуйте лишь мнѣ, я золотцомъ подброшу.
(Беретъ деньги).

Анна *(въ сторону)*. — Ахъ! какъ я лавержетъ тебѣ, срамецъ, взъерошу!
(Вслухъ) Карету слышу я, ихъ надо встрѣтить мнѣ. *(Уходитъ)*.

Праволовъ *(Кохтину)*. — Оставь съ хозяиномъ меня наединѣ.

(Наумычъ беретъ за руку Кохтина и уходитъ въ другія двери).

ЯВЛЕНІЕ IV.

Кривосудовъ, Фекла, Софія, Праволовъ и Анна.

Праволовъ. — Усердно съ праздникомъ, сударь, васъ поздравляю.

Кривосудовъ *(обнимая его)*. — Благодарю весьма; здоровья вамъ желаю.

Праволовъ *(къ Феклѣ, цѣлуя ея руку, а потомъ у Софіи)*. — И васъ, сударыня.

Фекла. — Мы вдвое должны васъ
Благодарить: съ утра вы не забыли насъ.

Кривосудовъ. — Мнѣ право совѣстно,
что вы...
Праволовъ. — Какъ вамъ не стыдно?
Фекла. — Такъ много ужъ для насъ...
Праволовъ. — Вотъ это мнѣ обидно.
Кривосудовъ. — Нѣтъ это слишкомъ
ужъ...
Праволовъ. — Нельзя-ль не вспоминать?
Фекла. — Вы разоряетесь...
Праволовъ. — Прошу же перестать.
Кривосудовъ. — Но я вперёдъ прошу..
Праволовъ. — Хоть мало пощадите.
Фекла. — Такъ много...
Праволовъ. — Иль меня вы — выжить
вонъ хотите?
Фекла. — Никакъ: вы дорогой и милый
гость у насъ;
И сердцемъ рады мы васъ видѣть каждый часъ.
Но на одинъ лишь мигъ... чтобы разоблачиться.

(Уходитъ и уводитъ Софію и Анну).

Праволовъ. — Прошу, сударыня, со мною
не чиниться.

ЯВЛЕНІЕ V.

Кривосудовъ и Праволовъ.

Во время сего дѣйствія Фекла по-часту выглядываетъ изъ дверей и показываетъ Праволову, что она даетъ ему время переговорить съ ея мужемъ. А какъ тотъ беретъ деньги, то она радостные знаки дѣлаетъ, и прочая.

Кривосудовъ. — Прошу-жъ, другъ ми-
лый, сѣсть.
Праволовъ. — Мнѣ совѣстно въ такой,
Какъ нынѣ, день скучать...
Кривосудовъ. — Пріятель дорогой!
Пожалуй, говори съ душею мнѣ открытой.

Праволовъ. — О дѣлѣ я моемъ, чтобъ лишней волокитой
Не изнурять себя, желалъ вамъ говорить.
Соперникъ мой ужъ здѣсь; онъ станетъ яму рыть.
Кривосудовъ. — Ну, да коли не правъ, такъ самъ падетъ во ону.
Праволовъ. — Но, можетъ быть, иной повѣритъ Вѣтрогону
И станетъ иначе о дѣлѣ ужъ судить;
Потребно мнѣніямъ не дать, сударь, простить.
Тѣмъ паче, что мое такъ въ дѣлѣ право свято...
Кривосудовъ. — Нѣтъ, между насъ сказать, такъ дѣло плоховато!
Праволовъ. — Вы шутите, сударь. Извольте лишь ввойтить,
Вы ясно въ дѣлѣ семъ изволите найтить,
Что не наслѣдникъ онъ... наслѣдному имѣнью;
Что несомнѣнному подвержено... сомнѣнью
Свидѣтельство, что далъ ему Уѣздный судъ;
Что хоть сосѣди всѣ и присягнули тутъ,
Но документы гдѣ и ясныя бумаги,
Не должно тамъ отнюдь уже давать присяги;
И вы-бъ увидѣли, что съ стороны его
Онъ правится ни чѣмъ; а напротивъ того
Нашли бы, что мой искъ, по купчей, мною взятой...
Кривосудовъ. — Ну, что ни говори, а дѣло плоховато!
А какъ великъ вашъ искъ?
Праволовъ. — Да только лишь село,
Отъ коего земли ужъ много отошло.
Да маленькія три при ономъ деревеньки;
Угодья хороши, да мужички бѣдненьки.
Съ осмью паствами плотина на рѣкѣ;
При томъ и сѣнокосъ и лѣсъ въ особнякѣ.
Кривосудовъ. — Я слышалъ, конской есть заводецъ тамъ богатой?
Праволовъ. — Я могъ бы услужить...

Кривосудовъ. — Да дѣло плоховато!
При томъ?
Праволовъ. — Три пустоши, хоть мѣры и
большой,
Да только кряжъ земли ужъ тутъ пришелъ дру-
гой.
Еще два озерка, да прудъ.
Кривосудовъ. — А скотъ рогатой?
Праволовъ. — Имѣется; я-бъ могъ...
Кривосудовъ. — Да дѣло плоховато!
Праволовъ. — А! кстати: слышалъ я,
назадъ тому дней пять.
Что вздумали и вы деревню покупать;
И съ выгодой притомъ?
Кривосудовъ. — Да, такъ; была затѣя.
Отсталъ.
Праволовъ. — Что-жъ?
Кривосудовъ. — Въ долгъ купить, такъ
заболитъ и шея;
Наличныхъ же дастъ Богъ.
Праволовъ. — Когда сія одна
Причина, то... а какъ послѣдняя цѣна?
Кривосудовъ. — Три тысячи.
Праволовъ. — Всего? да это даровое.
Я почиталъ, сударь, по крайней мѣрѣ вдвое.
Повѣрьте мнѣ: я вамъ совѣтую купить.
Кривосудовъ. — Я-бъ радъ; да ежели
мнѣ не чѣмъ заплатить?
Праволовъ. — Ужъ это не должно тре-
вожить вашу думу.
Я вамъ могу служить: я точно эту сумму
Имѣю, и ее мнѣ некуда дѣвать.
Кривосудовъ. — Нѣтъ; я васъ не хочу
отнюдь обременять.
Праволовъ. — Напротивъ, вы меня чрезъ
это облегчите;
И не уже-ль меня обидѣть захотите?
Вы знаете, я вамъ другъ не съ вчерашня дня.

Притомъ же я почти уже вамъ и родня:
Вы за меня отдать вѣдь дочь согласны вашу.
Кривосудовъ. — Но, милый, не вошли
еще вы въ семью нашу;
А деньги любятъ счетъ; и брать на срокъ
въ-займы...
Праволовъ. — Да въ этомъ дружески
сойдемся съ вами мы:
Вы отдадите мнѣ, какъ лишнія случатся.
Кривосудовъ. — Нѣтъ; нѣтъ.
Праволовъ. — Но у меня онѣ вѣдь залежатся.
Позвольте ими вамъ изъ дружбы услужить.
Вотъ всѣ тутъ. *(Даетъ пакетъ)*.
Кривосудовъ. — О! нѣтъ, нѣтъ.
Праволовъ. — И такъ вы оскорбить
Намѣрены меня, когда, сударь, отъ друга
Вамъ не угодна ужъ и малая услуга?
Кривосудовъ. — Да какъ?
Праволовъ. — Не тратьте словъ.
Кривосудовъ. — Нельзя вамъ отказать;
Но, ей-ей, совѣстно... *(беретъ пакетъ)*.
Праволовъ. — Опять-таки, опять!
Кривосудовъ *(встаетъ)*. — Я-жъ вамъ
росписочку...
Праволовъ. — Мы съ вами такъ ужъ
близки;
И межъ друзей, сударь, какія тутъ росписки?
Кривосудовъ. — Вы вяжете меня довѣренностью сей,
Мой милый другъ, сильнѣй, чѣмъ строгость
векселей.
(Цѣлуетъ его).
Праволовъ. — Ни въ малой для сего не
будьте вы тревогѣ.
Но эта, чаю, мнѣ деревня по дорогѣ;
Я-бъ завернулъ въ нее, чтобъ распорядокъ дать,

И обстоятельно вамъ отрапортовать,
Когда-бъ скорѣй меня отправили отселѣ.

Кривосудовъ. — Да быть такъ, ужъ добро: на этой же недѣлѣ.

Праволовъ. — Мнѣ дѣла на словахъ нельзя такъ изъяснить,
Но на бумагѣ все изволите найтить.

Кривосудовъ. — Инъ на бумагѣ мы увидимъ все какъ должно.

Праволовъ. — И такъ, надѣяться уже, сударь, мнѣ можно?

Кривосудовъ. — Да прочихъ Членовъ тожъ вамъ должно попросить.

(Дѣлая, будто считаетъ деньги).

Праволовъ. — Они наклонны всѣ мнѣ право присудить;
Лишь вы-бъ, сударь!..

Кривосудовъ. — Когда ужъ всѣ они согласны;
Инъ ужъ добро; по мнѣ вы будьте безопасны.
Да слышу, вотъ валятъ всѣ гуртомъ къ намъ они.

ЯВЛЕНІЕ VI.

Кривосудовъ, Праволовъ, Бульбулькинъ, Атуевъ, Радбынъ, Паролькинъ, Хватайко, Кохтинъ, Фекла, Софія.

(Члены входятъ въ среднюю дверь, а Фекла съ дочерью съ другой стороны).

Бульбулькинъ. — Хозяину поклонъ; счастливы долги дни.

Атуевъ. — Желаю здравствовать; усердно поздравляю.

Хватайко. — Здоровы съ праздникомъ.

Паролькинъ. — Я счастья вамъ желаю.

Радбынъ. — И-и я по-по-здра-здра-здравляю васъ.

Кохтинъ. — Да ниспослетъ Господь тьму
благъ на всякъ вамъ часъ!
Кривосудовъ. — Благодарю, друзья!
Жена! проси садиться.
Фекла.—Покорнѣйше прошу. — *(Къ Софіи)*
А ты и поклониться
Не смыслишь: — все-таки въ присядку.
Бульбулькинъ. — А! и другъ
Нашъ, Праволовъ, здѣсь.
Атуевъ *(къ Праволову)*. — Что? здорово-ль?
Праволовъ. — Для услугъ.
Паролькинъ *(къ Праволову)*. — Да
что-то не веселъ?
Хватайко. — Вѣдь вашъ онъ челобитчикъ.
(Всѣ садятся).
Бульбулькинъ. — Ну, проповѣдь! —
Прямой... этотъ всѣхъ обидчикъ...
Радбынъ. — Но пра-прав-право онъ не
безъ при-при-чи-чи-чины...
Бульбулькинъ. — Другая проповѣдь!
Атуевъ. — И тутъ не жди кончины.
Радбынъ. — До-до-до-води-дитъ и и-ино-
ногда
Насъ пра-пра-правдою до-до-до-сты-стыда.
Праволовъ *(подойдя къ Бульбулькину, тихо)*.
Венгерской Анталъ какъ?...
Бульбулькинъ. — Зеленъ и хлѣбомъ
пахнетъ.
Праволовъ *(Атуеву тихо)*. — Тѣ своры
Крымскихъ?
Атуевъ. — Ну! ужъ братъ! хоть кто такъ
ахнетъ.
Праволовъ *(къ Хватайкѣ, тихо)*. —
Карета какова? любезный Прокуроръ!
Хватайко. — Такъ гибкихъ въ жизнь мою
я не видалъ рессоръ.

Праволовъ *(къ Парольки́ну тихо)*. — Тѣ съ жемчугомъ часы?...

Парольки́нъ. — Прекрасно репетуютъ.

Кривосу́довъ. — А что же новаго по городу толкуютъ?

Парольки́нъ. — Не знаю, правда ли, а громко говорятъ,
Что Губернаторомъ къ намъ будетъ...

Бульбульки́нъ. — Кто же? братъ!

Парольки́нъ. — Слышно, что Правдолюбъ.

Кривосу́довъ. — О! упаси Владыко!
Вотъ тутъ-то, милые, ужъ въ строку каждо лыко:
Правдивъ, какъ страшный судъ, безмезденъ, капотунъ,
И человѣчества онъ общій опекунъ;
Во всяку входитъ дрянь; чтобъ съ просьбой не втесался.

Атуе́въ. — Да право я его ни мало-бъ не боялся:
Пусть Губернаторъ онъ; что-жъ? намъ онъ не судья:
Не дую въ усъ ему, сидя въ Гражданской я.

Бульбульки́нъ. — Да онъ какъ дунетъ въ усъ такъ, слышь, и съ мѣста сдуетъ.
Вѣдь какъ въ Сенатъ кого вчернѣ онъ обрисуетъ,
То покормежный въ мигъ герольдія пашпортъ...

Атуе́въ. — Да безъ суда меня, хотя-бъ онъ самъ былъ чортъ,
Не можетъ осудить.

Бульбульки́нъ. — Однако, какъ разсудитъ
За благо выгнать вонъ, то выйти вонъ принудитъ.

Кривосу́довъ *(Атуеву)*. — Вѣдь трудно, милый мой, намъ прать противъ рожна!

Хватайко́. — Послушайте: вотъ вамъ другая новизна:

За взятки, говорятъ, ужъ велѣно...

Паролькинъ. — Простите,
Что рѣчь вамъ перебью. Для Бога вразумите,
Какъ можно взятками попасть въ бѣду? вѣдь тутъ
Одинъ для давшаго и для принявшихъ судъ:
Такъ чортъ ли понесетъ кого-нибудь съ доносомъ?

Хватайко. — Ты огорошилъ насъ заботливымъ вопросомъ.
Но кратко я на то скажу тебѣ въ отвѣтъ:
Ты развѣ позабылъ, что весь издревле свѣтъ
Все на авось-либо надежду полагаетъ?

Кривосудовъ. — А что? жена! гостей вѣдь водка ожидаетъ.
Проси-жъ.

Фекла. — Покорнѣйше...

Бульбулькинъ *(къ Атуеву)*. — Ведите.

Атуевъ *(къ Бульбулькину)*. — Должно вамъ.

Кривосудовъ. — Прошу же, милые мои, не по чинамъ.

(Бульбулькинъ и Атуевъ берутъ подъ руки Феклу, Хватайко и Паролькинъ Кривосудова, Кохтинъ Радбына, а Праволовъ Софію, и уходятъ въ боковыя двери).

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Наумычъ и Архипъ.

(Вносятъ корзину съ бутылками).

Архипъ *(поставивъ корзину)*. — Тьфу, пропасть! какъ усталъ! я думалъ, надорвуся.
Покуда съ ношей сей на лѣстницу взберуся.
Ну! барина пока судьи пообберутъ,
Проклятые, меня безвинно надорвутъ.

Ужъ лучше-бъ въ ямѣ жить піявкамъ симъ годилось:
Чтобъ съ улицы пустилъ, само бы къ нимъ вкатилось.

Наумычъ. — Ну, что ты вопишь, братъ? о чемъ твоя тоска?
О, еслибъ Стряпчимъ былъ ты хотя полгодка,
То-бъ, вѣрно, проклинать не сталъ твою судьбину.
Когда-бъ былъ принужденъ нагнуть сто разъ въ день спину;
Верстъ тридцать обѣжать по городу пѣшкомъ
Въ дождь, слякоть иль морозъ и зной бумагъ съ мѣшкомъ;
Предъ солнцемъ на поклонъ не опоздать до Члена;
Ждать часикъ у воротъ, хоть грязь и по колѣна;
И какъ ни гнали-бъ прочь, а доступъ получить;
Указовъ наизустъ сто сотенъ затвердить;
Иль просидѣть съ перомъ тутъ ночи безъ засыпу,
А до удушья тамъ въ архивну врыться кипу;
Того ласкать, кого душей нельзя терпѣть;
Отъ всякаго сносить, ко всякому поспѣть;
А что несноснѣе: такъ цѣлы дни поститься,
И всѣхъ перепоить, а самому трезвиться!
Совсѣмъ тѣмъ, послѣ всѣхъ докукъ, трудовъ, хлопотъ,
Какъ дѣло иногда бываетъ въ черный годъ,
Въ непользу барина свихнется сатаною,
То прійдетъ тутъ еще отдуться и спиною.
Вотъ жизнь, какъ ты, мой другъ, Архипушка! молчи:
Поди, и около теленковъ хлопочи.

(Архипъ уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ II.

Анна и Наумычъ.

(Разставляетъ бутылки).

Анна. — Ну! какъ же тянутъ тамъ! — *(Увидя вино и корзину).* Да ба! и это ново! Вино къ десерту, знать, иль полднику готово. *(Къ Наумычу)* А вы зачѣмъ?

Наумычъ. — Зачѣмъ, не спрашивай; а съ чѣмъ?
Запасецъ этотъ я своимъ принесъ плечемъ.
За то меня, когда-бъ была не столько люта,
Ты подарить должна, безцѣнная Анюта!

Анна. — Мнѣ не чѣмъ подарить.

Наумычъ. — Хоть малый поцѣлуй.

Анна. — Тьфу! этакой наглецъ!

Наумычъ. — Пожалуй же, не плюй
Въ колодезь: можетъ быть, испить вѣдь доведется.
(Хочетъ ее обнять).

Анна *(отпихивая его).* — Поди же, отвяжись.

Наумычъ. — Ну! кто слегка такъ бьется?
Коли-жъ скупишься ты... такъ я тебѣ царю...
(Хочетъ ее поцѣловать).

Анна *(поцѣловавъ свою руку, даетъ ему оплеушину).* —
Инъ, вотъ мой поцѣлуй тебѣ.

Наумычъ. — Благодарю.

ЯВЛЕНІЕ III.

Фекла, Софія, Анна и Наумычъ.

Фекла *(входя видитъ, какъ Анна Наумычу оплеушину дала).*
(Къ Аннѣ). — Что вижу! дерзкая! кто больно такъ дерется?

Анна. — Да онъ, сударыня, невѣдь куда несется...
За вашу же я честь, — не вытерпя, — съ сердца...

Чтобъ онъ съ передняго не заходилъ крыльца
Съ подарками. *(Указывая на бутылки).*

Наумычъ *(къ Феклѣ).*—Теперь ея измѣря
пяди,
Я буду заходить, сударыня, ужъ сзади.

Фекла *(къ Аннѣ).* — Но, дура, не давай ты
воли-та рукамъ.
(Къ Наумычу) А ты, мой милый другъ, Наумычъ!
вѣдь и впрямъ
Что прямо лѣзешь такъ, то дѣлаешь не гоже;
Иному съ стороны покажется похоже
На нѣчто странное, и вѣсть Господь на что!
(Между этимъ Анна ставитъ столикъ съ картами).
Спасибо; но поди, чтобъ не увидѣлъ кто.
Какъ изъ-за столика они десертна встанутъ,
И на просторъ сюда гуртомъ ужъ всѣ нагрянутъ,
То приходи и ты.

(Наумычъ уходитъ).

Фекла *(къ Аннѣ).* — А ты поторопися,
И стулья для гостей разставь: вотъ оглянися,
Всѣ идутъ.

Анна *(въ сторону).* — Пьяные.

Фекла *(услышавъ и замахнувшись на Анну).* — Знать, хочешь ты румянъ?

ЯВЛЕНІЕ IV.

Фекла, Софія, Анна, Кривосудовъ, Праволовъ, Бульбулькинъ, Атуевъ, Радбынъ, Паролькинъ, Хватайко, Кохтинъ и Наумычъ.

(Выходятъ всѣ полупьяные).

Хватайко. — Ну, столъ, ужъ прямо столъ! — Все вмѣстѣ: сытъ и пьянъ.

Паролькинъ. — Десертъ!

Бульбулькинъ. — Напиточки!

Атуевъ. — Откудова что взято!

Кривосудовъ. — Нѣтъ; что-то поваръ
нашъ сегодня плоховато...
Фекла. — Немного запился.
Бульбулькинъ. — Да празднику кто
радъ,
Тотъ до свѣта ужъ пьянъ.
(Къ Хватайкѣ) А что? не правда-ль? братъ!
Хватайко. — Пословица не лжетъ.
Праволовъ. — А тотъ, кто время тратитъ,
Она-жъ вѣдь говоритъ, что дорого заплатитъ.
Хватайко. — Къ чему словцо?
Праволовъ *(указывая на карты)*. — Къ
тому, что множество червей
Въ колодахъ сихъ давно свободы ждутъ своей.
Паролькинъ *(къ Кривосудову)*. — Онъ
правъ: пора пустить ихъ по зелену полю
Ну, Прокуроръ, рѣши колодничью неволю;
Тебѣ вступиться долгъ.
Кривосудовъ. — Изволь, мой другъ,
изволь.
Кто какъ?
Праволовъ *(раздаетъ карты)*. — Мы
наберемъ: я съ вами въ рокамболь,
Совѣтникъ въ помощь вамъ.
(Указывая на Бульбулькина, который беретъ карту).
Паролькинъ.—А кто-жъ въ заповѣдную?
Я банка не мечу.
Праволовъ. — Добро; и васъ обдую:
Я дѣлаю вамъ банкъ. Наумычъ, ты мечи;
(даетъ ему ассигнаціи)
Да знаешь, пяль глаза и всячески щечи.
Фекла. — А кто-жъ со мной въ пикетъ?
Праволовъ. — Сударыня, простите;
Вы нашу партію вѣдь окончать хотите.
Я къ вамъ. — *(Кривосудову)* А за себя, чтобъ
васъ не разлучить,

Позвольте моего мнѣ друга посадить.

(Указывая на Кохтина).

Кривосудовъ. — По мнѣ вы какъ хотя.
Бульбулькинъ. — А я и радъ размѣну.
Кривосудовъ. — Какую-жъ нашей мы
игрѣ поставимъ цѣну?
Праволовъ. — Я по пяти рублей; а
меньше николи.
(Къ Кохтину) Садись, мой другъ, но лишь пожа-
луй не соли.
Бульбулькинъ. — Да годовой окладъ
съ насъ этакъ сбрить изволишь
Въ три пули, ежели да намъ не помирволишь.
Кривосудовъ. — Не горячись, дружокъ:
а то и впрямь бобыль.
Бульбулькинъ. — Я радъ бы; но ког-
да пожалуетъ шпадиль;
Она не документъ: не выбросишь изъ дѣла.

(Всѣ садятся; по срединѣ въ ломберъ играющіе. — На одной сторонѣ Фекла съ Праволовымъ; а на другой играющіе въ банкъ. Близъ Феклы на канапе Софія, которая потомъ, сыскавъ тутъ книжку, читаетъ).

Наумычъ. — Да что же на столѣ налич-
наго нѣтъ мѣла?
Хватайко. — А много-ль въ банкѣ-та
наличныхъ?
Наумычъ. — Сотни три.
Праволовъ. — Наумычъ! не ударь ты
въ грязь лицемъ, смотри.
Паролькинъ. — Какъ ни смотри, ни
зги въ двѣ таліи не взвидитъ.
Атуевъ. — А я боюсь, что онъ вельми
насъ всѣхъ обидитъ.
Хватайко. — Снимайте: полно вамъ по-
роть-та дребедень.

Фекла. — А мы по старинѣ? по четверцѣ поэнь?

Праволовъ. — Когда угодно вамъ.

Фекла. — И также все съ рефетомъ?

Праволовъ. — На что, сударыня, и спрашивать объ этомъ.

Кривосудовъ. — Жена! рефетомъ ты не замори гостей.

Фекла. — Ахъ! кстати-ль! — Софьюшка! ну! встань, почародѣй.

И пуншикъ изготовь.

Софія. — Ахъ! я вѣдь не умѣю.

Фекла. — Какая ты и впрямь! — *(Къ Аннѣ)* А ты что пялишь шею?

Ну, двинься же хоть ты.

Хватайко. — Нѣтъ, дама не везетъ.

Такъ атанде; авось мнѣ вывезетъ валетъ. — Тьфу пропасть; соника: и этотъ вонъ изъ кона!

Кривосудовъ. — Вотъ штрафъ за то, что ты идешь противъ закона,

И въ запрещенную игру...

Хватайко. — Да, видно, намъ

Въ нее играть судьба, съ поры той, какъ Адамъ

Въ нее наслѣдное все проигралъ имѣнье.

Бульбулькинъ. — Ха, ха! ха, экой вздоръ! какое заключенье!

Вотъ въ мнѣніяхъ твоихъ всегда подобный вздоръ,

Ты предлагаешь намъ, почтенный Прокуроръ!

Ну! отъ кого, скажи, наслѣдіе Адаму?

Хватайко. — Да отъ кого-нибудь, а надобно-жъ...

Парольлькинъ. — Тьфу! даму

Я, слушая вашъ вздоръ, какъ олухъ прозѣвалъ.

Праволовъ. — Позвольте, чтобы я за Прокурора сталъ.

И я готовъ теперь представить вамъ урода,

Который безъ отца, безъ племени, безъ рода,

Наслѣдіе беретъ: а именно таковъ

Точь въ точь соперникъ мой, молодчикъ Прямиковъ.

Бульбулькинъ. — Ну! докажи же намъ; то быть такъ, всѣмъ соборомъ.
Пожалуемъ тебя мы нашимъ Прокуроромъ.

Атуевъ *(вполголоса)*. —Экъ онъ объѣхалъ слѣдъ!

Парольнкинъ *(вполголоса)*. — Ей, ей, не безъ ума.

Хватайко *(вполголоса)*. — Великій тутъ скачокъ, хоть линія пряма!

Радбынъ *(вполголоса)*. — Отъ Пря- Прямико-кова до-до-Ада-дама?

Парольнкинъ. — Насилу наконецъ мнѣ выиграла дама.

Праволовъ *(оборачивается къ нимъ, а между тѣмъ Фекла подбираетъ карты)*. —
Охотно; и на вашъ я посылаюсь судъ.
Покойный Прямиковъ, и нѣтъ сомнѣнья тутъ,
Имѣлъ лишь одного во всю свою жизнь сына,
Котораго ужъ нѣтъ! скора была кончина.
Гдѣ точно умеръ онъ, вамъ не могу сказать;
Сколь ни желалъ, того не предуспѣлъ узнать.
Но звался онъ Федотъ; такъ вписанъ въ родословной,
И даже у отца такъ названъ и въ духовной.
Сей, напротивъ того, зовется ужъ Богданъ;
И такъ вы видите, что явной тутъ обманъ:
И что чрезъ хищное, неправедное средство,
Федотово къ себѣ Богданъ прибралъ наслѣдство.

Наумычъ *(Хватайкѣ)*. — Вы лишній уголокъ..

Бульбулькинъ *(Праволову)*. — Прямой ты Прокуроръ!
Отдать я долженъ честь.

Хватайко *(Бульбулькину)*. — Кто я? да я не воръ.

Бульбулькинъ *(Хватайкѣ)*. — Льнетъ
развѣ и къ тебѣ?
Хватайко. — Не гну и пальца даромъ.
Наумычъ *(Хватайкѣ)*. — Берете шутку
вы съ такимъ, какъ правду, жаромъ.
Радбынъ. — Ра-развѣ Бо-Богданъ не не
Фе-Фе-Федотъ?
Атуевъ. — Ты видишь тутъ сбылось: Фе-
дотъ-де, да не тотъ.

ЯВЛЕНІЕ V.

Тѣ жъ и Прямиковъ.

Праволовъ *(Увидя входящаго Прямикова)*. — Что-жъ онъ Богданъ, то хоть у самого
спросите.
Да кстати, вотъ онъ самъ.
Хватайко. — Чортъ проситъ.
Прямиковъ *(Кривосудову)*. — Извините,
Что дружескую я бесѣду помѣшалъ.
Я съ праздникомъ, сударь, поздравить васъ
желалъ.
И вамъ, сударыня, отдать мой долгъ.
Фекла. — Садиться
Прошу *(Прямиковъ цѣлуетъ руку Софіи и садится возлѣ нея)*. Сюда, прошу ко мнѣ перемѣститься.
Прямиковъ. — Мнѣ хорошо и здѣсь.
Кривосудовъ. — Какъ васъ, сударь,
зовутъ?
Прямиковъ. — Къ чему вопросъ? —
Богданъ.
Праволовъ *(вполголоса)*. — Лгу-ль я?
Хватайко. *(вполголоса)*. — Тутъ ясный
судъ.
Прямиковъ. — А вижу... я-было сперва
и не примѣтилъ.
Здѣсь кстати моего соперника я встрѣтилъ,
Мы можемъ на словахъ вамъ дѣло объяснить.

Кривосудовъ. — Но мы словесныхъ
дѣлъ не можемъ вѣдь судить.
Прямиковъ. — Я не суда прошу, а
только разсужденья.
Бульбулькинъ. — Да до суда нельзя
открыть судейска мнѣнья.
Прямиковъ. — Но правду открывать
вамъ не запрещено.
Кривосудовъ. — Да не келейно такъ
въ дому.
Прямиковъ. — Не все-ль одно,
Гдѣ вы ее, сударь, и какъ бы ни сыскали?
Но сверхъ того, когда-бъ вы истину узнали,
То бы неправаго могли вы устыдить,
И съ нимъ меня, сударь, безъ тяжбы примирить.
Я въ правости моей на судъ вашъ полагаюсь.
Кривосудовъ. — Но я, сударь, въ дѣ-
ла чужія не мѣшаюсь:
На то вѣдь Совѣстный лишь установленъ Судъ.
Мирить на свѣтѣ всѣхъ ему лишь ввѣренъ трудъ.
Наумычъ *(вполголоса)*. — Мирится; ста-
ло быть, не правъ.
Хватайко *(вполголоса)*. — Не правъ, ко-
нечно:
Кто за свое пойдетъ мириться?
Кривосудовъ. — Я сердечно
Радъ миру; но, сударь, я право вамъ не лгу:
Въ чужія я дѣла мѣшаться не могу.
Вы въ Совѣстный бы Судъ пошли.
Прямиковъ. — Я радъ иттить;
Но милости его не могъ уговорить.
Праволовъ. —Въ Судъ Совѣстный, су-
дарь, вы, знать, затѣмъ спѣшите,
Что снисхожденье въ немъ къ себѣ сыскать
хотите;
А я, безмездіе и истину любя,
Такъ правымъ въ искѣ семъ, по чести, чту себя,
Что спорнаго всего наслѣдства и имѣнья

Достать я не хочу отнюдь изъ снисхожденья;
Но чтобы чистымъ мнѣ предъ цѣлымъ свѣтомъ быть,
Закономъ лишь его желаю получить.

Бульбулькинъ. — Когда бы стали всѣ судящіесь мириться,
На что-бъ казнѣ тогда другимъ судамъ платиться?
А плату бравъ, судить должны мы какъ ни есть,
Чтобъ хлѣба царскаго по пустякамъ не ѣсть.

Прямиковъ. — Когда же вы судить хотите непремѣнно...

Праволовъ. — Я правъ; хотя судить предъ цѣлою вселенной.

Прямиковъ. — То въ краткихъ я словахъ...

Кривосудовъ. — Да на бумагѣ мы...

Хватайко. — Ахъ! кто-бъ избавилъ насъ отъ этой кутерьмы?

Паролькинъ. — Не легко принесло!

Прямиковъ. — Вамъ объясню все дѣло;
И если что не такъ, сказать онъ можетъ смѣло.

Праволовъ. — Но ябедъ, сударь мой, отнюдь я не ученъ.
Что-жъ я неправедно имѣнія лишенъ,
То мой повѣренный законами вамъ тѣми...

Наумычъ (*вскоча съ мѣста*). — Готовъ вамъ доказать предъ каждымъ и предъ всѣми.

Прямиковъ (*къ Праволову*). — Не съ нимъ, а съ вами я бесѣдовать желалъ.

Праволовъ. — Я неучъ въ ябедахъ. Уже вамъ разъ сказалъ.

Прямиковъ. — Но изъясняться съ нимъ и подло мнѣ и низко;
Вамъ такъ же, какъ и мнѣ, вѣдь ваше право близко.

Праволовъ. — Вамъ ближе лихъ оно.

Прямиковъ. — Мнѣ ближе! мнѣ? а какъ?

Праволовъ. — А такъ, что въ вашихъ все
имѣніе рукахъ;
А съ правомъ я моимъ лишь по судамъ таскаюсь.
Моимъ живете вы, — а я лишь разоряюсь.
Прямиковъ. — Но я согласенъ вамъ
теперь же все отдать,
Лишь право мнѣ свое извольте доказать.
Праволовъ. — Я вамъ твержу, сударь,
что ябеды не знаю.
Прямиковъ (*нѣсколько горячо*). — Сто-
кратъ васъ менѣе ее я понимаю.
Не ябедничать здѣсь, а правду говорить...
Праволовъ. — Я вижу, вы меня готови-
тесь бранить;
Но я вамъ уступлю изъ уваженья къ дому.
Прямиковъ (*съ горячностью*). —Не брань,
а истину...
Фекла. — Да этому содому,
Какъ вижу я, отнюдь не будетъ и конца.
(*Къ Прямикову*) Домъ отпертъ мой, сударь, вѣдь
не для наглеца:
Я не стерплю, чтобъ кто гостей въ немъ и сло-
вами...
Прямиковъ. — Безвинно виноватъ, су-
дарыня, предъ вами.
Я почитаю васъ и почитаю всѣхъ.
Но словъ хочу ему сказать не больше трехъ,
И не о дѣлѣ семъ, повѣрьте мнѣ, божуся.
(*Праволову, отведя въ сторону*) Послушайте.
Праволовъ. — Ну, что? ни мало не боюся.
Прямиковъ (*вполголоса*). — Бояться не-
чего: я то хочу сказать,
Что ябеды тебѣ не стану запрещать;
Какъ хочешь каверзи, вывертывай указы,
Но если въ домѣ семъ дерзнешь ты дочь любить,
И если вздумаешь ея ты мужемъ быть,
То я тебѣ божусь, что эту тяжбу нашу
Рѣшу тѣмъ, что тебя какъ чорта окарнашу;

И по міру пущу безъ носа, безъ ушей.
Порука сабля въ томъ; повѣрь, пожалуй, ей;
Она не шутитъ вѣдь. — Ну! помни-жъ.

Праволовъ. — Не забуду.

Прямиковъ. — Помѣхой пиршеству я вашему не буду.
Покорный всѣхъ слуга, — (*къ Софіи*) а особливо вашъ. (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ VI.

Тѣжъ, выключая Прямикова.

Бульбулькинъ. — Какой же бѣшеный наглецъ!

Фекла. — Какая блажь!

Хватайко (*Праволову*). — Да что тебѣ,мой другъ, на память онъ оставилъ?

Праволовъ. — Такъ ничего: просилъ, чтобъ я себя избавилъ
Отъ нарастающихъ и суетныхъ хлопотъ.

Бульбулькинъ. — Впрямь, видно, Богомъ данъ тебѣ, братъ, сей Федотъ:
Хлопочетъ о тебѣ какъ другъ.

Праволовъ. — Да вы шутите...

Кривосудовъ. — Бетъ мой...

Кохтинъ. — И этотъ вашъ! для Бога пощадите.
Я въ пухъ ощипанъ.

Бульбулькинъ. — А! чужой вѣдь щиплемъ пухъ.

Праволовъ. — Да чаще каски-та хватай, сердечный другъ!

Кохтинъ. — Высокородный всё грандиссимо хватаетъ.

Парольлькинъ (*Праволову*). — Душеприсяжный твой кругомъ насъ обираетъ.

Праволовъ. — Да такъ и надлежитъ. (*Къ Наумычу*) Но кстати ты бы всталъ.

(*Кривосудову*) Позволите-ль, чтобъ онъ намъ
пуншикъ сработалъ?
Онъ мастеръ.

Кривосудовъ. — Хорошо.

Бульбулькинъ. — И впрямь; а то
красотка
Насъ какъ на водопой...

Наумычъ (*подошедъ къ Аннѣ*). — Вотъ
тамъ въ корзинѣ водка.

Фекла. — Капотъ.

Праволовъ. — Такъ истинно.

Кривосудовъ. — Да кто-жъ?

Праволовъ. — Да я капотъ.

Бульбулькинъ. — Вотъ это сработалъ
проклятый все Федотъ.

Радбынъ (*къ Хватайкѣ, который подсматриваетъ карты*). — Что ты, ты кар-кар-кар...

Хватайко (*зажимая ему ротъ*).— Ну, полно же ты каркать.

Паролькинъ. — Пора, Наумычъ, слышь;
покинь ты съ ней балакать.

Кривосудовъ. — Что-жъ, Анна! впрямь
куда ты такъ отъ насъ ушла?
Ты-бъ пуншу новаго стаканы поднесла;
А мы-бъ тебѣ сполать.

Фекла (*Аннѣ*). — Поди-жъ, поторопись.

(*Во все это время Анна подноситъ пуншъ и вино гостямъ, по частымъ знакамъ Феклы: а гости постепенно пьянѣютъ*).

Атуевъ. — А, а! доѣхали!

Праволовъ. — Что?

Паролькинъ (*показывая на Наумыча*). — У него спросися.

Наумычъ. — Да что; бѣда, сударь, и я уже
капотъ.

Праволовъ. — Смѣлѣй; лови секурсъ.
(*Бросаетъ кошелекъ*).

Бульбулькинъ. — Вотъ это все Федотъ.
Праволовъ. — Да вамъ Федотъ лишь смѣхъ; а мнѣ ужъ съ симъ Федотомъ.
Кривосудовъ. — Но что-жъ? коли и впрямь какимъ-нибудь комплотомъ
Богданъ Федотово имѣніе заѣлъ,
Такъ есть на это вѣдь законъ.
Кохтинъ. — Ужъ я велѣлъ
Прибрать и вынесть всѣ.
Кривосудовъ. — Я чаю, въ уложеньи?...
Кохтинъ. — Есть множество, сударь.
Паролькинъ.— И также въ учрежденьи?...
Кохтинъ. — Имѣется.
Бульбулькинъ. — Нельзя, чтобъ не гласилъ указъ...
Кохтинъ. — Гласятъ и многіе.
Хватайко. — Яснѣй всего Наказъ
Объ этомъ говоритъ, въ статьѣ той, гдѣ... объ этомъ...
Атуевъ. — Вотъ темна пароли.
Паролькинъ. — Тузъ на ряду съ валетомъ.
Кривосудовъ. — Вѣдь то же къ этому законъ идетъ и тотъ,
Гдѣ за поступокъ лживъ?...
Кохтинъ. — Идетъ, сударь! идетъ.
Бульбулькинъ. — И если регламентъ да согласить съ наказомъ...
Кохтинъ. — То сходно будетъ все съ помянутымъ указомъ.
Хватайко. — Ну, такъ чего-жъ? и вамъ весьма короткій судъ.
Кривосудовъ. — Федота въ сторону; Богданъ конечно плутъ;
И должно, отобравъ Федотово имѣнье,
Отдать кому есть слѣдъ. Мое такое мнѣнье.
Бульбулькинъ. — И я то-жъ мню.
Атуевъ. — И я.

Паролькинъ. — Ия.
Радбынъ. — И-и-и-я.
Хватайко. — Съ столь общей мыслію
согласна мысль моя.
Праволовъ. — Благодарю васъ всѣхъ.
Кривосудовъ. — Законы всѣ отчасти
Клеятся.
Анна (*вполголоса, собирая на полу карты*). —
Станемъ же и мы клеить масть къ масти.
Кривосудовъ. — Что-жъ пуншу?
Фекла. — Анна! что-жъ проворнѣй подноси,
И чаще и кругомъ; да милости проси.
Бульбулькинъ. — Мы скоро у нее ужъ
милости попросимъ.
Кривосудовъ. — Когда-бъ кто пѣсенку.
Паролькинъ. — Да лучше карты бро-
симъ:
Не стала дама везть.
Атуевъ. — Ты тяжело кладешь.
Кривосудовъ (*Хватайкѣ*). — Любезной
Прокуроръ! Ты хорошо поешь:
Запой намъ.
Хватайко. — Радъ душой; да голоса-та
нѣту.
Кривосудовъ. — Ну, какъ-нибудь.
Бульбулькинъ. — Мы всѣ пристанемъ
для комплекту.
Хватайко (*поетъ*). —

Бери, большой тутъ нѣтъ науки;
Бери, что только можно взять,
На что-жъ привѣшены намъ руки,
Какъ не на то, чтобъ брать?

(*Всѣ повторяютъ*): брать, брать, брать?

(*Софія, заткнувъ уши, уходитъ*).

Кривосудовъ. — Ей браво! хорошо!
Хватайко. — Вѣдь самъ сложилъ словца.

Бульбулькинъ. — Да по работѣ какъ
ужъ не узнать творца?
Праволовъ. — А что, схватили?
Паролькинъ. — Наконецъ.

(*Встаютъ и попиваютъ. Наумычъ имъ подноситъ*).

Кохтинъ. — Такой же и моей игрѣ, сударь,
вѣнецъ.
Безсчестно проигралъ.
Праволовъ. — И такъ спустилъ я много!
Но какъ быть! не всегда щечиться изъ чужого.
(*Смѣется*).
Фекла. — Не такъ-то много: вотъ почти и
ничего.
Праволовъ. — Да такъ, сударыня, четы-
реста всего.

(*Встаетъ онъ и Фекла*).

Фекла. — Да что же, Анна, ты на стѣны
зазѣвалась?
Носи кругомъ; ужъ ты совсѣмъ избаловалась.
Бульбулькинъ. — Насилу вотъ и мы
послѣднее беремъ?
Конецъ. — (*Встаютъ и они*).
Праволовъ. — А сколько же считается
на комъ?
Бульбулькинъ. — Почти что на тебѣ
весь счетецъ остается:
Мнѣ двадцать восемь призъ.
Кривосудовъ. — Мнѣ сорокъ доведется.
(*Къ Бульбулькину*) Съ васъ восемь.
Бульбулькинъ. — Такъ.
Праволовъ. — Ну, я довольно просолилъ.

(*Платитъ Кривосудову и Бульбулькину*).

Извольте-жъ проигрышъ.
Кривосудовъ. — Да я бы погодилъ.
Праволовъ. — Нѣтъ, я люблю платить:
вѣдь денежка счетъ любитъ.

(*Платя Бульбулькину, вполголоса*).

Мой проигрышъ никто, я чаю, не раструбитъ.

Бульбулькинъ (*вполголоса*).—Никто, никто.

(*Къ Кривосудову вслухъ*) А съ васъ по старымъ сколько я?...

Кривосудовъ (*вынимая записную книжку*). — Сочтемъ тотчасъ: при мнѣ записочка моя.

Праволовъ (*къ Атуеву*). — Я въ дѣлѣ лишь на васъ надежду неизмѣнну...

Атуевъ (*насилу стоя на ногахъ*). — Надѣйся на меня какъ на кремлевску стѣну.

Праволовъ (*къ Паролькину*). — Могу ли въ дѣлѣ я на васъ?

Паролькинъ (*обливъ руку пуншемъ*). — Хоть согрѣшу,
Пусть высохнетъ рука, коли не подпишу.

Праволовъ (*къ Радбыну*). — На васъ надѣяться я какъ на друга стану.

Радбынъ (*указывая на товарищей, попивающихъ и поющихъ: бери...*). — Ужъ отъ-отъ-отъ-отъ нихъ я не от-от-отстану.

(*Выпиваетъ стаканъ*).

Праволовъ (*къ Бульбулькину*). — Позволите-ль на васъ надежду въ дѣлѣ класть?

Бульбулькинъ. — Скажи Секретарю. А онъ что мнѣ подастъ...

(*Кохтинъ подаетъ ему бокалъ, а онъ беретъ его и выпиваетъ*).

То я хоть этими обѣими руками...

Праволовъ (*къ Хватайкѣ*). — Я васъ межъ лучшими моими чту друзьями,
И вашей помощи всѣхъ болѣе ищу.

Хватайко. — Свахляютъ пусть они. — А я ужъ пропущу.

(*Выпиваетъ стаканъ*).

Праволовъ (*къ Кривосудову*). — На васъ я въ дѣлѣ ужъ...

Кривосудовъ. — Да дѣло-то худенько! Вѣдь штрафъ пятьсотъ рублей, такъ надо бережненько!..

Праволовъ (*дѣлаетъ въ сторону знакъ неудовольствія*). — (*Ласково*) Когда случится что, я ихъ плачу за васъ;

Надежны будьте.

Кривосудовъ. — Такъ: но лучше бы въ запасъ...

(*Дѣлаетъ, будто деньги считаетъ*).

Праволовъ. — Такъ я ихъ поутру пришлю въ сохранность вашу.

Кривосудовъ (*указывая на Членовъ, поющихъ: бери...*). —

Инъ быть такъ: — съ ними ужъ я не порозно глашу.

Праволовъ (*Кохтину*). — У всѣхъ теперь ужъ я настроилъ дѣло въ ладъ.

Ты помощь окажи. — А это на въ закладъ.

(*Даетъ ассигнацію*).

Могу-ль надѣяться?

Кохтинъ (*подставляя карманъ кафтанной*).

Извольте положить — ся.

Праволовъ (*ко всѣмъ*). — Однако, не пора-ль съ хозяиномъ проститься?

Бульбулькинъ. — Пора; покойна ночь!

Атуевъ. — Прощайте; ужъ пора.

Хватайко. — Слуга вашъ. Сладка сна!

Радбынъ. — Пора-ра насъ съ двора.

(*Гости уходятъ, обнявшись и припѣвая: бери, бери,... а Фекла и Анна подъ руки отводятъ Кривосудова*).

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Софія и Анна

(*въ спальномъ платьѣ*).

Анна. — Зачѣмъ, сударыня, вы такъ ранень-
ко встали?
Софія. — Я не могла всю ночь очей сомкнуть
съ печали!
Несносный Праволовъ всю ночь мечтался мнѣ.
Покою отъ него мнѣ нѣтъ ужъ и во снѣ!

ЯВЛЕНІЕ II.

Софія, Прямиковъ и Анна.

Прямиковъ. — Не ждалъ я счастія такъ
рано тутъ васъ встрѣтить.
Софія (*въ сторону*). — Ахъ, еслибъ слезъ
моихъ онъ не успѣлъ примѣтить!
Прямиковъ. — Да что! мнѣ кажется, вы
грустны? вы въ слезахъ!
Софія. — Нѣтъ: такъ; такъ ничего.
Прямиковъ. — А слезы на глазахъ!
О чемъ грустите вы? сударыня, хоть взгляньте...
Анна (*Прямикову*). — Вотъ баринъ съ бары-
ней къ намъ идутъ: перестаньте,
Сударь!

ЯВЛЕНІЕ III.

Кривосудовъ, Фекла, Прями-
ковъ, Софія и Анна.

Прямиковъ. — Простите мнѣ столь ран-
ній мой приходъ...
Желанье вамъ служить меня, сударь, ведетъ
Все ваше позабывъ ко мнѣ жестокосердье,
Я поспѣшаю вамъ не лестное усердье,

Привязанность мою на дѣлѣ изъявить;
И хоть васъ, можетъ быть, могу и огорчить
Сей откровенностью; однако же рѣшился
Сказать, что отъ друзей вчера я извѣстился
О предстоящей вамъ опасности: Сенатъ,
По разнымъ жалобамъ. на васъ вошелъ въ докладъ;
И если вы, сударь, умедлите взять мѣры,
То не хорошо...

Ф е к л а (*отпихивая Кривосудова*). — Какія же химеры!
Какія пустяки! Отколь нанесъ вѣстей?
И кто къ намъ въ домъ просилъ непрошенныхъ гостей?
Невѣдь зачѣмъ, невѣдь откудова ввернулся.
Служивой, батюшка! иль ты ума рехнулся,
Что съ вздоромъ этакимъ втесался ты въ нашъ домъ?
Отколь въ головушку твою такой содомъ,
Сумбуръ и ералашъ вселился? мой родимой!
Или нельзя воротъ проѣхать нашихъ мимо?
Иль на тебя нашелъ благой не въ пору часъ?

П р я м и к о в ъ. — За искренность мою не ожидалъ отъ васъ...

Ф е к л а. — Да съ искренностью сей тебя мы къ намъ не ждали.
Съ чего тебѣ объ насъ вдругъ хлопоты припали?
Откудова, Богъ вѣсть, зачѣмъ влетѣлъ въ Сенатъ;
Отколь взялъ жалобы, куда вошелъ въ докладъ;
Какія мѣры брать, аршинны иль саженны?

(*Размахнувъ руками*).

П р я м и к о в ъ. — Напрасно на меня вы столько раздраженны.
Я мнилъ...

Ф е к л а. — Пожалуй, ты, сударь, что хочешь мни,
Но съ дрянью къ намъ такой впередъ не загляни.

Кривосудовъ (*къ Феклѣ, становясь между ею и Прямиковымъ*). —
Но, милый мой дружокъ, престань же горячиться,
И дай порядочно безъ жару мнѣ спроситься...
Фекла (*отпихивая Кривосудова*). — О чемъ тутъ спрашивать? вѣдь тутъ одинъ распросъ.
Одинъ допросъ: зачѣмъ въ нашъ домъ Господь занесъ?
Прямиковъ. — Для вашей пользы я...
Фекла. — Трудился безполезно.
Прямиковъ. — Любя вашъ домъ...
Фекла. — Прошу такъ не любить любезно.
Кривосудовъ (*становясь между Феклою и Прямиковымъ*). —
Но дай, жена! Хоть словъ...
Фекла (*отпихивая Кривосудова*). — Да что ужъ тутъ болтать?
Пожаловалъ къ намъ въ домъ затѣмъ, чтобъ насъ ругать.
Прямиковъ. — Возможно-ль мнѣ ругать!
Фекла. — Да какъ же не ругаешь?
И жалобами намъ и всѣмъ ты попрекаешь.
Какія жалобы? и жаловался кто?
Когда, какъ, почему, кому, гдѣ, и за что?
Прямиковъ. — Когда изволите, я покажу вамъ ясно...
Фекла. — Показывать ты мнѣ изволишь тутъ напрасно,
Гдѣ нечего, хоть будь указка показать.
Да что противу насъ кто можетъ доказать?
Кого мы безъ суда имѣнія лишили?
Кого не по словамъ закона разорили?
Кого?..
Кривосудовъ (*становясь между Феклою и Прямиковымъ*). —
Позволь, жена, мнѣ только слова три...

Ф е к л а (*отпихивая Кривосудова*). — Въ дому лихъ я вольна; въ судѣ ты знай смотри.

П р я м и к о в ъ. — Но я...

Ф е к л а. — Но ты, кто ты? голубчикъ! я не знаю,
Не знала и впередъ знать вѣчно не желаю.
Пріѣхалъ клеветать!

С о ф і я. — Ахъ, нѣтъ; не клеветать
Онъ, матушка!..

Ф е к л а. — Что? что? тебѣ какая стать,
Безумная! въ дѣла стороннія мѣшаться,
За незнакомаго противъ меня вступаться?
Вотъ по-заморскому намъ воспитали дуръ!
Ты-бъ знала свой филе вязать, строчить тамбуръ,
Стучать на кляузахъ, иль гарпой утѣшаться,
А не туда, куда не вѣдаешь, мѣшаться.
Поди-жъ, безумная! въ каморку уплетись;
И слышь, мнѣ на глаза день цѣлый не кажись.

(*Софія уходитъ*).

А н н а (*къ Феклѣ*). — Напрасно на нее...

Ф е к л а. — И ты туда-жъ, скотина!
Знать, около ушей свербитъ твоя личина.
Я всею пятерней ее пощекочу;
И скверной твой языкъ тотчасъ укорочу.
Негодна! сгибни въ мигъ за барышней твоею;
Или ты слышала? я всею пятернею...

(*Анна уходитъ бѣгомъ*).

П р я м и к о в ъ. — Мнѣ жаль, сударыня!..

Ф е к л а. — И мнѣ, сударикъ, жаль,
Что въ домъ нашъ суется не звана всяка шваль,
Затѣмъ, чтобъ этаки намъ причинять досады.

П р я м и к о в ъ. — Такъ я оставлю васъ.

(*Уходитъ*).

Ф е к л а. — Весьма мы будемъ рады.

ЯВЛЕНІЕ IV.

Кривосудовъ и Фекла.

Фекла. — Насилу съ рукъ сжила! какой же онъ вострякъ!
А на тебя, сударь, наѣхалъ, знать, столбнякъ.
Стоишь, какъ словно пень: не шевелишь языка:
Все стряпай за тебя отъ мала до велика.

Кривосудовъ. — Ну, хорошо же ты настряпала теперь
По шеѣ чуть его не вытолкнула въ дверь.
Ну, было ли за что такъ сильно разсердиться?
Онъ, можетъ быть, и впрямь хотѣлъ намъ подслужиться,
А ты, не распрося, откуда, кто таковъ?..

Фекла. — Вздоръ; я узнала вѣдь, что это Прямиковъ,
И что онъ лишь затѣмъ въ домъ нашъ и завернулся,
Чтобы пустыхъ его ты бредней ужаснулся,
И Праволову бы въ рѣшеньи измѣнилъ.
Но плохости твоей онъ умыслъ сочинилъ.
Провѣдалъ, видно, онъ, что ты трусливой роты.

Кривосудовъ. — Хоть это и пустякъ, однако безъ заботы
Съ дѣлами нашими, жена, не можно жить:
Чему не должно-бъ, иногда то можетъ быть
Ты знаешь, вѣдь, и заячія уши
Рогами назовутъ, то пойдутъ уши тпруши.

Фекла. — Вотъ трусость ты свою самъ назвалъ пустякомъ,
А въ тотъ же самый мигъ явился русакомъ;
Но старое дитя, скажи мнѣ, какъ не стыдно
Вдругъ струсить отъ того, что ложно очевидно?
Отколь молодчику извѣстенъ сталъ Сенатъ?
Откуда знать ему, что онъ вошелъ въ докладъ?
И какъ, не разсудя сперва, не разсмотряся,

Идти докладывать, уму не доложася?
Да и докладывать о чемъ? скажи, родной!
Дѣла твои текутъ своею чередой,
Какъ и вездѣ: такъ тутъ о чемъ и доложиться? —
Вѣдь всей святой Руси въ докладъ не помѣ-
ститься;
И съ этой стороны спокойся; такъ о чемъ
Еще? о взяточкахъ? такъ мы лихъ не беремъ:
А принимаемъ лишь, что насъ принять неволятъ.
Кривосудовъ. — Жена! я ужъ сказалъ:
не вѣчно слышь мирволятъ.
Не все двуличную даетъ расправу судъ;
Ино вѣдь взятками пріемы назовутъ,
И такъ какъ...
Фекла. — Нѣтъ лихъ, нѣтъ; не назовутъ,
божуся
Да какъ не видишь ты, тому вотъ я дивлюся,
Что симъ враньемъ тебя лишь хочетъ онъ отвесть
Отъ Праволова?
Кривосудовъ. — Но, жена, какъ тутъ
да есть...
Фекла. — Нѣтъ ничего; а что и есть, то
все пустое.
Кривосудовъ. — Что ни на есть...
Фекла. — Ну, слышь, нѣтъ ничего.
Кривосудовъ. — Такое...
Фекла. — Такого ничего, слышь, нѣтъ.
Кривосудовъ. — То будешь ты...
Фекла. — Пока я буду что; а это пустоты.
Кривосудовъ. — Виною...
Фекла. — Инъ быть такъ; но этой новизною,
Пустыми страхами и вздорной чепухою,
Пожалуй, перестань мнѣ голову ломать.
(Съ жаромъ).
Иль хочешь ты меня и съ свѣта ужъ согнать?
Кривосудовъ. — Ну, инъ добро, мой
другъ, не стану, успокойся.
Я лишь боюсь...

Фекла *(зажимая ему ротъ)*. — Еще, пожалуй же, не бойся.
Того, что вертопрахъ нарочно съ вѣтра вретъ.
Да вотъ Наумычъ къ намъ съ Секретаремъ идетъ.
Пожалуй же, мой другъ, для страха ты пустова
Въ ихъ дѣлѣ не скриви ужъ даннаго разъ слова.
Припомни, что онъ другъ, и какъ всегда онъ намъ...

Кривосудовъ. — Добро; ну!

ЯВЛЕНІЕ V.

Кривосудовъ, Фекла, Кохтинъ и Наумычъ.

Наумычъ. — Господинъ мой приказалъ мнѣ вамъ
Поклонъ отдать, сударь, нижайшій съ симъ пакетомъ.

Кривосудовъ. (*Распечатываетъ письмо; ассигнаціи падаютъ. Фекла отпихиваетъ всѣхъ и сама подбираетъ*).
Что это?

Наумычъ. — Онъ въ письмѣ семъ пишетъ вамъ объ этомъ.

Фекла. — Знать, проигрышъ?

Наумычъ. — Никакъ, сударыня, а штрафъ.
Когда не будетъ онъ въ своемъ процессѣ правъ.
Такъ въ немъ увѣренъ онъ!

Кривосудовъ. — Онъ пишетъ и о дѣлѣ.
(*Къ Кохтину*) А что же? вѣдь на сей хотѣли мы недѣлѣ...
Я думаю, экстрактъ до этихъ поръ готовъ?

Кохтинъ. — Сегодня подписалъ его ужъ Прямиковъ.

Кривосудовъ. — Прибавилъ что-нибудь?

Кохтинъ. — Нѣтъ, онъ просилъ убавить;
Но я не захотѣлъ его тѣмъ позабавить.

Кривосудовъ. — Законы?
Кохтинъ. — Пріискалъ и всѣ поставилъ въ рядъ.
Кривосудовъ. — Такъ чтобъ не волочить, ужъ можно и въ докладъ?
Наумычъ. — Нижайше просимъ мы безъ дальней проволочки...
Кривосудовъ (*къ Кохтину*). — Добро; ты къ слушанью сегодни-жъ безъ отсрочки
Представь. Лиха бѣда намъ выслушать, а тамъ
Въ минуту приговоръ.
Кохтинъ (*подавая бумагу*). — Когда угодно вамъ,
Сударь, осмѣлюся нижайше доложиться...
Чтобъ время выиграть и меньше вамъ трудиться,
Я предварительный журналецъ начернилъ;
Съ законами его и съ дѣломъ согласилъ,
Наипаче же, сударь, съ вчерашнимъ общимъ мнѣньемъ.
Кривосудовъ. — Торопишь дѣло ты ужъ съ лишнимъ поспѣшеньемъ.
Наумычъ. — Мы просимъ васъ, сударь, не отлагать въ даль судъ:
Желѣзо вѣдь, пока лишь горячо, куютъ.
(*Дѣлаетъ, будто деньги считаетъ*).
Кривосудовъ (*беретъ бумагу*). —
Ну! да добро: подай; увидимъ. (*Читаетъ*) Приказали...
(*Читаетъ тихо — а потомъ громко*).
«И Праволова искъ формально оправдали,
«Въ согласье для сего изданныхъ точныхъ правъ.
(*Къ Кохтину*) Ихъ нѣтъ.
Кохтинъ. — Я въ протоколъ ихъ всѣхъ впишу, собравъ.
Кривосудовъ. — Инъ быть такъ, хорошо; возьми.
(*Подаетъ бумаги Кохтину*).
Наумычъ. — Мы всенижайше

Благодаримъ, сударь, за изволенье ваше;
И баринъ мой вамъ въ вѣкъ не можетъ отслужить
Всего, чѣмъ вы его изволите должить.
Но смѣю-ль я еще покорное прошенье...
(*Къ Кохтину*) Не въ гнѣвъ. — (*Къ Кривосудову*)
Тутъ малое, сударь, есть упущенье:
Не упомянуто отнюдь о пожилыхъ.
Мы въ правѣ требовать по крайней мѣрѣ ихъ.
Что мы убытчились въ семъ искѣ по премногу,
То вѣдомо, сударь, вамъ и Всевѣдцу Богу.

Кривосудовъ (*Кохтину*). — Да что же? дѣло-бъ впрямь ужъ сдѣлать намъ съ концомъ.

Кохтинъ. — Исправлю все, сударь, единымъ я словцомъ.

(*На спинѣ Наумыча пишетъ и читаетъ*).

«А какъ толь долго онъ не пользовавшись онымъ;
(*Къ Кривосудову*) Имѣньемъ сирѣчь.

Кривосудовъ. — Ну! прибавь еще, законнымъ.

Кохтинъ (*пишетъ и читаетъ; а Наумычъ между тѣмъ подаетъ ему украдкою ассигнаціи*).— «Законнымъ многіе убытки въ сей процессъ.

Кривосудовъ. — И незаконные.

Кохтинъ (*пишетъ и читаетъ*). — «И незаконны несъ:
«То оные искать съ Богдана Прямикова.

Кривосудовъ. — Пиши взыскать.

Кохтинъ (*пишетъ и читаетъ*). — «Взыскать, или съ его другова
«Имѣнья, истцу симъ предоставляетъ судъ.
Законы подведу я послѣ.

Кривосудовъ. — И все тутъ.

Наумычъ. — Нижайше мы, сударь, благодаримъ.

Кривосудовъ (*Кохтину*). — Подите;
И это на-бѣло переписать велите.

Кохтинъ (*Наумычу*). — Ты Регистратору отдай-лишь моему;

Да чтобъ не показалъ отнюдь онъ ни кому.

Наумычъ. — Какъ разъ исполню все.
Слуга вашъ всепокорный.
(*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ VI.

Кривосудовъ, Фекла и Кохтинъ.

Кривосудовъ (*къ Кохтину*). — А ты, послушай-ка. Слухъ, можетъ быть, и вздорный
Пронесся, будто бы противу насъ Сенатъ
Мудреный нѣкакій недавно взнесъ докладъ
О взяткахъ, о дѣлахъ рѣшенныхъ здѣсь неправо.

Кохтинъ. — Вотъ на! какой же духъ на насъ донесъ лукавой?

Кривосудовъ. — Я этого всего не могъ развѣдать вдругъ.
Но ты поистинѣ скажи мнѣ, милый другъ,
Какое дѣло мы оплошно такъ рѣшили,
Чтобъ внутренности всей наружностью не скрыли?
Я-такъ ни одного припомнить не могу.

Кохтинъ (*потирая спину*). — Хоть исповѣдаться, не помню, не солгу.

Фекла. — Да этому и быть не можно.

Кривосудовъ. — Ахъ! помилуй,
Жена, оставь ты насъ: мы лучше знаемъ силу
Въ дѣлахъ, чѣмъ ты.

Фекла. — Нѣтъ лихъ; не хуже знаю я.
Вѣдь что гдѣ, какъ принять, забота лишь моя;
Но пусть на мѣстѣ гнѣвъ Господень покараетъ,
Когда десница вѣсть, что шуица хватаетъ.

Кривосудовъ (*Кохтину*). — Послушайка: теперь вспадаетъ мнѣ на умъ.
Ты помнишь ли, какой великой вышелъ шумъ
О векселѣ, что я велѣлъ на оборотѣ
Подчистить?

Кохтинъ. — Ахъ! сударь, въ напрасной вы заботѣ:
Подчистилъ я одинъ. Отвѣтчикъ въ споръ вошелъ.
На истца своего онъ подозрѣнье взвелъ,
Что надпись онъ скоблилъ о вексельной уплатѣ;
А по законамъ вы рѣшили споръ сей кстатѣ,
Къ уничтоженію сей вексель присудя.
Фекла (*Кривосудову*). — Такъ что-жъ? ты виноватъ тутъ столько-жъ, какъ и я.
Кохтинъ. — Притомъ не вексель мы вѣдь, сударь, подскоблили:
Бумагу чистую.
Фекла. — Такъ чѣмъ вы согрѣшили?
Бумагу чистую не ужъ ли грѣхъ скоблить?
Великая бѣда!
Кривосудовъ. — Добро, инъ такъ и быть.
Кохтинъ. — Приходитъ нѣчто мнѣ еще на помышленье.
Вы тяжбу помните за Простина имѣнье,
За кое Праволовъ совсѣмъ стороннимъ бывъ,
И имя Простина въ процессѣ позабывъ,
Условясь хитростно, искалъ на Чужпродава,
Который не имѣлъ то-жъ никакого права
Къ сему имѣнію; — а мы, не разобравъ
Чье спорное село, безъ дальнихъ всѣхъ расправъ,
Въ отлучку Простина, тѣмъ сей процессъ рѣшили.
Что тяжущимся двумъ чужое присудили;
Которое они дѣлятъ ужъ пополамъ.
Что Простинъ возгласитъ, не понимаю самъ.
Кривосудовъ. — Пускай онъ возгласитъ теперь ужъ что захочетъ,
Когда онъ о себѣ такъ мало самъ хлопочетъ.
Такъ что за нужда намъ о немъ тутъ хлопотать?
Судьи мы. Долгъ нашъ есть лишь только то и знать,
Что на бумагѣ намъ представятъ на сужденье.

Какъ смѣть намъ знать самимъ, что спорное
имѣнье
Не тяжущимся двумъ, тебѣ принадлежитъ?
На это надобенъ какой-нибудь намъ видъ;
А безъ того рѣшимъ, безъ дальнихъ всѣхъ раз-
сказовъ,
Процессъ межъ двухъ сторонъ по строгости
указовъ.
Когда же оба споръ лишь о чужомъ вели,
Какъ быть!

Фекла. — Зло сильно такъ возникло на
земли,
Что споритъ о чужомъ одинъ, гдѣ два лишь
спорятъ;
Такъ дивно ли, когда два о чужомъ завздорятъ?

Кохтинъ. — Какое диво тутъ?

Фекла. — Да полно, все пустякъ.
Вѣдь испугался онъ пустыхъ насущныхъ вракъ,
Которыя ему дошли отъ Прямикова.

Кохтинъ. — Какъ? эта грозна вѣсть отъ
этова пустова
Враля къ вамъ принеслась? ну! ужъ правдива
вѣсть!
Онъ запугать лишь васъ хотѣлъ чѣмъ ни на есть.

Кривосудовъ. — Нѣть, этимъ онъ меня
ничуть не запугаетъ.
Но всячина, мой другъ, на свѣтѣ вѣдь бываетъ.
Довольно простоты на кажда мудреца;
А умудряетъ Богъ иного и слѣпца.

Кохтинъ. — Но этого, сударь, не умудрилъ,
божуся.

Фекла. — Да что! ты трусъ!

Кривосудовъ. — Я, право, не боюся:
Ты видѣла, что я ужъ написать велѣлъ:
Дѣлецъ, голубушка, познается отъ дѣлъ.

Фекла. — А тутъ теперь безъ дѣлъ прохо-
дитъ только время...

Кохтинъ. — На шеѣ у меня дѣлъ цѣлое
беремя...
Когда вамъ нужды нѣтъ меня здѣсь удержать,
То-бъ я пошелъ велѣть скорѣй переписать.
Фекла (*Кривосудову*). — Пусти его, мой
другъ.
Кривосудовъ (*Феклѣ*). — Охъ, какъ ты
ужъ пристала!
(*Кохтину*) Ну, инъ поди. Но слышь, чтобъ намъ
не ждать журнала.
(*Кохтинъ уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ VII.

Кривосудовъ и Фекла.

Кривосудовъ. — Жена, довольна-ль
ты? смотри, я подаюсь;
Но истину сказать я ей же ей боюсь.
Фекла. — Ты все-таки одно: привыкъ всего
пугаться
Вѣдь не ходить и въ лѣсъ, когда волковъ бояться.
Кривосудовъ. — Хоть не боялся я до
сей поры волковъ;
Но чѣмъ вѣдь дальше въ лѣсъ, тѣмъ болѣ най-
дешь дровъ:
И но чтобъ не зайтить въ таку глухую пущу!
Фекла. — Сегодня ты съ утра лишь пустошь
мелешь сущу.
Похмѣлье, знать, еще въ головушкѣ шумитъ.
Пойдемъ-ка; гданская-татъ водочка стоитъ
На шкафикѣ моемъ близъ твоего взголовья,
Такъ чарочку хлебни для добраго здоровья,
И чтобъ изъ головы напрасной вышелъ страхъ.
Кривосудовъ. — Пойдемъ; дѣла ломать
впрямь трудно натощакъ.

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Анна и Добровъ.

Добровъ (*видя разброшенныя бутылки и прочая*). — Ба, ба! да это что? Что за трактирна стойка?
Какъ вижу, тутъ была изрядная попойка;
И не пирушка, знать, а полновѣсной пиръ.
Какой разстроенный бутылочной ранжиръ!
Знать, рѣчками вездѣ текло вино и пиво,
И не оскудѣвалъ сей чанъ пуншеточивой.
Скажи, какъ клюковки всѣ гости налились?

Анна. — Что называется: до положенья ризъ.
По лѣстницѣ къ крыльцу ужъ не сошли, спустились;
И чадомъ вейновымъ такъ сильно зарядились,
Что не опомнятся, я думаю, дни въ три.

Добровъ. — Не такъ оплошные они богатыри:
Вѣрь, что хоть на-пролетъ всеночну пропуншуютъ,
Проспавшись, какъ ни въ чемъ, вновь мертву чашу дуютъ;
И что не клюнувши и чарки и другой,
Въ судъ ни одинъ изъ нихъ не ступитъ и ногой.
Да, кажется, почти и время имъ сходиться.

Анна. — Ах-ти, такъ надобно и мнѣ поторопиться
Слѣды вчерашняго присутствія прикрыть,
И Бахусовъ кагалъ въ судейску превратить.
(*Она поливаетъ комнату, взявъ стаканъ изъ стола*).

Добровъ. — Напрасные труды, не токмо что простые,
Но цѣлый хоть ушатъ разлей воды святыя,
То ябедничьихъ здѣсь не смоешь ты проказъ.

Послушай: окрещенъ кто ужъ въ чернилахъ разъ,
Тотъ чернъ останется, хоть мой въ Іорданѣ.
Анна. — Да это не вода: остался пуншъ въ стаканѣ.
Пусть пьетъ судейское питье судейской полъ.
Добровъ. — Резонъ!
Анна. — Прошу помочь поставить къ мѣсту столъ.
Добровъ (*ставитъ съ нею столъ по срединѣ*). — Охотно.
Анна. — А куда дѣвать бутылки?
Добровъ. — Строемъ
Поставя ихъ подъ столъ, суконцемъ симъ прикроемъ.
Вѣдь множество оно привыкло прикрывать
И не такихъ грѣховъ!
Анна. — А какъ? прошу сказать.
Добровъ. — Вотъ какъ: когда судья желаетъ, чтобъ чье дѣло
Лѣтъ нѣсколько на свѣтъ Господній не глядѣло,
То онъ его кладетъ подъ красное сукно;
А тамъ — спокойна ночь; лежи и прѣй оно.
Анна. — Добро-жъ, поставимъ ихъ подъ скромно покрывало;
Но лишь боюсь, чтобъ все тутъ цѣло устояло.
Добровъ. — То правда, что нельзя навѣрно утвердить:
Судейское чутье исправно.
Анна. — Такъ и быть;
Хозяинъ будетъ самъ сидѣть на караулѣ;
Вѣдь видитъ съ креселъ онъ, что крадетъ кто на стулѣ?
Добровъ. — Не завсегда: ино онъ смотритъ лишь на то,
Не надзираетъ ли за нимъ со стула кто?
Анна. — Мудренъ свѣтъ! Но мы все порядкомъ учредили:

Когда-бъ, какъ этотъ столъ, такъ чисты судьи были!

Добровъ. — Потише: берегись; вотъ къ намъ валитъ весь судъ.

Анна (*уходя*). — Что вижу, правдѣ матъ они теперь дадутъ.

ЯВЛЕНІЕ II.

Кривосудовъ, Бульбулькинъ, Атуевъ, Паролькинъ, Радбынъ, Кохтинъ и Добровъ.

Кривосудовъ. — Прошу пожаловать.

Атуевъ. — Нѣтъ; вамъ впередъ довлѣетъ: Вы намъ глава.

Бульбулькинъ. — Ну, впрямь глава сія умѣетъ
Хоть чью бы ни было головушку вскружить,
Когда путемъ кого захочетъ угостить;
Какъ я ни скромничалъ, и какъ ни укрѣплялся,
Но ей, не помню какъ съ вчерашнимъ днемъ разстался.

Кривосудовъ. — Изволите шутить.

Паролькинъ. — Подите съ шуткой прочь.
Я изъ кареты вонъ не вылѣзъ цѣлу ночь, —
Такъ ноги спуталъ мнѣ вашъ этотъ пуншъ проклятой.

Кривосудовъ. — Нѣтъ, нѣтъ, я угощалъ васъ право плоховато;
И ужинъ позабылъ.

Бульбулькинъ. — Да можно-ль было ѣсть?
При винахъ этакихъ ужъ ужина не въ честь.

Радбынъ. — Вольно же вамъ не по-по-по-ви-но-новаться;
Я вамъ го-го-говорилъ: пора-ра убираться.

Кривосудовъ. — Но, милые мои, не
часъ-ли засѣдать? (*Садятся*).
Бульбулькинъ. — Извольте, я готовъ
теперь дѣла ломать.
Паролькинъ. — Не поломаешь всѣхъ:
скопилось ихъ довольно.
Кривосудовъ. — Повытчикъ, ну, возьми, читай реестръ настольной.
Добровъ (*читаетъ*): — «Корнета Скудова
искъ за наслѣдный домъ,
«Отнятый у него Секретаремъ Драчомъ.
(*Говоритъ*) Ужъ третій годъ лежитъ въ повытьѣ
это дѣло.
Кривосудовъ. — О! мимо; пусть лежитъ
еще три года смѣло,
Авось-либо тогда рѣшимъ его судьбу.
Онъ домомъ смѣлъ назвать пребѣдную избу.
Добровъ (*читаетъ*). — «Искъ вексельной
Луки Ссудихина маіора
«На Володиміра Хватайка Прокурора.
Кривосудовъ. — Ахъ! мимо; поскорѣй,
скорѣй брось этотъ вздоръ.
Помилуй, намъ всего нужнѣе Прокуроръ.
Добровъ (*читаетъ*). — «Черезъ опекуна
прошенье Бѣдняковыхъ,
«О выкупѣ двухъ селъ наслѣдственныхъ отцовыхъ,
«На подполковницу Чужхватову, вдову
«Ирину...
Кривосудовъ (*Доброву*). — Съ дѣломъ
симъ я послѣ призову.
(*Членамъ*) Реченная, друзья, скажу межъ насъ,
вдовица,
Намѣстнику она вѣдь внучатна сестрица:
Онъ жалуетъ ее; — такъ, знаете — впередъ!..
Бульбулькинъ. — Ну, береженаго и
Богъ вѣдь бережетъ.
Кривосудовъ (*Доброву*). — Ну!

Кохтинъ (*вырываетъ реестръ у Доброва и читаетъ, перевернувъ нѣсколько листовъ*). —
«Искъ ассессора Ефрема Праволова
«На подполковника Богдана Прямикова.
Кривосудовъ. — Вотъ это кстати бы сегодня разобрать.
Бульбулькинъ. — Добро.
Радбынъ. — Хо-хорошо.
Парольнкинъ. — И впрямь.
Атуевъ (*Кохтину*). — Вели подать.
Кохтинъ (*Доброву*). — Тамъ это на столѣ лежитъ оно особно.
Кривосудовъ (*Доброву*). — Поближе; внятнѣе читай.
Добровъ (*читаетъ*). — «Экстрактъ подробной.
«Своею жалобой ассессоръ Праволовъ
«Изобразилъ: маіоръ покойной Прямиковъ,
«Скончавшись, все свое наслѣдное имѣнье,
«Которому всему подробно означенье,
«Приложено при семъ, ближайшему роднѣ
«Оставилъ по своей покойной же женѣ;
«А именно, Фомѣ маіору Чужпродаву.
«Сей, по наслѣдственну и по законну праву,
«Имѣнье оное все истцу уступилъ,
«И крѣпость на судѣ, какъ должно, утвердилъ.
«Законной срокъ прошелъ и спора не явилось.
«Когда-жъ просителю заблаго разсудилось
«Во обладаніе имѣній тѣхъ ввойтить,
«Чтобъ съ нихъ законные доходы получить,
«То нѣкакой Богданъ, названье Прямикова,
«Не предъявя къ тому предлога никакова,
«Взявъ, сыномъ самъ себя роднымъ его назвалъ,
«И истцу оныхъ всѣхъ имѣній не давалъ...
Кривосудовъ. — Примѣтьте — не давалъ.
Бульбулькинъ. — Ну! не давалъ, вѣстимо.

Кривосудовъ. — Какъ это зло могло
законом быть терпимо?
(*Къ Доброву*) Читай.
Добровъ (*читаетъ*). — «Хотя-жъ тогда
проситель этотъ споръ
«Разрушилъ, доказавъ, что Прямиковъ маіоръ
«Имѣлъ лишь одного во всю свою жизнь сына,
«Федота, коего скора была кончина...
«Затѣмъ, что онаго нѣтъ болѣе въ живыхъ.
«Но не уважа судъ доводовъ таковыхъ,
«Имѣніе за симъ Богданомъ же оставилъ,
«И нѣсколькихъ дворянъ въ томъ присягнуть
заставилъ,
«Что Прямикова сей Богданъ законный сынъ,
«И всѣмъ имѣніямъ наслѣдникъ лишь одинъ.
«Проситель, таковымъ обиженный рѣшеньемъ,
«Съ вторичнымъ жалобнымъ на то вступилъ про-
шеньемъ.
«Когда-жъ и тутъ ему судъ въ правѣ отказалъ,
«То апелляцію до срока онъ прислалъ,
«Въ которой наконецъ доказываетъ ясно,
«Что Прямикова съ нимъ духовная согласно
«Федота одного за сына признаетъ;
«А о Богданѣ въ ней ниже полслова нѣтъ,
«Которымъ именемъ отвѣтчикъ сей зовется;
«Въ чемъ на свидѣтелей онъ безпристрастныхъ
шлется,
«На подпись собственну по всѣмъ дѣламъ его,
«На совѣсть чистую Богдана самого,
«И даже на его маіорскіе патенты.
«А какъ гдѣ письменны найдутся документы
«Тамъ дѣйствовать уже присяги не должны...

(*Между тѣмъ Члены, нашедъ бутылки подъ столомъ, одну ногами повалили*).

Бульбулькинъ. — Инъ память вѣчная
ему.
Паролькинъ. — И въ доброй часъ

Атуевъ. — Экъ спрятали куда остаточной запасъ.

Паролькинъ. — Пошарь-ка, нѣтъ ли картъ: такъ мы-бъ переметнули.

Бульбулькинъ. — Будь сытъ тѣмъ, что вчера съ Наумыча вы сдули.

Паролькинъ. — Да ты не видѣлъ вѣдь какъ даму я пригнулъ:
Десяткомъ рубликовъ за банкъ перешагнулъ.

Кривосудовъ (*Доброву*). — Постой-ка. (*Къ Членамъ*) Кстати тутъ весьма приведены
Патенты штабскіе. Тутъ имя вѣдь прямое...
Такъ что онъ ни толкуй, ужъ, вѣрно, все пустое.
Вотъ важный пунктъ!

Бульбулькинъ. — И впрямь.

Кривосудовъ (*Доброву*). — Ну, далѣ.

Добровъ (*читаетъ*). — «Не должны;
«А какъ судомъ они неправедно даны,
«То должно ихъ почесть въ семъ дѣлѣ за неважныхъ;
«А присягателей всѣхъ за криво-присяжныхъ:
«Богдану-жъ съ сей поры указомъ запретить
«Чужое прозвище безправно впредь носить,
«А Прямикова всѣ имѣнія и села
«Отдать просителю.

Кривосудовъ. — Тутъ явна правость дѣла.

Бульбулькинъ. — Какъ солнце ясное.

Паролькинъ. — Правъ безъ обиняковъ.

Атуевъ. — Да вѣдь на истину не много надо словъ.

Кривосудовъ. — Тутъ правда сущая во всѣхъ словахъ примѣтна.
Но что-то возвѣститъ намъ сторона отвѣтна?

Добровъ (*читаетъ*). — «А Прямиковъ Богданъ передъ судомъ сказалъ
«На все сіе: — хотя проситель показалъ,
«Что за кончиною маіора Прямикова

«И сына-де его постигла смерть роднова,
«Но утвердить сего онъ, истецъ, не успѣлъ
«Ни чрезъ свидѣтелей, нижѐ изъ гласныхъ дѣлъ.
«Сколь совѣсть ни ломалъ, сколь въ ябедѣ ни
рылся:
«А напротивъ того, лишь только въ судъ явился,
«То ясно доказалъ...

К о х т и н ъ (*вырывая бумаги у Доброва*). — Но ты сталъ бормотать.
Подай мнѣ: слушай же, и научись читать.

К р и в о с у д о в ъ. — И впрямь прочти-ко ты, а то онъ такъ не внятно...

Б у л ь б у л ь к и н ъ. — Коли ужъ что читать, такъ должно акуратно.

К о х т и н ъ (*невнятно читаетъ кашляя, останавливаясь, и проч.*). —
«А Прямиковъ Богданъ передъ судомъ сказалъ
«На все сіе хотя. — Проситель показалъ,
«Что за кончиною маіора; Прямикова
«И сына-де его: постигла смерть роднова
«Но утвердить сего онъ истецъ не успѣлъ
«Ни чрезъ свидѣтелей ниже; изъ гласныхъ дѣлъ
«Сколь совѣсть ни ломалъ сколь: въ ябедѣ не
рылся
«А напротивъ того...
(*Тутъ останавливается, харкаетъ, сморкаетъ носъ*).
лишь только въ судъ явился
«То ясно доказалъ онъ Прямиковъ Богданъ
«Присягой двадцати; сосѣдственныхъ дворянъ
«Что Прямикова онъ родной сынъ и законный
«Что Чужпродавъ маіоръ. — Совсѣмъ ему сторонній
«И матери его былъ, токмо просто: кумъ.
(*Останавливается, нюхаетъ табакъ; Кривосудовъ беретъ табакъ изъ его табакерки, — а онъ за то ему кланяется. — продолжаетъ читать и, возвыся немного голосъ, бормочетъ*).

«Что какъ ему отнюдь не вспало и наумъ
«Что бъ кто нибудь его могъ продавать.— Имѣнья
«Когда онъ былъ въ чужихъ краяхъ для обученья
«То ябедъ плутовскихъ, уступокъ и бумагъ. —
«Черезъ повѣренныхъ, тѣмъ меньше, на словахъ
«Оспоритъ онъ. — Не могъ за двѣсти миль, и болѣ
«Что возвратясь въ свое отечество оттолѣ,
«И съ двухъ сторонъ нашедъ; зажженное войной
«Онъ долгомъ счелъ служить; и жертвовать собой
«По замиреньи-жъ.
(*Тутъ останавливается, оборачиваетъ листы, чешетъ голову, оправляетъ камзолъ*).
Въ домъ отцовской возвратяся
«Узналъ что ябеда ему въ родню: вплелася
«Въ число покойниковъ: давно его причла
«И точное его наслѣдье: продала
«Что тутъ презрѣвъ ее, всѣ низкія ехидства
«Крючки, законностей, пролазы и безстыдства
«На правости своей:
(*Останавливается пока окончатъ Члены разговоръ свой, а тогда оканчиваетъ чтеніе, возвыся голосъ при самомъ концѣ*)
себя онъ утвердилъ,
«И хищникамъ; своихъ наслѣдствъ не попустилъ.
«Въ чемъ супротиву лжи и ябедничья кова
«Священнаго; себѣ законовъ ждетъ покрова.
(*Во время сего чтенія, Радбынъ тотчасъ задремлетъ, потомъ Бульбулькинъ; Атуевъ и Паролькинъ встаютъ и выходятъ на авансцену*).

Бульбулькинъ (*вполголоса*). — Ну! мастеръ, признаюсь, нашъ секретарь читать,
Хотя бъ подслушалъ чортъ, не могъ бы разобрать.

Паролькинъ. — Пусть мелетъ онъ; а мы
подумаемъ о дѣлѣ.
Изъ гвардьи отпускной сюда на сей недѣлѣ
Вельми молоденькой пожаловалъ барчукъ;
Пуста головушка, но съ золотцомъ сундукъ.
Мы можемъ, приглася его въ свою бесѣду...

Бульбулькинъ. — А какъ да не пойдетъ на удочку?

Паролькинъ. — Подъѣду
Къ нему, повѣрь, съ такой я ловкой стороны:
Ужъ змѣйки отъ меня къ нему подпущены.
Лишь вы бы...

Атуевъ. — Ба! да кто? не мой сосѣдъ ли это?
Что позлащенною всѣмъ хвастаетъ каретой.

Паролькинъ. — Тотъ самой.

Атуевъ. — Ну! такъ всѣхъ сокровищъ ты его не вѣдаешь!

Паролькинъ. — Ужъ ли? а именно, чего?

Атуевъ. — Красотка у него; да знаешь ли? прекрасна!

Паролькинъ. — Поди прочь: знать, душа ужъ къ ней твоя пристрастна:
Я видѣлъ и не разъ: ни чуть не хороша.
Поддѣнемъ кошелекъ: въ немъ больше барыша.

Бульбулькинъ. — Ой! ой! вы молодежь! ну, долго-ль вамъ проказить,
И то за кошелькомъ, то за красоткой лазить?
Пора бы вашу жизнь ужъ вамъ остепенить.

Паролькинъ. — А что-жъ прикажешь ты начать намъ дѣлать?

Бульбулькинъ. — Пить (*садятся*).

Кривосудовъ. — Экъ вздоры!

Паролькинъ. — Дребедень!

Атуевъ. — Сумбуръ!

Бульбулькинъ. — А штиль надутъ!

Радбынъ. — Ни мы-мы-мысли нѣтъ; ни смы-мы-мысла тутъ.

Кохтинъ. — Ни ссылки на указъ.

Кривосудовъ. — Какіе тѣ указы?
Ты видишь, тутъ одни пустые лишь разсказы,
Запутанная рѣчь и бранныя слова.
Ей, у меня отъ нихъ вскружилась голова.
Пусть лучше бы онъ вралъ по-чудьски иль богемски

Кохтинъ. — Однакъ Уѣздный Судъ и также Верхній Земскій,
Рѣшеніе на сихъ резонахъ утвердя,
И спорное ему имѣнье присудя,
Соперника его согласно обвинили.

Бульбулькинъ. — Знать, пышныя слова имъ головы вскружили.

Кривосудовъ. — Но вы какъ мыслите о семъ? мои друзья.

Бульбулькинъ. — Коль правду вамъ сказать, такъ вотъ что мыслю я:
Что плутъ Богданъ.

Атуевъ. — Ей, такъ.

Кривосудовъ. — И я такого-жъ мнѣнья.

Радбынъ. — То точно такъ.

Паролькинъ. — Въ томъ нѣтъ и малаго сомнѣнья.

Кривосудовъ. — Такъ Праволова вы согласны оправдать?

Бульбулькинъ и Паролькинъ.
Согласны.

Атуевъ. — И весьма.

Радбынъ. — Ужъ та-ки-ки-ки-быть.

Кривосудовъ. — Люблю я этаку согласну мыслей встрѣчу.
Такъ резолюцію въ сей силѣ я отмѣчу?

Бульбулькинъ. — Когда угодно вамъ.

Кривосудовъ (*написавъ, отдаетъ бумагу Кохтину*). — Возьми же; да поди,
Все это поскорѣй какъ надо расплоди;
И принеси журналъ, чтобъ подписать успѣли.

(*Кохтинъ, а за нимъ Добровъ уходятъ*).

Бульбулькинъ. — Ну! надъ проклятымъ симъ мы дѣломъ попотѣли!

Кривосудовъ. — Такъ можно отдохнуть.

(*Всѣ встаютъ*).

Паролькинъ (*смотря на свои часы*). — Двѣнадцатой ужъ часъ.

ЯВЛЕНІЕ III.

Тѣ жъ и Хватайко.

Хватайко. — Желаю здравствовать. — Не потревожу-ль васъ?

Кривосудовъ. — Никакъ, любезной гость; спокойно-ль ночевали?

Хватайко. — Я думаю, какъ всѣ: какъ улеглись — не знали.

(*Вполголоса*) Въ передней Праволовъ своей судьбины ждетъ.

Вы не забыли ли его?

Кривосудовъ. — Нѣтъ, милый, нѣтъ. Ужъ дѣло все съ концомъ: согласно мы рѣшили.

Хватайко. — Ай, да спасибо вамъ: вотъ прямо удружили!

Бульбулькинъ. — Когда-бъ скорѣй журналъ...

Кривосудовъ. — Да я вѣдь ужъ велѣлъ.

Паролькинъ. — А вотъ и Секретарь.

ЯВЛЕНІЕ IV.

Тѣ жъ и Кохтинъ съ журналомъ.

Кохтинъ (*отдавая бумагу Кривосудову*). — Въ минутную поспѣлъ.

Бульбулькинъ. — Ну, впрямь спроворилъ въ мигъ.

Кривосудовъ (*подписывая*). — И такъ перекрестяся.

Бульбулькинъ (*подписавъ*). — Экъ живо поцмахнулъ!

Атуевъ (*подписывая*). — И я благословяся.

Паролькинъ (*Радбыну, который хочетъ читать бумагу*). — Да, ну, пожалуй насъ читаньемъ не смѣши:

Еже писахъ, писахъ.

Радбынъ *(подписавъ, Паролькину)*. — Такъ на-жъ ты пи-пиши.

Паролькинъ *(подписавъ, отдаетъ бумагу Кривосудову)*. — Вотъ подчеркнулъ и я. —

Кривосудовъ. — Бумага и готова. *(Къ Кохтину)* Возьми.

Хватайко. — Такъ можно ужъ позвать къ вамъ Праволова?

Кривосудовъ *(Кохтину, который отворяетъ дверь)*. — Охотно; прикажи.

Хватайко. — Ну, какъ-же эта вѣсть
Обрадуетъ его, судя какъ ни на есть,
А дѣло тысячъ въ сто.

ЯВЛЕНІЕ V.

Тѣ жъ и Праволовъ.

Праволовъ. — Слуга вашъ всенижайшій.

Кривосудовъ. — И мы усердные.

Бульбулькинъ *(потрепавши Праволова по плечу)*. — И скромны слуги ваши.

Хватайко *(Праволову)*. — Какой тебѣ, мой другъ, сегодня снился сонъ?

Праволовъ. — Къ чему вопросъ такой?

Атуевъ *(Праволову)*. — Ты знаешь-ли, вѣдь онъ
Снотолкователемъ недавно учинился.

Хватайко *(Праволову)*. — Вчерашнимъ пуншевымъ ты чаномъ окатился
Во снѣ, навѣрное?

Праволовъ. — А можетъ быть и такъ.

Паролькинъ. — А это, говорятъ, хорошій будто знакъ.

Праволовъ. — Я благодаренъ вамъ за доброе значенье.

Бульбулькинъ. — За потерпѣнье вѣдь даетъ Богъ и спасенье.

ЯВЛЕНІЕ VI.

Тѣ жъ и Добровъ.

Добровъ *(несетъ два пакета и отдаетъ ихъ Кривосудову)*. — Съ Почтамта лишь сейчасъ
они принесены.

Кривосудовъ. — Посмотримъ, нѣтъ
ли-то какой въ нихъ новизны. *(Распечатываетъ и отдаетъ Хватайкѣ одинъ пакетъ)*.
Судебно око ты: пожалуй потрудися.

Хватайко *(развернувъ бумагу)*. — Отъ
приказали вѣдь? — *(Читаетъ)* «А какъ въ Сенатъ стеклися
«Изъ разныхъ главныхъ мѣстъ, Правленій и
Судовъ,
«Репорты, коими Ассессоръ Праволовъ
«Въ поносныхъ ябедахъ, злодѣйственныхъ без-
путствахъ,
«Въ разбояхъ, грабежахъ и даже душегубствахъ,
«Довольно приличенъ. — *(Къ Праволову)* Кой
чортъ! смотри-ка братъ!
(Читаетъ) «Довольно приличенъ, то для того
Сенатъ
«Присутственнымъ мѣстамъ всѣмъ симъ повелѣваетъ
«Строжайшій обыскъ.

Праволовъ. — Охъ! кровь въ жилахъ
замерзаетъ.

Хватайко *(читаетъ)*. — «О Праволовѣ
семъ повсюду предписать:
«И гдѣ найдется онъ, сковавъ, подъ стражу взять,
«И крѣпко содержать до новаго указу.

Праволовъ. — Погибъ я!

Хватайко *(къ Праволову)*. — Вотъ-те на!
какую-же проказу?..

Праволовъ *(падая на колѣна и поднявъ вверхъ обѣ руки, между коихъ записная книжка*

видна). — Да что ужъ говорить, не погуби, спаси.

Хватайко. — Да ты возможнаго, голубчикъ, лишь проси.
Вѣдь то-жъ и у меня спина-та щекотлива.

Праволовъ. — Пропалъ навѣки я! о хищность нечестива!
(Бѣжитъ вонъ).

Хватайко *(бѣжитъ за нимъ)*. — Куда? постой; вернись. Что-бъ онъ куда не сгибъ.

ЯВЛЕНІЕ VII.

Кривосудовъ, Бульбулькинъ, Атуевъ, Паролькинъ, Радбынъ, Кохтинъ и Добровъ.

Атуевъ. — Я внѣ себя!

Паролькинъ. — Кой чортъ!

Кривосудовъ. — Меня какъ громъ ушибъ.

Бульбулькинъ. — Мнѣ кажется я пьянъ.

Радбынъ. — Ек-ек-ек-еко-диво!

Кривосудовъ. — Да какъ съ нимъ этакъ вдругъ незапно, несчастливо!
Я не сберусь съ умомъ. — Но дай-ко намъ прочесть *(беретъ другой пакетъ)*
И эту вещь. Очки; тутъ что-нибудь да есть.
О чемъ Сенату къ намъ писать и столько много?
(Читаетъ вслухъ):
Вотъ на! «Гражданскую Палату всю... и строго...»
Ахти! пропали мы! *(роняетъ изъ рукъ бумагу и падаетъ въ кресла)*.

Бульбулькинъ. — За что? перекрестись!

Атуевъ. — Не ужъ ли впрямь?

Паролькинъ. — Господь, Господь съ тобой, очнись.

Радбынъ. — Ек-еко-диво!

Кохтинъ. — Ну! пришло и намъ, знать, круто! *(Подымаютъ бумагу и всѣ, сбѣжавшись, читаютъ).*

Добровъ *(въ сторону)*. — Крутили вѣдь и вы!

Кривосудовъ. — О скорбь! о горе люто!

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Тѣ жъ, Фекла, Софія и Анна.

Фекла. — Что за бѣда у васъ? — о чемъ такъ сильный крикъ?

Кривосудовъ. — Пропали мы!

Фекла *(Кривосудову)*. — Да какъ? ну-жъ! поверни языкъ.

Кривосудовъ. — Погибли, говорю, ну! сгибли, да пропали!

Фекла *(къ Бульбулькину)*. — Да какъ?

Бульбульнкинъ. — Погибли такъ, какъ въ вѣкъ не погибали.

Фекла *(къ Паролькину)*. — За что?

Паролькинъ. — За то, что намъ пришелъ прямой ужъ матъ!

Фекла *(къ Атуеву)*. — Взбѣшусь: скажите мнѣ...

Атуевъ. — Ужъ все сказалъ Сенатъ.

Фекла *(къ Радбыну)*. — Сенатъ! ахти! и впрямь: да-что-же вамъ оттуда?

Радбынъ. — Въ вѣкъ ек-ек-екого не ждалъ я чу-чу-чуда!

Фекла *(къ Кохтину)*. — Хоть ты мнѣ растолкуй.

Кохтинъ. — Да толкъ тутъ не далекъ:

За бабушкинъ, знать, грѣхъ всѣхъ насъ попуталъ
Богъ.
Фекла *(къ Доброву)*. — Хоть ты...
Добровъ. — О томъ вся скорбь, что вздумалось Сенату
Насъ въ Уголовну всѣхъ препроводить Палату.
Фекла. — Ахти мнѣ! да за что?
Кривосудовъ. — Да то-то и бѣда,
Что осудили насъ безъ всякаго суда.
Ну, льзя-ли, по однимъ доносамъ лишь злословнымъ,
Велѣть насъ всѣхъ судить порядкомъ уголовнымъ?
За взятки, яко бы, за толкъ кривой въ дѣлахъ
Законовъ будто...
Фекла. — Какъ? какъ? на пустыхъ словахъ
Сенатъ увѣрился? Сенатъ насъ обвиняетъ?
Да кто-жъ намъ взятки далъ? кто насъ изобличаетъ?
Безъ права, безъ суда, честь тронуть, осуждать,
Ограбить, разорять, срамить насъ, убивать!
Да что? зачѣмъ ему мѣшаться въ эти вздоры?
Въ одномъ лишь развѣ здѣсь судѣ засѣли воры?
И къ намъ не дьяволъ ли занесъ столъ красный въ домъ?
Прочь съ нимъ отсель: я все поставлю кверху дномъ. *(Опрокидываетъ столъ, всѣ Члены и Кохтинъ разбѣгаются; подъ столомъ увидя бутылки, Фекла къ Кривосудову съ радостью)*.
А кто принесъ?
Кривосудовъ. — Никто. Остатки, знать, вчерашни.

ЯВЛЕНІЕ IX.

Кривосудовъ, Фекла, Софія, Анна и Добровъ.

Фекла *(свернувъ руки стоитъ)*. — Ахти! бѣда! бѣда!

Кривосудовъ. — Твои вотъ эти шашни:
Черезъ тебя и я, и весь мой домъ погибъ.
Фекла. — Черезъ меня? Да ты сидѣлъ въ
судѣ какъ грибъ,
Какъ истуканъ, какъ пень, какъ олухъ, какъ
оселъ,
Какъ рохля; въ жизнь твою ты двухъ концовъ не
свелъ.
Кривосудовъ. — Сведи же ты теперь.
Фекла. — Сведи! еще бормочетъ;
И онъ же голову еще вскружить мнѣ хочетъ!
Слышь, не дразни, а то... *(бросается къ нему)*.
Софія. — Ахъ, матушка! я васъ
Прошу...
Фекла *(Софьи)*. — И ты туда-жъ? — по-
ди съ моихъ ты глазъ.
Кривосудовъ. — Да не гони ее: она
бѣды не знаетъ,
Что ужъ ея женихъ въ острогѣ засѣдаетъ.
Фекла. — Кто?
Кривосудовъ. — Праволовъ.
Фекла. — Ахти! За что?
Кривосудовъ. — Сенатъ велѣлъ
Сковать, и скованъ ужъ: такъ, стало, не безъ дѣлъ.
Фекла. — Ахти! пришла бѣда! ахти мнѣ!
умираю. *(Падаетъ въ обморокъ; Софія и Анна
бросаются ей помогать)*.

ЯВЛЕНІЕ X.

Тѣ жъ и Прямиковъ.

Прямиковъ. — Простите мнѣ, сударь, что
смѣлость принимаю
Прійти къ вамъ; ваше я несчастіе узналъ;
Жалѣя искренно, за первый долгъ считалъ
Спѣшить утѣшить васъ и раздѣлить печали.
(Къ Феклѣ, пришедшей въ себя).
Хотя вы на меня немного пороптали,

Сударыня! но я надеждой льщуся той,
Что, сами оправдя теперь поступокъ мой,
Усердья моего почувствуете цѣну.
К р и в о с у д о в ъ. — Вы счастья нашего
узнали перемѣну?
П р я м и к о в ъ. — Но чувствованій я моихъ
не премѣнилъ,
И вамъ готовъ помочь колико будетъ силъ.
Счастливъ, когда-бъ мои услуги предуспѣли
Склонить васъ, чтобы вы съ пріятностью глядѣли
На нѣжну страсть мою.
Ф е к л а. —Вы много чести намъ...
Я право васъ стыжусь. Когда угодно вамъ...
Съ моей я стороны согласна всей душею.
К р и в о с у д о в ъ. — И я тожъ; — да и вы,
я чай, согласны съ нею.
С о ф і я. — Ахъ! признаюсь, что мнѣ онъ не
противенъ былъ.
К р и в о с у д о в ъ *(соединяя ихъ руки)*. —
Ну, дай же Богъ! чтобъ онъ тебѣ былъ вѣчно милъ!
П р я м и к о в ъ *(цѣлуя руки Софіи)*. — Какое счастіе!
С о ф і я. — Какая перемѣна!
К р и в о с у д о в ъ. — Теперь моя печаль немного облегченна.
А н н а. — Авосъ-либо и все вамъ съ рукъ
сойдетъ слегка.
Д о б р о в ъ. — Впрямь: моетъ, говорятъ
вѣдь, руку де рука;
А съ Уголовною Гражданская Палата,
Ей, ей, частехонько живетъ за панибрата;
Не то, при торжествѣ уже какомъ ни есть,
Подъ милостивый васъ поддвинутъ манифестъ.
К р и в о с у д о в ъ. — Ну, что ни говори,
а дѣло плоховато!
А н н а. — Жить ябедой и тѣмъ: что взято,
то и свято.

1798 г.

А. С. ГРИБОѢДОВЪ.

А. С. ГРИБОѢДОВЪ.

(*Біографическая справка*).

Александръ Сергѣевичъ Грибоѣдовъ родился 4 января 1795 года въ родовитой дворянской семьѣ. Онъ получилъ прекрасное по тому времени образованіе сначала дома, затѣмъ въ Московскомъ университетскомъ пансіонѣ и, наконецъ, въ Московскомъ университетѣ на словесномъ отдѣленіи философскаго факультета, которое онъ окончилъ четырнадцати лѣтъ отроду. Въ 1812 году, въ пору Отечественной войны, Грибоѣдовъ поступилъ на военную службу, сначала въ Московскій Кавалерійскій полкъ, а нѣсколько позже въ Иркутскій Гусарскій. Но на театрѣ военныхъ дѣйствій ему быть не пришлось. Еще на военной службѣ, не достигнувъ 20-лѣтняго возраста, Грибоѣдовъ сталъ писать статьи въ прозѣ, переводы и пр. Въ 1816 г. онъ покинулъ военную службу и переселился въ Петербургъ, гдѣ поступилъ въ Коллегію Иностранныхъ Дѣлъ. Въ столицѣ онъ вращался въ литературныхъ и артистическихъ кругахъ; сошелся съ рядомъ писателей (въ томъ числѣ съ Пушкинымъ, который былъ 4 годами моложе его). Нѣсколько небольшихъ его пьесъ, переводныхъ или оригинальныхъ, было поставлено на петербургской сценѣ. Въ 1818 г. онъ отправился въ качествѣ секретаря посольства въ Персію, гдѣ оставался около трехъ лѣтъ. Въ 1821 г. служилъ въ Тифлисѣ при ген. Ермоловѣ. Двумя годами позднѣе онѣ вернулся въ центральную Россію и въ имѣніи своего друга Бѣгичева

«Дмитріевское» Тульской губерніи закончилъ свою знаменитую комедію «Горе отъ ума», надъ которой работалъ нѣсколько лѣтъ. Отрывки изъ этой комедіи были напечатаны Булгаринымъ въ альманахѣ «Русская Талія» и имѣли шумный успѣхъ. Къ постановкѣ на сценѣ комедія не была разрѣшена. Въ 1825 году Грибоѣдовъ покинулъ столицы, жилъ нѣкоторое время въ Кіевѣ, въ Крыму, затѣмъ снова служилъ на Кавказѣ, принимая участіе въ военныхъ операціяхъ противъ горцевъ. Въ связи съ декабрьскимъ возстаніемъ, Грибоѣдовъ, радикальный образъ мыслей котораго былъ извѣстенъ, подвергся аресту, но скоро былъ освобожденъ за недостаткомъ уликъ: вопросъ о принадлежности его къ тайному обществу не вполнѣ выясненъ и до сихъ поръ. Затѣмъ онъ два года находился на Кавказѣ, въ распоряженіи сначала Ермолова, потомъ Паскевича, и принималъ близкое участіе въ заключеніи Туркманчайскаго мира съ персами, что навлекло на него вражду послѣднихъ. На Кавказѣ имъ написана пьеса «Грузинская ночь». Въ 1828 г. онъ женился въ Тифлисѣ на княжнѣ Чавчавадзе. Назначенный полномочнымъ посломъ въ Персію, онъ отправился въ Тегеранъ и 30 января 1829 года былъ убитъ тамъ чернью во время уличнаго возмущенія противъ русскихъ. Обезображенное тѣло его было отправлено въ Тифлисъ и погребено въ монастырѣ Св. Давида.

ГОРЕ ОТЪ УМА.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

Павелъ Аѳанасьевичъ Фамусовъ, управляющій въ казенномъ мѣстѣ.
Софья Павловна, дочь его.
Лиза, служанка.
Алексѣй Степановичъ Молчалинъ, секретарь Фамусова, живущій у него въ домѣ.
Александръ Андреевичъ Чацкій.
Полковникъ Скалозубъ, Сергѣй Сергѣевичъ.
Наталья Дмитріевна, молодая дама } Горичевы.
Платонъ Михайловичъ, мужъ ея. }
Князь Тугоуховскій и Княгиня, жена его, съ шестью дочерьми.
Графиня-Бабушка } Хрюмины.
Графиня-Внучка }
Антонъ Антоновичъ Загорѣцкій.
Старуха Хлестова, свояченица Фамусова.
Г. N.
Г. D.
Репетиловъ.
Петрушка и нѣсколько говорящихъ слугъ.
Множество гостей всякаго разбора и ихъ лакеевъ при разъѣздѣ.
Офиціанты Фамусова.

Дѣйствіе въ Москвѣ, въ домѣ Фамусова.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Гостиная; въ ней большіе часы. Справа дверь въ спальню Софьи, откудова слышно фортепьяно съ флейтою, которыя потомъ умолкаютъ. Лиза среди комнаты спитъ, свѣсившись съ креселъ.

(*Утро. Чуть день брезжится*).

ЯВЛЕНІЕ 1-е.

Л и з а.

Л и з а.

(*вдругъ просыпается, встаетъ съ креселъ, оглядывается*).

Свѣтаетъ!... Ахъ, какъ скоро ночь минула!
Вчера просилась спать — отказъ! —
«Ждемъ друга!»... Нуженъ глазъ, да глазъ:
Не спи, покудова не скатишься со стула...
Теперь вотъ, только-что вздремнула —
Ужъ день!...Сказать имъ...
(*Стучится къ Софьѣ*).
Господа!
Эй, Софья Павловна!... бѣда!
Зашла бесѣда ваша за-ночь...
Вы глухи!... Алексѣй Степанычъ!
Сударыня!...
И страхъ ихъ не беретъ!
(*Отходитъ отъ дверей*).
Ну, гость неприглашенный!
Быть можетъ, батюшка, войдетъ!
Прошу служить у барышни влюбленной...
(*Опять къ дверямъ*).
Да расходитесь!... Утро!... Что-съ?

Голосъ Софьи.

Который часъ?

Лиза.

Все въ домѣ поднялось!

Софья

(изъ своей комнаты).

Который часъ?

Лиза.

Седьмой, восьмой...девятый!

Софья

(оттуда же).

Неправда!

Лиза

(прочь отъ дверей).

Ахъ, амуръ проклятый...
И слышатъ — не хотятъ понять!
Ну, что́ бы ставни имъ отнять!
Переведу часы, хоть знаю — будетъ гонка!
Заставлю ихъ играть...
(Лѣзетъ на стулъ, передвигаетъ стрѣлку. Часы бьютъ и играютъ).

ЯВЛЕНІЕ 2-е.

Лиза и Фамусовъ.

Лиза.

Ахъ, баринъ!...

Фамусовъ.

«Баринъ»!..да!

(Останавливаетъ часовую музыку).

Вѣдь экая шалунья ты, дѣвчонка!
Не могъ придумать я, что это за бѣда —
То флейта слышится, то будто фортепьяно...
Для Софьи слишкомъ было-бъ рано!

Лиза.

Нѣтъ, сударь... я... лишь... невзначай...

Фамусовъ.

Вотъ то-то, «невзначай»! За вами примѣчай!
Такъ, вѣрно, съ умысломъ?...
(Жмется къ ней и заигрываетъ).
Ой, зелье, баловница!...

Лиза.

Вы баловникъ!... Къ лицу-ль вамъ эти лица?

Фамусовъ.

Скромна... а ничего, кромѣ
Проказъ и вѣтра на умѣ...

Лиза.

Пустите!... Вѣтреники сами!
Опомнитесь! Вы — старики ..

Фамусовъ.

Почти...

Лиза.

Ну, кто придетъ, — куда мы съ вами?

Фамусовъ.

Кому сюда притти?
Вѣдь Софья спитъ?

Лиза.

Сейчасъ започивала...

Фамусовъ.

Сейчасъ?... А ночь?

Лиза.

Ночь цѣлую читала...

Фамусовъ.

Вишь, прихоти какія завелись!

Л и з а.

Все по-французски, вслухъ читаетъ, запершись...

Ф а м у с о в ъ.

Скажи-ка, что глаза ей портить не годится,
И въ чтеніи прокъ-отъ не великъ...
Ей сна нѣтъ отъ французскихъ книгъ,
А мнѣ отъ русскихъ больно спится!

Л и з а.

Что встанетъ — доложу-съ...
Извольте же итти! Разбудите, боюсь...

Ф а м у с о в ъ.

Чего будить? Сама часы заводишь,
На весь кварталъ симфонію гремишь...

Л и з а.

(какъ можно громче).

Да полноте-съ!

Ф а м у с о в ъ.

(зажимаетъ ей ротъ).

Помилуй, какъ кричишь...
Съ ума ты сходишь!

Л и з а.

Боюсь, чтобы не вышло изъ того...

Ф а м у с о в ъ.

Чего?

Л и з а.

Пора, сударь, вамъ знать... вы не ребенокъ!
У дѣвушекъ сонъ утренній такъ тонокъ...
Чуть дверью скрипнешь, чуть шепнешь —
Все слышатъ...

Ф а м у с о в ъ.

Все ты лжешь!

Голосъ Софьи.

Эй, Лиза!

Фамусовъ.

(торопливо).

Т-съ!...

(Крадется вонъ изъ комнаты на цыпочкахъ).

Лиза.

(одна).

Ушелъ!... Ахъ, отъ господъ подалѣй,
У нихъ бѣды себѣ на всякій часъ готовь...
Минуй насъ пуще всѣхъ печалей
И барскій гнѣвъ и барская любовь! *)

ЯВЛЕНІЕ 3-е.

Лиза, Софья со свѣчкою, за ней Молчалинъ.

Софья.

Что, Лиза, на тебя напало?
Шумишь...

Лиза.

Конечно, вамъ разстаться тяжело:
До свѣта запершись, и кажется — все мало!

Софья.

Ахъ, въ самомъ дѣлѣ, разсвѣло!

(Тушитъ свѣчу).

И свѣтъ, и грусть!.. Какъ быстры ночи!

Лиза.

Тужите, знай... со стороны — нѣтъ мочи:

---

*) Варіантъ предшествующихъ четырехъ стиховъ:
Ушелъ! Ахъ, отъ господской власти
Къ бѣдамъ себя на всякій часъ готовь...
Минуй насъ пуще всѣхъ несчастій
И барскій гнѣвъ и барская любовь!

Сюда вашъ батюшка зашелъ, — я обмерла! —
Вертѣлась передъ нимъ, не помню, что врала...
Ну, что-же стали вы? Поклонъ, сударь, отвѣсьте!
Подите... сердце не на мѣстѣ...
Смотрите на часы! Взгляните-ка въ окно:
Валитъ народъ по улицамъ давно...
А въ домѣ стукъ, ходьба, метутъ и убираютъ...

Софья.

Счастливые часовъ не наблюдаютъ!

Лиза.

Не наблюдайте — ваша власть! —
А что въ отвѣтъ за васъ, конечно,—мнѣ попасть...

Софья.

(Молчалину).

Идите!..
Цѣлый день еще потерпимъ скуку...

Лиза.

Богъ съ вами-съ!.. Прочь возьмите руку!
(Разводитъ ихъ. Молчалинъ въ дверяхъ сталкивается съ Фамусовымъ).

ЯВЛЕНІЕ 4-е.

Софья, Лиза, Молчалинъ, Фамусовъ.

Фамусовъ.

Что за оказія! Молчалинъ... ты, братъ?

Молчалинъ.

Я-съ...

Фамусовъ.

Зачѣмъ-же здѣсь? и въ этотъ часъ?

И Софья!.. Здравствуй, Софья. Что ты
Такъ рано поднялась? — а? для какой заботы?
И какъ васъ Богъ не впору вмѣстѣ свелъ?

Софья.

Онъ только-что теперь вошелъ...

Молчалинъ.

Сейчасъ... съ прогулки...

Фамусовъ.

Другъ, нельзя ли для прогулокъ
Подальше выбрать закоулокъ?
А ты, сударыня, чуть изъ постели прыгъ —
Съ мужчиной! съ молодымъ!.. Занятье для дѣвицы!
Всю ночь читаетъ небылицы, —
И вотъ плоды отъ этихъ книгъ!
А все Кузнецкій мостъ и вѣчные французы —
Оттуда моды къ намъ, и авторы, и музы, —
Губители кармановъ и сердецъ!
Когда избавитъ насъ Творецъ
Отъ шляпокъ ихъ, чепцовъ, и шпилекъ, и булавокъ,
И книжныхъ и бисквитныхъ лавокъ!

Софья.

Позвольте, батюшка... Кружится голова...
Я отъ испуга духъ перевожу едва...
Изволили вбѣжать вы такъ проворно...
Смѣшалась я...

Фамусовъ.

Благодарю покорно—
Я скоро къ нимъ вбѣжалъ!
Я помѣшалъ! я испугалъ!
Я, Софья Павловна, разстроенъ самъ... День цѣлый

Нѣтъ отдыха!.. Мечусь, какъ словно угорѣлый:
По должности, по службѣ хлопотня, —
Тотъ пристаетъ, другой... всѣмъ дѣло до меня!
Но ждалъ-ли новыхъ я хлопотъ, чтобъ былъ
обманутъ!..

Софья.
(сквозь слезы).

Кѣмъ, батюшка?

Фамусовъ.

Вотъ, попрекать мнѣ станутъ,
Что безъ-толку всегда журю...
Не плачь... я дѣло говорю!
Ужъ объ твоемъ-ли не радѣли
Объ воспитаньи съ колыбели!
Мать умерла — умѣлъ я принанять
Въ мадамъ Розье вторую мать —
Старушку-золото въ надзоръ къ тебѣ приставилъ:
Умна была, нравъ тихій, рѣдкихъ правилъ...
Одно не къ чести служитъ ей:
За лишнихъ въ годъ пятьсотъ рублей
Сманить себя другими допустила...
Да не въ мадамѣ сила!
Не надобно иного образца,
Когда въ глазахъ примѣръ отца...
Смотри ты на меня: не хвастаюсь сложеньемъ,
Однако бодръ и свѣжъ, и дожилъ до сѣдинъ...
Свободенъ, вдовъ, себѣ я господинъ...
Монашескимъ извѣстенъ поведеньемъ...

Лиза.

Осмѣлюсь я, сударь...

Фамусовъ.

Молчать!
Ужасный вѣкъ! Не знаешь, что начать! —
Всѣ умудрились не по лѣтамъ...

А пуще — дочери... Да сами — дураки! *)
— Дались намъ эти языки! —
Беремъ-же побродягъ и въ домъ и по билетамъ,
Чтобъ нашихъ дочерей всему учить всему —
И танцамъ, и пѣнью, и нѣжностямъ, и вздохамъ—
Какъ-будто въ жены ихъ готовимъ скоморохамъ!
Ты, посѣтитель, что? Ты здѣсь, сударь, къ чему?
Безроднаго пригрѣлъ и ввелъ въ мое семейство,
Далъ чинъ ассесора и взялъ въ секретари,
Въ Москву переведенъ черезъ мое содѣйство...
И будь не я, коптѣлъ-бы ты въ Твери!...

Софья.

Я гнѣва вашего никакъ не растолкую...
Онъ въ домѣ здѣсь живетъ — великая напасть! —
Шелъ въ комнату, — попалъ въ другую...

Фамусовъ.

Попалъ, или хотѣлъ попасть?
Да вмѣстѣ вы зачѣмъ? Нельзя, чтобы случайно!

Софья.

Вотъ въ чемъ, однако, случай весь:
Какъ давеча вы съ Лизой были здѣсь,
Перепугалъ меня вашъ голосъ чрезвычайно,
И бросилась сюда со всѣхъ я ногъ...

Фамусовъ.

Пожалуй, на меня всю суматоху сложитъ!
Не впору голосъ мой надѣлалъ имъ тревогъ!

Софья.

По смутномъ снѣ бездѣлица тревожитъ...
Сказать вамъ сонъ? Поймете вы тогда...

Фамусовъ.

Что за исторія?

*) Варіантъ: добряки!

Софья.

Вамъ разсказать?

Фамусовъ.

Ну, да!

(садится).

Софья.

Позвольте... видите-ль... сначала
Цвѣтистый лугъ... И я искала
Траву,
Какую-то... не вспомню наяву...
Вдругъ милый человѣкъ... одинъ изъ тѣхъ,
кого мы
Увидимъ — будто вѣкъ знакомы —
Явился тутъ со мной... И вкрадчивъ и уменъ,
Но робокъ... Знаете, кто въ бѣдности рожденъ...

Фамусовъ.

Ахъ, матушка, не довершай удара —
Кто бѣденъ, тотъ тебѣ не пара!

Софья.

Потомъ пропало все — луга и небеса...
Мы въ темной комнатѣ... Для довершенья чуда —
Раскрылся полъ... и вы оттуда —
Блѣдны, какъ смерть, и дыбомъ волоса!..
Тутъ съ громомъ распахнулись двери...
Какіе-то не люди и не звѣри —
Насъ врознь! — и мучили сидѣвшаго со мной...
Онъ будто мнѣ дороже всѣхъ сокровищъ:
Хочу къ нему — вы тащите съ собой...
Насъ провожаетъ стонъ, ревъ, хохотъ, свистъ
чудовищъ...
Онъ вслѣдъ кричитъ...
Проснулась... Кто-то говоритъ:
Вашъ голосъ былъ... Что, думаю, такъ рано?
Бѣгу сюда — и васъ обоихъ нахожу...

Фамусовъ.

Да, дуренъ сонъ, какъ погляжу!..
Тутъ все есть, коли нѣтъ обмана:
И черти, и любовь, и страхи, и цвѣты...
Ну, сударь мой, а ты?

Молчалинъ.

Я слышалъ голосъ вашъ..

Фамусовъ.

Забавно!
Дался имъ голосъ мой! И какъ себѣ исправно
Всѣмъ слышится и всѣхъ сзываетъ до зари!
На голосъ мой спѣшилъ?.. Зачѣмъ-же? Говори!

Молчалинъ.

Съ бумагами-съ...

Фамусовъ.

Да, ихъ недоставало!
Помилуйте, что это вдругъ припало
Усердье къ письменнымъ дѣламъ?
(Встаетъ).
Ну, Сонюшка, тебѣ покой я дамъ...
Бываютъ странны сны, а наяву страннѣе:
Искала ты себѣ травы,
На друга набрела скорѣе...
Повыкинь вздоръ изъ головы:
Гдѣ чудеса, тамъ мало складу...
Поди-ка, лягъ, усни опять...
(Молчалину).
Идемъ бумаги разбирать!

Молчалинъ.

Я только несъ ихъ для докладу,
Что въ ходъ нельзя пустить безъ справокъ, а въ иныхъ
Противорѣчья есть, и многое не дѣльно...

Фамусовъ.

Боюсь, сударь, я одного смертельно,
Чтобъ множества не накоплялось ихъ...
Дай волю вамъ — оно-бы и засѣло!
А у меня, что дѣло, что не дѣло,
Обычай мой такой:
Подписано, такъ съ плечъ долой!
(Уходитъ съ Молчалинымъ; въ дверяхъ пропускаетъ его впередъ).

ЯВЛЕНІЕ 5-е.

Софья, Лиза.

Лиза.

Ну, вотъ у праздника! Ну, вотъ вамъ и потѣха!
Однако, нѣтъ, — теперь ужъ не до смѣха:
Въ глазахъ темно, и замерла душа...
Грѣхъ не бѣда, — молва нехороша!

Софья.

Что мнѣ молва! Кто хочетъ, такъ и судитъ...
Да, батюшка задуматься принудитъ:
Брюзгливъ, неугомоненъ, скоръ —
Таковъ всегда, а съ этихъ поръ —
Ты можешь посудить...

Лиза.

Сужу-съ не по разсказамъ...
Запретъ онъ васъ... Добро еще — со мной!
А то, помилуй Богъ, какъ разомъ
Меня, Молчалина и всѣхъ — съ двора долой...

Софья.

Подумаешь, какъ счастье своенравно!
Бываетъ хуже — съ рукъ сойдетъ!
Когда-жъ печальное ничто на умъ нейдетъ...
Забылись музыкой, и время шло такъ плавно...

Судьба насъ будто берегла:
Ни безпокойства, ни сомнѣнья...
А горе ждетъ изъ-за угла!

Л и з а.

Вотъ то-то-съ, моего вы глупаго сужденья
Не жалуете никогда...
Анъ вотъ бѣда!
На что вамъ лучшаго пророка?
Твердила я: въ любви не будетъ этой прока —
Ни вѣ-вѣки вѣковъ!
Какъ всѣ московскіе, вашъ батюшка таковъ:
Желалъ-бы зятя онъ съ звѣздами да съ чинами,
А при звѣздахъ не всѣ богаты между нами...
Ну, разумѣется, къ тому-бъ
И деньги, чтобъ пожить, чтобъ могъ давать онъ балы...
Вотъ, напримѣръ, полковникъ Скалозубъ —
И золотой мѣшокъ, и мѣтитъ въ генералы...

С о ф ь я.

Куда какъ милъ! И весело мнѣ — страхъ! —
Выслушивать о фрунтѣ и рядахъ!
Онъ слова умнаго не выговорилъ сроду...
Мнѣ все равно, что за него, что въ воду!

Л и з а.

Да-съ, такъ сказать, рѣчистъ, а больно не хитеръ.
Но будь военный, будь онъ статскій, —
Кто такъ чувствителенъ, и веселъ, и остеръ,
Какъ Александръ Андреичъ Чацкій?
Не для того, чтобъ васъ смутить...
Давно прошло — не воротить...
А помнится...

С о ф ь я.

Что «помнится»? Онъ славно
Пересмѣять умѣетъ всѣхъ...

Болтаетъ, шутитъ, — мнѣ забавно...
Дѣлить со всякимъ можно смѣхъ!

Л и з а.

И только? будто-бы? — Слезами обливался,
Я помню, бѣдный онъ, какъ съ вами разставался..
«Что, сударь, плачете? Живите-ка, смѣясь!...»
А онъ въ отвѣтъ: «Недаромъ, Лиза, плачу...
«Кому извѣстно, что найду я, воротясь,
«И сколько, можетъ-быть, утрачу!»
Бѣдняжка! Будто зналъ, что года черезъ три...

С о ф ь я.

Послушай, вольности ты лишней не бери!
Я очень вѣтрено, быть можетъ, поступила...
И знаю, и винюсь... Но гдѣ-же измѣнила?
Кому? — чтобъ укорять невѣрностью могли?
Да, съ Чацкимъ, правда, мы воспитаны, росли...
Привычка вмѣстѣ быть, день каждый, неразлучно,
Связала дѣтскою насъ дружбой... но потомъ
Онъ съѣхалъ — ужъ у насъ ему казалось скучно—
И рѣдко посѣщалъ нашъ домъ...
Потомъ опять прикинулся влюбленнымъ,
Взыскательнымъ и огорченнымъ...
Остеръ, уменъ, краснорѣчивъ,
Въ друзьяхъ особенно счастливъ —
Вотъ о себѣ задумалъ онъ высоко...
Охота странствовать напала на него...
Ахъ, если любить кто кого —
Зачѣмъ ума искать и ѣздить такъ далеко?

Л и з а.

Гдѣ носится? Въ какихъ краяхъ?
Лечился, говорятъ, на кислыхъ онъ водахъ...
Не отъ болѣзни, чай, — отъ скуки, повольнѣе...

С о ф ь я.

И вѣрно, счастливъ тамъ, гдѣ люди посмѣшнѣе...

Кого люблю я — не таковъ:
Молчалинъ за другихъ себя забыть готовъ...
Врагъ дерзости... всегда застѣнчиво, несмѣло...
Ночь цѣлую съ кѣмъ можно такъ провесть?
Сидимъ, а на дворѣ давно ужъ побѣлѣло!
Какъ думаешь, чѣмъ заняты?

Л и з а.

Богъ вѣсть,
Сударыня... мое-ли это дѣло!

С о ф ь я.

Возьметъ онъ руку, къ сердцу жметъ,
Изъ глубины души вздохнетъ,
Ни слова вольнаго... И такъ вся ночь проходитъ—
Рука съ рукой, и глазъ съ меня не сводитъ!..
Смѣешься! Можно-ли? Чѣмъ поводъ подала
Тебѣ я къ хохоту такому?

Л и з а.

Мнѣ-съ... ваша тетушка на умъ теперь пришла...
Какъ молодой французъ сбѣжалъ у ней изъ дому...
Голубушка! хотѣла схоронить
Свою досаду — не сумѣла:
Забыла волосы чернить —
И черезъ три дни госѣдѣла!
(Продолжаетъ хохотать).

С о ф ь я
(съ огорченіемъ).

Вотъ такъ-же обо мнѣ потомъ заговорятъ!

Л и з а.

Простите!.. Право, какъ Богъ святъ,
Хотѣла я, чтобъ этотъ смѣхъ дурацкій
Васъ нѣсколько развеселить помогъ...

ЯВЛЕНІЕ 6-е.

Софья, Лиза, слуга, за нимъ Чацкій.

Слуга.

Къ вамъ Александръ Андреичъ Чацкій.

(Уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ 7-е.

Софья, Лиза, Чацкій.

Чацкій.

Чуть свѣтъ — ужъ на ногахъ! И я у вашихъ ногъ...
(Съ жаромъ цѣлуетъ руку).
Ну, поцѣлуйте-же! Не ждали? Говорите!
Что-жъ, рады? Нѣтъ? Въ лицо мнѣ посмотрите!
Удивлены? — и только? Вотъ пріемъ!
Какъ будто не прошло недѣли,
Какъ будто бы вчера, вдвоемъ,
Мы, мочи нѣтъ, другъ другу надоѣли!
Ни на волосъ любви!.. Куда какъ хороши!
А между тѣмъ, не вспомнясь, безъ души,
Я сорокъ пять часовъ, глазъ мигомъ не прищуря,
Верстъ больше семисотъ пронесся...
Вѣтеръ! Буря!
И растерялся весь, и падалъ сколько разъ!..
И вотъ — за подвиги награда!

Софья.

Ахъ, Чацкій, я вамъ очень рада!

Чацкій.

Вы рады? Въ добрый часъ!
Однако, искренно кто-жъ радуется эдакъ?
Мнѣ кажется, что напослѣдокъ,
Людей и лошадей знобя,
Я только тѣшилъ самъ себя...

Лиза.

Вотъ, сударь, если-бы вы были за дверями —
Ей-Богу, нѣтъ пяти минутъ,
Какъ поминали васъ мы тутъ!..
Сударыня, скажите сами!

Софья.

Всегда, — не только что теперь...
Не можете мнѣ сдѣлать вы упрека!
Кто промелькнетъ, отворитъ дверь,
Проѣздомъ, случаемъ, изъ-чужа, изъ-далека, —
Съ вопросомъ я, хоть будь морякъ, —
Не повстрѣчалъ-ли гдѣ въ почтовой васъ каретѣ?

Чацкій.

Положимте, что такъ...
Блаженъ, кто вѣруетъ, — тепло ему на свѣтѣ!
Ахъ, Боже мой! Ужли я здѣсь опять?
Въ Москвѣ! У васъ! Да какъ-же васъ узнать?
Гдѣ время то, гдѣ возрастъ тотъ невинный,
Когда, бывало, въ вечеръ длинный
Мы съ вами явимся, исчезнемъ, тутъ и тамъ,
Играемъ и шумимъ по стульямъ и столамъ?..
Или — вашъ батюшка съ мадамой, за пикетомъ...
Мы — въ темномъ уголкѣ, и, кажется, что въ этомъ...
Вы помните? Вздрогнемъ, чуть скрипнетъ столикъ, дверь...

Софья.

Ребячество!

Чацкій.

Да-съ, а теперь,
Въ семнадцать лѣтъ, вы расцвѣли прелестно,
Неподражаемо, — и это вамъ извѣстно!
И потому скромны, — не смотрите на свѣтъ...
Не влюблены-ли вы? Прошу мнѣ дать отвѣтъ!
Безъ думы, — полноте смущаться!...

Софья.

Да хоть кого смутятъ
Вопросы быстрые и любопытный взглядъ...

Чацкій.

Помилуйте, не вамъ, — чему-же удивляться?
Что новаго покажетъ мнѣ Москва?
Вчера былъ балъ, а завтра будетъ два...
Тотъ сватался — успѣлъ, а тотъ — далъ промахъ..
Все тотъ-же толкъ и тѣ-жъ стихи въ альбомахъ!

Софья.

Гоненье на Москву! Что значитъ видѣть свѣтъ!
Гдѣ-жъ лучше?

Чацкій.

Гдѣ насъ нѣтъ!...
Ну, что вашъ батюшка? Все англійскаго клоба
Старинный, вѣрный членъ до гроба?
Вашъ дядюшка отпрыгалъ-ли свой вѣкъ?
А этотъ... какъ его? Онъ турокъ или грекъ?
Тотъ... черномазенькій — на ножкахъ журавлиныхъ...
Не знаю, какъ его зовутъ...
Куда ни сунься — тутъ какъ тутъ! —
Въ столовыхъ и въ гостиныхъ...
А трое изъ бульварныхъ лицъ,
Которыя съ-полвѣка молодятся?
Родныхъ мильонъ у нихъ, и, съ помощью сестрицъ,
Со всей Европой породнятся...
А наше солнышко, нашъ кладъ?
На лбу написано: театръ и маскарадъ!
Домъ зеленью расписанъ въ видѣ рощи,
Самъ толстъ, его артисты тощи...
На балѣ, помните? — открыли мы вдвоемъ —
За ширмами, въ одной изъ комнатъ посекретнѣй,
Былъ спрятанъ человѣкъ, и щелкалъ соловьемъ—

Пѣвецъ зимой погоды лѣтней!
А тотъ, чахоточный, родня вамъ, книгамъ врагъ,
Въ ученый комитетъ который поселился
И съ крикомъ требовалъ присягъ,
Чтобъ грамотѣ никто не зналъ и не учился?
Опять увидѣть ихъ мнѣ суждено судьбой!
Жить съ ними надоѣстъ... И въ комъ не сыщешь пятенъ!
Когда-жъ пространствуешь, воротишься домой,
И дымъ отечества намъ сладокъ и пріятенъ!

Софья.

Вотъ васъ-бы съ тетушкою свесть,
Чтобъ всѣхъ знакомыхъ перечесть!

Чацкій.

А... тетушка? Все дѣвушкой, Минервой?
Все фрейлиной Екатерины Первой?
Воспитанницъ и мосекъ полонъ домъ?
Ахъ, къ воспитанью перейдемъ...
Что, нынче такъ-же, какъ издревле,
Хлопочутъ набирать учителей полки —
Числомъ поболѣе, цѣною подешевле?
Не то, чтобы въ наукѣ далеки:
Въ Россіи, подъ великимъ штрафомъ,
Намъ каждаго признать велятъ
Историкомъ и географомъ!
Нашъ менторъ... помните? Колпакъ его, халатъ,
Перстъ указательный — всѣ признаки ученья —
Какъ наши робкіе тревожили умы!
Какъ съ раннихъ поръ привыкли вѣрить мы,
Что намъ безъ нѣмцевъ нѣтъ спасенья!
А Гильоме, французъ, подбитый вѣтеркомъ —
Онъ не женатъ еще?

Софья.

На комъ?

Чацкій.

Хоть на какой-нибудь княгинѣ —
Пульхеріи Андревнѣ, напримѣръ?

Софья.

Танцмейстеръ? Можно-ли!

Чацкій.

Что-жъ? — онъ и кавалеръ!
Отъ насъ потребуютъ съ имѣньемъ быть и въ чинѣ,
А Гильоме... Здѣсь нынче тонъ каковъ?
На съѣздахъ, на большихъ, по праздникамъ приходскимъ
Господствуетъ еще смѣшенье языковъ —
Французскаго съ нижегородскимъ?

Софья.

Смѣсь языковъ?

Чацкій.

Да, двухъ, — безъ этого нельзя-жъ!

Лиза.

Но мудрено изъ нихъ одинъ скроить, какъ вашъ!

Чацкій.

По крайней мѣрѣ, не надутой!
Вотъ новости!.. Я пользуюсь минутой,
Свиданьемъ съ вами оживленъ
И говорливъ!.. а развѣ нѣтъ временъ,
Что я Молчалина глупѣе? Гдѣ онъ, кстати?
Еще-ли не сломилъ безмолвія печати?
Бывало, пѣсенокъ гдѣ новенькихъ тетрадь
Увидитъ, — пристаетъ: «Пожалуйте списать!»
А впрочемъ, онъ дойдетъ до степеней извѣстныхъ:
Вѣдь, нынче любятъ безсловесныхъ!

Софья

(въ сторону).

Не человѣкъ — змѣя!

(Громко и принужденно).

Хочу у васъ спросить:
Случалось-ли, чтобъ вы, смѣясь или въ печали,
Ошибкою, — добро о комъ-нибудь сказали?
Хоть не теперь, а въ дѣтствѣ, можетъ-быть...

Чацкій.

Когда все мягко такъ, и нѣжно, и незрѣло?..
На-что же такъ давно? Вотъ доброе вамъ дѣло:
Звонками только-что гремя
И день и ночь по снѣговой пустынѣ,
Спѣшу къ вамъ, голову сломя, —
И какъ васъ нахожу?.. Въ какомъ-то строгомъ чинѣ!
Вотъ полчаса холодности терплю!
Лицо — святѣйшей богомолки!..
И все-таки я васъ безъ памяти люблю!

(Минутное молчаніе).

Послушайте, ужли слова мои всѣ колки
И клонятся къ чьему-нибудь вреду?
Но если такъ, умъ съ сердцемъ не въ ладу!
Я въ чудакахъ иному чуду
Разъ посмѣюсь, потомъ забуду...
Велите-жъ мнѣ въ огонь — пойду, какъ на обѣдъ!..

Софья.

Да, хорошо — сгорите... если-жъ нѣтъ?..

ЯВЛЕНІЕ 8-е.

Софья, Лиза, Чацкій, Фамусовъ.

Фамусовъ

Вотъ и другой!

Софья.

Ахъ, батюшка, — сонъ въ руку!

(Уходитъ).

Фамусовъ

(ей вслѣдъ вполголоса).

Проклятый сонъ!

ЯВЛЕНІЕ 9-е.

Фамусовъ, Чацкій

(смотритъ на дверь, въ которую Софья вышла).

Фамусовъ.

Ну, выкинулъ ты штуку!
Три года не писалъ двухъ словъ —
И грянулъ вдругъ, какъ съ облаковъ!
(Обнимаются).
Здорово, другъ! Здорово, братъ! Здорово!
Разсказывай, — чай, у тебя готово
Собранье важное вѣстей?
Садись-ка, объяви скорѣй!

(Садятся).

Чацкій

(разсѣянно).

Какъ Софья Павловна у васъ похорошѣла!

Фамусовъ.

Вамъ, людямъ молодымъ, другого нѣту дѣла,
Какъ замѣчать дѣвичьи красоты...
Сказала что-то вскользь, а ты,
Я чай, надеждами занесся, заколдованъ...

Чацкій.

Ахъ, нѣтъ! Надеждами я мало избалованъ...

Фамусовъ.

«Сонъ въ руку!» — мнѣ она изволила шепнуть...
Вотъ ты задумалъ...

Чацкій.

Я? ничуть!

Фамусовъ.

О комъ ей снилось? Что такое?

Чацкій.

Я не отгадчикъ сновъ!

Фамусовъ.

Не вѣрь ей — все пустое!

Чацкій.

Я вѣрю собственнымъ глазамъ...
Вѣкъ не встрѣчалъ — подписку дамъ —
Что-бъ было ей хоть нѣсколько подобно!

Фамусовъ.

Онъ все — свое! Да разскажи подробно:
Гдѣ былъ, скитался столько лѣтъ?
Откудова теперь?

Чацкій.

Теперь мнѣ до того-ли!
Хотѣлъ объѣхать цѣлый свѣтъ —
И не объѣхалъ сотой доли...
(Встаетъ поспѣшно).
Простите! Я спѣшилъ скорѣе видѣть васъ...
Не заѣзжалъ домой... Прощайте! Черезъ часъ
Явлюсь... Подробности малѣйшей не забуду...
Вамъ первымъ... вы потомъ разсказывайте всюду!
(Въ дверяхъ).
Какъ хороша!

(Уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ 10-е.

Фамусовъ
(одинъ).

Который-же изъ двухъ?

«Ахъ, батюшка, — сонъ въ руку!»
И говоритъ мнѣ это вслухъ!
Ну, виноватъ! Какого-жъ далъ я крюку!
Молчалинъ давеча въ сомнѣнье ввелъ меня...
Теперь... да въ полмя изъ огня!
Тотъ — нищій, этотъ — франтъ-пріятель —
Отъявленъ мотомъ, сорванцомъ...
Что за комиссія, Создатель,
Быть взрослой дочери отцомъ!
(Уходитъ).

Конецъ перваго дѣйствія.

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

ЯВЛЕНІЕ 1-е.

Фамусовъ, слуга.

Фамусовъ.

Петрушка! — вѣчно ты съ обновкой —
Съ разодраннымъ локтемъ! — достань-ка календарь...
Читай! — не такъ, какъ пономарь,
А съ чувствомъ, съ толкомъ, съ разстановкой!
Постой-же... На листѣ черкни на записномъ
Противу будущей недѣли:
Къ Прасковьѣ Ѳедоровнѣ въ домъ
Во вторникъ званъ я на форели.
Куда какъ чуденъ созданъ свѣтъ!
Пофилософствуй — умъ вскружится! —
То бережешься, то обѣдъ:
Ѣшь три часа, а въ три дни не сварится!
Отмѣть-ка: въ тотъ-же день... нѣтъ, нѣтъ —
Въ четвергъ — я званъ на погребенье.
Охъ, родъ людской! — пришло въ забвенье,

Что всякій самъ туда-же долженъ лѣзть,
Въ тотъ ларчикъ, гдѣ ни стать, ни сѣсть.
Но память по себѣ намѣренъ кто оставить
Житьемъ похвальнымъ, — вотъ примѣръ;
Покойникъ былъ почтенный камергеръ,
Съ ключомъ, и сыну ключъ умѣлъ доставить...
Богатъ, и на богатой былъ женатъ,
Переженилъ дѣтей, внучатъ,
Скончался — всѣ о немъ прискорбно поминаютъ;
«Кузьма Петровичъ — миръ ему!»
Что за тузы въ Москвѣ живутъ и умираютъ!..
Пиши: въ четвергъ — одно ужъ къ одному, —
А можетъ — въ пятницу, а можетъ — и въ субботу:
Я долженъ у вдовы, у докторши, крестить...
Она не родила, но по разсчету
По моему — должна родить.

ЯВЛЕНІЕ 2-е.

Фамусовъ, слуга, Чацкій.

Фамусовъ.

А... Александръ Андреичъ, просимъ!
Садись.

Чацкій.

Вы заняты?

Фамусовъ
(слугѣ).

Поди.
(Слуга уходитъ).
Да, разныя дѣла на память въ книгу вносимъ:
Забудется — того гляди...

Чацкій.

Вы что-то невеселы стали...

Скажите: отчего? Пріѣздъ не впору мой?
Ужъ Софьѣ Павловнѣ какой
Не приключилось ли печали?
У васъ въ лицѣ, въ движеньяхъ суета...

Фамусовъ.

Ахъ, батюшка, нашелъ загадку:
Не веселъ я... Въ мои лѣта
Не можно же пускаться мнѣ въ присядку!

Чацкій.

Никто не приглашаетъ васъ...
Я только-что спросилъ два слова
Объ Софьѣ Павловнѣ... быть можетъ, нездорова?

Фамусовъ.

Тьфу, Господи прости! — пять тысячъ разъ
Твердитъ одно и то же:
То Софьи Павловны на свѣтѣ нѣтъ пригоже,
То Софья Павловна больна!..
Скажи: тебѣ понравилась она?
Обрыскалъ свѣтъ, — не хочешь ли жениться?

Чацкій.

А вамъ на что?

Фамусовъ.

Меня не худо бы спроситься:
Вѣдь, я ей нѣсколько сродни, —
По крайней мѣрѣ, искони
Отцомъ не даромъ называли...

Чацкій.

Пусть я посватаюсь, вы что бы мнѣ сказали?

Фамусовъ.

Сказалъ бы я, во-первыхъ: не блажи,
Имѣньемъ, братъ, не управляй оплошно,
А главное — поди-тка, послужи!

Чацкій.

Служить бы радъ — прислуживаться тошно.

Фамусовъ.

Вотъ то-то! — всѣ вы гордецы! —
Спросили бы, какъ дѣлали отцы,
Учились бы, на старшихъ глядя!
Мы, напримѣръ, или покойникъ-дядя,
Максимъ Петровичъ... онъ не то на серебрѣ —
На золотѣ ѣдалъ!.. сто человѣкъ къ услугамъ!..
Весь въ орденахъ!.. ѣзжалъ-то вѣчно цугомъ!..
Вѣкъ при Дворѣ, да при какомъ Дворѣ!
Тогда не то, что нынѣ,
При государынѣ служилъ Екатеринѣ!
А въ тѣ-поры всѣ важны — въ сорокъ пудъ!..
Раскланяйся — тупеемъ не кивнутъ!
Вельможа въ случаѣ — тѣмъ паче! —
Не какъ другой: и пилъ и ѣлъ иначе.
А дядя? что твой князь! что графъ!
Сурьезный взглядъ, надменный нравъ!..
Когда же надо подслужиться,
И онъ сгибался въ перегибъ:
На куртагѣ ему случилось оступиться...
Упалъ... да такъ, что чуть затылка не прошибъ!
Старикъ заохалъ... голосъ хрипкой...
Былъ высочайшею пожалованъ улыбкой!
Изволили смѣяться... Какъ же онъ? —
Привсталъ, оправился, хотѣлъ отдать поклонъ —
Упалъ въ другорядь — ужъ нарочно! —
А хохотъ — пуще! Онъ и въ третій — такъ же точно!
А какъ по вашему?.. По нашему — смышленъ:
Упалъ онъ больно — всталъ здорово!..
Зато, бывало, въ вистъ кто чаще приглашенъ?
Кто слышитъ при Дворѣ привѣтливое слово?
Максимъ Петровичъ! Кто предъ всѣми зналъ почетъ?
Максимъ Петровичъ!.. Шутка!

Въ чины выводитъ кто и пенсіи даетъ?
Максимъ Петровичъ! Да!.. Вы, нынѣшніе, ну-тка?!

Чацкій.

И точно, началъ свѣтъ глупѣть, —
Сказать вы можете, вздохнувши...
Какъ посравнить, да посмотрѣть
Вѣкъ нынѣшній и вѣкъ минувшій —
Свѣжо преданіе, а вѣрится съ трудомъ...
Какъ тотъ и славился, чья чаще гнулась шея,
Какъ не въ войнѣ, а въ мирѣ брали лбомъ —
Стучали объ-полъ, не жалѣя!
Кому нужда — тѣмъ спесь: лежи они въ пыли! —
А тѣмъ, кто выше, лесть, какъ кружево, плели...
Прямой былъ вѣкъ покорности и страха,
Все подъ личиною усердія къ царю...
Я не объ дядюшкѣ объ вашемъ говорю, —
Его не возмутимъ мы праха...
Но между тѣмъ, кого охота заберетъ,
Хоть въ раболѣпствѣ самомъ пылкомъ,
Теперь, чтобы смѣшить народъ,
Отважно жертвовать затылкомъ?
А сверстничекъ, а старичокъ
Иной, глядя на тотъ скачокъ
И разрушаясь въ ветхой кожѣ,
Чай, приговаривалъ: «Ахъ, если бы мнѣ то же!»
Хоть есть охотники поподличать вездѣ,
Да нынче смѣхъ страшитъ и держитъ стыдъ въ уздѣ...
Не даромъ жалуютъ ихъ скупо государи!

Фамусовъ.

Ахъ, Боже мой! — онъ карбонарій!

Чацкій.

Нѣтъ, нынче свѣтъ ужъ не таковъ...

Фамусовъ.

Опасный человѣкъ!

Чацкій.

Вольнѣе всякій дышитъ,
И не торопится вписаться въ полкъ шутовъ...

Фамусовъ.

Что говоритъ!... и говоритъ, какъ пишетъ!

Чацкій.

У покровителя зѣвать на потолокъ,
Явиться помолчать, пошаркать, пообѣдать,
Подставить стулъ, поднять платокъ...

Фамусовъ.

Онъ вольность хочетъ проповѣдать!

Чацкій.

Кто путешествуетъ, въ деревнѣ кто живетъ...

Фамусовъ.

Да онъ властей не признаетъ!

Чацкій.

Кто служитъ дѣлу, а не лицамъ...

Фамусовъ.

Строжайше-бъ запретилъ я этимъ господамъ
На выстрѣлъ подъѣзжать къ столицамъ!

Чацкій.

Я, наконецъ, вамъ отдыхъ дамъ...

Фамусовъ.

Терпѣнья, мочи нѣтъ!... досадно!...

Чацкій.

Вашъ вѣкъ бранилъ я безпощадно, —
Предоставляю вамъ во власть:
Откиньте часть

Хоть нашимъ временамъ въ придачу...
Ужъ такъ и быть, я не поплачу.

Фамусовъ.

И знать васъ не хочу, разврата не терплю!

Чацкій.

Я досказалъ...

Фамусовъ.

Добро! — заткнулъ я уши...

Чацкій.

На что-жъ? Я ихъ не оскорблю.

Фамусовъ

(скороговоркою).

Вотъ рыскаютъ по свѣту, бьютъ баклуши,
Воротятся — отъ нихъ порядка жди!..

Чацкій.

Я пересталъ...

Фамусовъ.

Пожалуй, пощади!

Чацкій.

Длить споры не мое желанье...

Фамусовъ.

Хоть душу отпусти на покаянье!

ЯВЛЕНІЕ 3-е.

Слуга

(входитъ).

Полковникъ Скалозубъ.

Фамусовъ

(ничего не видитъ и не слышитъ).

Тебя ужъ упекутъ
Подъ судъ — какъ пить дадутъ!

Чацкій.

Пожаловалъ къ вамъ кто-то на домъ...

Фамусовъ.

Не слушаю — подъ судъ!

Чацкій.

Къ вамъ человѣкъ съ докладомъ...

Фамусовъ

Не слушаю... подъ судъ! подъ судъ!

Чацкій.

Да обернитесь — васъ зовутъ!

Фамусовъ

(оборачивается).

А!... Ну, такъ и жду содома!

Слуга.

Полковникъ Скалозубъ... Прикажете принять?

Фамусовъ

(встаетъ).

Ослы! Сто разъ вамъ повторять!
Принять его, позвать, просить, сказать, что дома!..
Что очень радъ!... Пошелъ же, торопись!
(Слуга уходитъ).
Пожалуйста, сударь, при немъ остерегись:
Извѣстный человѣкъ, солидный.
И знаковъ тьму отличій нахваталъ...
Не по лѣтамъ и чинъ завидный —

Не нынче-завтра — генералъ!
Пожалуйста, при немъ веди себя скромненько.
Эхъ, Александръ Андреичъ! дурно, братъ!...
Ко мнѣ онъ жалуетъ частенько:
Я всякому, ты знаешь, радъ...
Въ Москвѣ прибавятъ вѣчно втрое:
Вотъ — будто женится на Сонюшкѣ... Пустое!
Онъ, можетъ быть, и радъ бы былъ душой,
Да надобности самъ не вижу я большой
Дочь выдавать ни завтра, ни сегодня —
Вѣдь, Софья молода. А впрочемъ, власть
Господня!...
Пожалуйста, при немъ не спорь ты вкривь и вкось
И завиральныя идеи эти брось!
Однако, нѣтъ его!... какую бы причину?...
А... знать, ко мнѣ пошелъ — въ другую
половину.
(Поспѣшно уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ 4-е.

Чацкій.

Какъ суетится! что за прыть!
А Софья?... Нѣтъ ли впрямь тутъ жениха
какого?
Съ которыхъ поръ меня дичится, какъ чужого?
Какъ здѣсь бы ей не быть?
Кто этотъ Скалозубъ? Отецъ имъ сильно бредитъ...
А можетъ быть — не только, что отецъ...
Ахъ, тотъ скажи любви конецъ,
Кто на три года вдаль уѣдетъ!

ЯВЛЕНІЕ 5-е.

Чацкій, Фамусовъ, Скалозубъ,

Фамусовъ.

Сергѣй Сергѣичъ, къ намъ... сюда-съ...
Прошу покорно... здѣсь теплѣе...

Прозябли вы? — согрѣемъ васъ —
Отдушничекъ откроемъ поскорѣе...

Скалозубъ
(густымъ басомъ).

Зачѣмъ же лазить, напримѣръ,
Самимъ!.. Мнѣ совѣстно, какъ честный офицеръ...

Фамусовъ.

Неужто для друзей не сдѣлать мнѣ ни шагу!
Сергѣй Сергѣичъ! дорогой!
Кладите шляпу, сдѣньте шпагу...
Вотъ вамъ софа, раскиньтесь на покой!

Скалозубъ.

Куда прикажете... лишь только бы усѣсться...
(Садятся всѣ трое; Чацкій поодаль).

Фамусовъ.

Ахъ, батюшка! сказать, чтобъ не забыть:
Позвольте намъ своими счесться,
Хоть дальними — наслѣдства не дѣлить! —
Не знали вы, — а я подавно —
Спасибо, научилъ двоюродный вашъ братъ! —
Какъ вамъ доводится Настасья Николавна?

Скалозубъ.

Не знаю-съ... виноватъ...
Мы съ нею вмѣстѣ не служили.

Фамусовъ.

Сергѣй Сергѣичъ, это вы ли!?
Нѣтъ! Я передъ родней, гдѣ встрѣтится, ползкомъ!
Сыщу ее на днѣ морскомъ!..
При мнѣ служащіе чужіе очень рѣдки:
Все больше сестрины, свояченицы дѣтки...
Одинъ Молчалинъ мнѣ не свой,
И то затѣмъ, что дѣловой...

Какъ станешь представлять къ крестишку иль къ мѣстечку,
Ну, какъ не порадѣть родному человѣчку!...
Однако, братецъ вашъ мнѣ другъ и говорилъ,
Что вами выгодъ тьму по службѣ получилъ.

Скалозубъ.

Въ тринадцатомъ году мы отличались съ братомъ
Въ тридцатомъ егерскомъ, а послѣ въ сорокъ пятомъ.

Фамусовъ.

Да, счастье, у кого есть эдакій сынокъ!...
Имѣетъ, кажется, въ петличкѣ орденокъ?

Скалозубъ.

За третье августа. Засѣли мы въ траншею...
Ему данъ съ бантомъ, мнѣ на шею.

Фамусовъ.

Любезный человѣкъ... и посмотрѣть — такъ хватъ!
Прекрасный человѣкъ двоюродный вашъ братъ.

Скалозубъ.

Но крѣпко набрался какихъ-то новыхъ правилъ:
Чинъ слѣдовалъ ему — онъ службу вдругъ оставилъ,
Въ деревнѣ книги сталъ читать!

Фамусовъ.

Вотъ молодость!.. читать!.. а послѣ — хвать!..
Вы — повели себя исправно:
Давно полковники, а служите недавно.

Скалозубъ.

Довольно счастливъ я въ товарищахъ моихъ, —
Вакансіи какъ-разъ открыты:

То старшихъ выключатъ иныхъ,
Другіе, смотришь, перебиты.

Фамусовъ.

Да, чѣмъ кого Господь поищетъ, вознесетъ!

Скалозубъ.

Бываетъ, моего счастливѣе везетъ!
У насъ въ пятнадцатой дивизіи, не далѣ,
Объ нашемъ хоть сказать бригадномъ генералѣ...

Фамусовъ.

Помилуйте, а вамъ чего не достаетъ?

Скалозубъ.

Не жалуюсь, не обходили...
Однако, за полкомъ два года поводили.

Фамусовъ.

Въ погонь ли за полкомъ?
Зато, конечно, въ чемъ другомъ —
За вами далеко тянуться...

Скалозубъ.

Нѣтъ-съ, старѣе меня по корпусу найдутся:
Я съ восемьсотъ девятаго служу.
Да, чтобъ чины добыть, есть многіе каналы,—
Объ нихъ, какъ истинный философъ, я сужу:
Мнѣ только бы досталось въ генералы.

Фамусовъ.

И славно судите, дай Богъ здоровья вамъ
И генеральскій чинъ! — а тамъ —
Зачѣмъ откладывать бы дальше —
Рѣчь завести объ генеральшѣ?

Скалозубъ.

Жениться?... Я ничуть не прочь...

Фамусовъ.

Что-жъ? у кого сестра, племянница есть, дочь...
Въ Москвѣ, вѣдь, нѣтъ невѣстамъ перевода...
Чего! плодятся годъ отъ года!
А, батюшка, признайтесь, что едва
Гдѣ сыщется столица, какъ Москва?

Скалозубъ.

Дистанція огромнаго размѣра.

Фамусовъ.

Вкусъ, батюшка, отмѣнная манера —
На все свои законы есть...
Вотъ, напримѣръ, у насъ ужъ изстари ведется,
Что по отцу и сыну честь:
Будь плохонькій, да если наберется
Душъ тысячки двѣ родовыхъ,
Тотъ и женихъ!
Другой — хоть прытче будь, надутый всякимъ чванствомъ,
Пускай себѣ разумникомъ слыви,
А въ семью не включатъ, на насъ не подиви! —
Вѣдь только здѣсь еще и дорожатъ дворянствомъ.
Да это ли одно!.. Возьмите вы хлѣбъ-соль:
Кто хочетъ къ намъ пожаловать — изволь! —
Дверь отперта для званыхъ и незваныхъ,
Особенно изъ иностранныхъ...
Хоть честный человѣкъ, хоть нѣтъ —
Для насъ ровнехонько: про всѣхъ готовъ обѣдъ!
Возьмите вы, — отъ головы до пятокъ —
На всѣхъ московскихъ есть особый отпечатокъ.
Извольте посмотрѣть на нашу молодежь,
На юношей, сынковъ и внучатъ?
Журимъ мы ихъ, — а если разберешь,
Въ пятнадцать лѣтъ учителей научатъ!
А наши старички? Какъ ихъ возьметъ задоръ,
Засудятъ объ дѣлахъ, что слово — приговоръ!
Вѣдь, столбовые все, въ усъ никому не дуютъ,

И о правительствѣ иной разъ такъ толкуютъ,
Что еслибъ кто подслушалъ ихъ — бѣда!..
Не то, чтобъ новизны вводили — никогда!
Спаси насъ, Боже!.. Нѣтъ... А придерутся
Къ тому, къ сему, а чаще ни къ чему,
Поспорятъ, пошумятъ — и... разойдутся.
Прямые канцлеры въ отставкѣ — по уму!
Я вамъ скажу, знать — время не приспѣло.
Но что безъ нихъ не обойдется дѣло...
А дамы? Сунься кто, попробуй, овладѣй!
Судьи всему вездѣ... надъ ними — нѣтъ судей!
За картами, когда возстанутъ общимъ бунтомъ,
Дай Богъ терпѣнія! — вѣдь самъ я былъ женатъ...
Скомандовать велите передъ фрунтомъ!
Присутствовать пошлите ихъ въ сенатъ!
Ирина Власьевна! Лукерья Алексѣвна!
Татьяна Юрьевна! Пульхерія Андревна!
А дочекъ кто видалъ, всякъ голову повѣсь!
Его величество король былъ прусскій здѣсь:
Дивился не путемъ московскимъ онъ дѣвицамъ —
Ихъ благонравью, а не лицамъ...
И точно, можно ли воспитаннѣе быть?
Умѣютъ же онѣ себя принарядить
Тафтицей, бархатцемъ и дымкой.
Словечка въ простотѣ не скажутъ —
все съ ужимкой...
Французскіе романсы вамъ поютъ
И верхнія выводятъ нотки...
Къ военнымъ людямъ такъ и льнутъ,
А потому что — патріотки!
Рѣшительно скажу: едва
Другая сыщется столица, какъ Москва.

Скалозубъ.

По моему сужденью,
Пожаръ способствовалъ ей много къ украшенью.

Фамусовъ.

Не поминайте намъ, ужъ мало ли крехтятъ!

Съ тѣхъ поръ дороги, тротуары,
Дома и все на новый ладъ!..

Чацкій.

Дома новы, но предразсудки стары...
Порадуйтесь, не истребятъ
Ни годы ихъ, ни моды, ни пожары.

Фамусовъ
(Чацкому).

Эй, завяжи на память узелокъ! —
Просилъ я помолчать — не велика услуга...
Позвольте, батюшка, вотъ-съ, Чацкаго, мнѣ друга, —
Андрея Ильича покойнаго сынокъ...
(Скалозубу).
Не служитъ... то-есть, въ томъ онъ пользы не находитъ; —
Но захоти, такъ былъ бы дѣловой...
Жаль, очень жаль — онъ малый съ головой,
И славно пишетъ, переводитъ...
Нельзя не пожалѣть, что съ этакимъ умомъ...

Чацкій.

Нельзя ли пожалѣть о комъ - нибудь другомъ?
И похвалы мнѣ ваши досаждаютъ...

Фамусовъ.

Не я одинъ — всѣ также осуждаютъ.

Чацкій.

А судьи кто!? — За древностію лѣтъ
Къ свободной жизни ихъ вражда непримирима...
Сужденія черпаютъ изъ забытыхъ газетъ
Временъ Очаковскихъ и покоренья Крыма!
Всегда готовые къ журьбѣ,
Поютъ все пѣснь одну и ту же,
Не замѣчая о себѣ, —

Что старѣе, то хуже.
Гдѣ, — укажите намъ, — отечества отцы,
Которыхъ мы должны принять за образцы?
Не эти ли, — грабительствомъ богаты,
Защиту отъ суда въ друзьяхъ нашли, въ родствѣ,
Великолѣпныя соорудя палаты,
Гдѣ разливаются въ пирахъ и мотовствѣ,
И гдѣ не воскресятъ кліенты-иностранцы
Прошедшаго житья подлѣйшія черты?...
Да и кому въ Москвѣ не зажимали рты
Обѣды, ужины и танцы!
Не тотъ ли, вы къ кому меня еще съ пеленъ,
Для замысловъ какихъ-то непонятныхъ,
Дитей возили на поклонъ?
Тотъ — Несторъ негодяевъ знатныхъ,
Толпою окруженный слугъ? —
Усердствуя, они, въ часы вина и драки,
И честь и жизнь его не разъ спасали... вдругъ
На нихъ онъ вымѣнялъ борзыя три собаки!
Или вонъ тотъ еще, который, для затѣй,
На крѣпостной балетъ согналъ на многихъ
фурахъ,
Отъ матерей, отцовъ отторженныхъ дѣтей?
Самъ погружонъ умомъ въ Зефирахъ и въ Амурахъ
Заставилъ всю Москву дивиться ихъ красѣ;
Но должниковъ не согласилъ къ отсрочкѣ:
Амуры и Зефиры всѣ
Распроданы по одиночкѣ!
Вотъ тѣ, которые дожили до сѣдинъ!
Вотъ уважать кого должны мы на безлюдьи!
Вотъ наши строгіе цѣнители и судьи!
Теперь пускай изъ насъ одинъ,
Изъ молодыхъ людей, найдется врагъ исканій, —
Не требуя ни мѣстъ, ни повышенья въ чинъ,
Въ науки онъ вперитъ умъ, алчущій познаній...
Или въ душѣ его самъ Богъ возбудитъ жаръ
Къ искусствамъ творческимъ, высокимъ и
прекраснымъ, —

Они тотчасъ: разбой! пожаръ! —
И прослыветъ у нихъ мечтателемъ опаснымъ...
Мундиръ! одинъ мундиръ! — онъ въ прежнемъ
ихъ быту
Когда-то укрывалъ, расшитый и красивый,
Ихъ слабодушіе, разсудка нищету, —
И намъ за ними въ путь счастливый?
И въ женахъ, дочеряхъ къ мундиру та же страсть...
Я самъ къ нему давно-ль отъ нѣжности отрекся?
Теперь ужъ въ это мнѣ ребячество не впасть,
Но кто-бъ тогда за всѣми не повлекся?
Когда изъ гвардіи, иные отъ Двора,
Сюда на время пріѣзжали,
Кричали женщины «ура!»
И въ воздухъ чепчики бросали!

Фамусовъ
(про себя).

Ужъ втянетъ онъ меня въ бѣду...
(Громко).
Сергѣй Сергѣичъ, я пойду
И буду ждать васъ въ кабинетѣ.
(Уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ 6-е.

Скалозубъ, Чацкій.

Скалозубъ.

Мнѣ нравится, при этой смѣтѣ
Искусно какъ коснулись вы
Предубѣжденія Москвы
Къ любимцамъ — къ гвардіи, къ гвардейцамъ,
къ гвардіонцамъ, —
Ихъ золоту, шитью дивятся, будто солнцамъ, —
А въ первой арміи когда отстали? въ чемъ?
Все такъ прилажено и тальи всѣ такъ узки...
И офицеровъ вамъ начтемъ,
Что даже говорятъ — иные — по-французски...

ЯВЛЕНІЕ 7-е.

Скалозубъ, Чацкій, Софья, Лиза.

Софья

(бѣжитъ къ окну).

Ахъ, Боже мой! упалъ! убился!..

(Падаетъ въ обморокъ).

Чацкій.

Кто? кто это?

Скалозубъ.

Съ кѣмъ бѣда?

Чацкій.

Она мертва со страху!

Скалозубъ.

Да кто? откудова?

Чацкій.

Ушибся обо что?

Скалозубъ.

Ужъ не старикъ ли нашъ далъ маху?

Лиза

(хлопочетъ около барышни).

Кому назначено съ — не миновать судьбы.
Молчалинъ на лошадь садился: ногу въ стремя,
А лошадь на дыбы...
Онъ объ землю — и прямо въ темя!

Скалозубъ.

Поводья затянулъ... ну, жалкій же ѣздокъ!
Взглянуть, какъ треснулся онъ — грудью или
въ бокъ?

(Уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ 8-е.

Тѣ же, безъ Скалозуба.

Чацкій.

Помочь ей чѣмъ? Скажи скорѣе!

Лиза.

Тамъ въ комнатѣ вода стоитъ...

(Чацкій бѣжитъ и приноситъ. Все слѣдующее вполголоса до того, какъ Софья очнется).

Лиза.

Стаканъ налейте.

Чацкій.

Ужъ налитъ.

Шнуровку отпусти вольнѣе...
Виски ей уксусомъ потри...
Опрыскивай водой... Смотри:
Свободнѣе дыханье стало...
Повѣять чѣмъ?

Лиза.

Вотъ опахало.

Чацкій.

Гляди въ окно —
Молчалинъ на ногахъ давно!
Бездѣлица ее тревожитъ...

Лиза.

Да-съ, барышнинъ несчастенъ нравъ:
Со стороны смотрѣть не можетъ,
Какъ люди падаютъ стремглавъ.

Чацкій.

Опрыскивай еще водою!
Вотъ такъ... еще... еще...

Софья

(съ глубокимъ вздохомъ).

Кто здѣсь со мною?
Я точно какъ во снѣ...

(Торопко и громко).

Гдѣ онъ? Что съ нимъ? Скажите мнѣ!

Чацкій.

Пускай себѣ сломилъ бы шею, —
Васъ чуть-было не уморилъ!

Софья.

Убійственны холодностью своею! —
Смотрѣть на васъ, васъ слушать нѣту силъ!

Чацкій.

Прикажете мнѣ за него терзаться?

Софья.

Туда бѣжать, тамъ быть, помочь ему стараться...

Чацкій.

Чтобъ оставались вы безъ помощи однѣ?

Софья.

На что вы мнѣ?
Да, правда — не свои бѣды для васъ забавы:
Отецъ родной убейся — все равно!

(Лизѣ).

Пойдемъ туда, бѣжимъ...

Лиза.

(отводитъ ее въ сторону).

Опомнитесь! куда вы?
Онъ живъ, здоровъ... смотрите здѣсь въ окно!

(Софья высовывается въ окошко).

Чацкій.

Смятенье... обморокъ... поспѣшность... гнѣвъ
испуга...

Такъ можно только ощущать,
Когда лишаешься единственнаго друга!

Софья.

Сюда идутъ!... Руки не можетъ онъ поднять...

Чацкій.

Желалъ бы съ нимъ убиться...

Лиза.

Для компаніи?

Софья.

Нѣтъ, оставайтесь при желаньи.

ЯВЛЕНІЕ 9-е.

Софья, Лиза, Чацкій, Скалозубъ
Молчалинъ

(съ подвязанной рукой).

Скалозубъ.

Воскресъ и невредимъ! Рука
Ушиблена слегка,
А впрочемъ — все фальшивая тревога.

Молчалинъ.

Я васъ перепугалъ... простите, ради Бога...

Скалозубъ.

Ну, я не зналъ, что будетъ изъ того
Вамъ ирритація — опрометью вбѣжали, —
Мы вздрогнули, вы въ обморокъ упали...
И что-жъ? — весь страхъ изъ ничего.

Софья

(не глядя ни на кого).

Ахъ, очень вижу, — изъ пустова,
А вся еще теперь дрожу.

Чацкій

(про себя).

Съ Молчалинымъ ни слова!

Софья

(по прежнему).

Однако, о себѣ скажу,
Что не труслива... Такъ бываетъ:
Карета свалится, подымутъ — я опять
Готова сызнова скакать...
Но все малѣйшее въ другихъ меня пугаетъ:
Хоть нѣтъ великаго несчастья отъ того,
Хоть незнакомый мнѣ — до этого нѣтъ дѣла...

Чацкій

(про себя).

Прощенья проситъ у него,
Что разъ о комъ-то пожалѣла!

Скалозубъ.

Позвольте, разскажу вамъ вѣсть:
Княгиня Ласова какая-то здѣсь есть,
Наѣздница, вдова, — но нѣтъ примѣровъ,
Чтобъ ѣздило съ ней много кавалеровъ, —
На дняхъ расшиблась въ пухъ:
Жокей не поддержалъ — считалъ онъ, видно,
мухъ...
И безъ того она, какъ слышно, неуклюжа:
Теперь ребра недостаетъ,
Такъ для поддержки ищетъ мужа.

Софья.

Ахъ, Александръ Андреичъ, вотъ
Явитесь вы вполнѣ великодушны:
Къ несчастью ближняго вы такъ неравнодушны!

Чацкій.

Да-съ, это я сейчасъ явилъ
Моимъ усерднѣйшимъ стараньемъ,
И прысканьемъ, и оттираньемъ...
Не знаю — для кого, но васъ я воскресилъ.

(Беретъ шляпу и уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ 10-е.

Тѣ же, кромѣ Чацкаго.

Софья.

Вы вечеромъ къ намъ будете?

Скалозубъ.

Какъ рано?

Софья.

Пораньше... Съѣдутся домашніе друзья
Потанцовать подъ фортепьяно.
Мы въ траурѣ, такъ бала дать нельзя.

Скалозубъ.

Явлюсь, но къ батюшкѣ зайти я обѣщался...
Откланяюсь.

Софья.

Прощайте.

Скалозубъ
(жметъ руку Молчалину).

Вашъ слуга.
(Уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ 11-е.

Софья, Лиза, Молчалинъ.

Софья.

Молчалинъ, какъ во мнѣ разсудокъ цѣлъ остался!
Вѣдь знаете, какъ жизнь мнѣ ваша дорога! —
Зачѣмъ-же ей играть, и такъ неосторожно?
Скажите, что у васъ съ рукой?
Не дать-ли капель вамъ? Не нуженъ-ли покой?
Пошлемте къ доктору... пренебрегать не должно.

Молчалинъ.

Платкомъ перевязалъ — не больно мнѣ съ тѣхъ
поръ.

Лиза.

Ударюсь объ закладъ, что вздоръ,
И еслибъ не къ лицу, не нужно перевязки...
А то не вздоръ, что вамъ не избѣжать огласки:
На смѣхъ, того гляди, подыметъ Чацкій васъ,
И Скалозубъ, какъ свой хохолъ закрутитъ,
Разскажетъ обморокъ, прибавитъ сто прикрасъ...
Шутить и онъ гораздъ... вѣдь нынче кто не шутитъ!

Софья.

А кѣмъ изъ нихъ я дорожу?
Хочу — люблю, хочу — скажу!
Молчалинъ, будто я себя не принуждала:
Вошли вы — слова не сказала,
При нихъ не смѣла я дохнуть,
У васъ спросить, на васъ взглянуть!

Молчалинъ.

Нѣтъ, Софья Павловна, вы слишкомъ откровенны...

Софья.

Откуда скрытность почерпнуть? —
Готова я была въ окошко къ вамъ прыгнуть!
Да что мнѣ до кого? до нихъ? до всей вселенной?
Смѣшно? — пусть шутятъ ихъ! Досадно? — пусть бранятъ!

Молчалинъ.

Не повредила-бы намъ откровенность эта...

Софья.

Неужто на дуэль васъ вызвать захотятъ?

Молчалинъ.

Ахъ, злые языки страшнѣе пистолета...

Лиза.

Сидятъ они у батюшки теперь...

Вотъ кабы вы порхнули въ дверь
Съ лицомъ веселымъ, беззаботно...
— Когда намъ скажутъ, что хотимъ,
Куда какъ вѣрится охотно! —
И Александръ Андреичъ... съ нимъ
О прежнихъ дняхъ, о тѣхъ проказахъ —
Поразвернитесь-ка въ разсказахъ...
Улыбочка и пара словъ...
А кто влюбленъ — на все готовъ!

Молчалинъ.

Я вамъ совѣтовать не смѣю...
(Цѣлуетъ ей руку).

Софья.

Хотите вы?.. Пойду любезничать сквозь слезъ:
Боюсь, что выдержать притворства не сумѣю...
Зачѣмъ сюда Богъ Чацкаго принесъ!
(Уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ 12-е.

Молчалинъ, Лиза.

Молчалинъ.

Веселое созданье ты, живое!

Лиза.

Прошу пустить, и безъ меня васъ двое.

Молчалинъ.

Какое личико твое!
Какъ я тебя люблю!

Лиза.

А барышню?

Молчалинъ.

Ее
По должности, тебя...
(Хочетъ ее обнять)

Лиза.

Отъ скуки?

Прошу подальше руки!

Молчалинъ.

Есть у меня вещицы три:
Есть туалетъ — прехитрая работа! —
Снаружи зеркальце и зеркальце внутри,
Кругомъ все прорѣзь, позолота:
Подушечка — изъ бисера узоръ,
И перламутровый приборъ:
Игольничекъ и ножинки — какъ милы! —
Жемчужинки, растертыя въ бѣлилы,
Помада есть для губъ и для другихъ причинъ,
Съ духами стклянночки — резѣда и жасминъ...

Лиза.

Вы знаете, что я не льщусь на интересы...
Скажите лучше: почему
Вы съ барышней скромны, а съ горничной повѣсы?

Молчалинъ.

Сегодня боленъ я... обвязки не сниму.
Приди въ обѣдъ, побудь со мною:
Я правду всю тебѣ открою.

(Уходитъ въ боковую дверь).

ЯВЛЕНІЕ 13-е.

Софья, Лиза.

Софья.

Была у батюшки — тамъ нѣту никого.
Сегодня я больна и не пойду обѣдать.
Скажи Молчалину... и позови его,
Чтобъ онъ пришелъ меня провѣдать.

(Уходитъ къ себѣ).

ЯВЛЕНІЕ 14-е.

Лиза.

Ну, люди въ здѣшней сторонѣ:
Она къ нему, а онъ ко мнѣ!
А я... одна лишь я любви до смерти трушу...
А какъ не полюбить буфетчика Петрушу?

Конецъ второго дѣйствія.

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

ЯВЛЕНІЕ 1-е.

Чацкій, потомъ Софья.

Чацкій.

Дождусь ее и вынужу признанье:
Кто, наконецъ, ей милъ? Молчалинъ? Скалозубъ?
Молчалинъ прежде былъ такъ глупъ...
Жалчайшее созданье!..
Ужъ развѣ поумнѣлъ?.. А тотъ —
Хрипунъ, удавленникъ, фаготъ,
Созвѣздіе маневровъ и мазурки!
Судьба любви — играть ей въ жмурки!
А мнѣ...

(Входитъ Софья).

Вы здѣсь? Я очень радъ,
Я этого желалъ.

Софья

(про себя).

И очень невпопадъ...

Чацкій.

Конечно, не меня искали?

Софья.

Я не искала васъ.

Чацкій.

Дознаться мнѣ нельзя-ли,
Хоть и не кстати, — нужды нѣтъ! —
Кого вы любите?

Софья.

Ахъ, Боже мой, — весь свѣтъ!

Чацкій.

Кто болѣе вамъ милъ?

Софья.

Есть многіе родные...

Чацкій.

Всѣ — болѣе меня?

Софья.

Иные...

Чацкій.

И я чего хочу, когда все рѣшено?
Мнѣ въ петлю лѣзть, а ей смѣшно!

Софья.

Хотите-ли знать истины два слова?
Малѣйшая въ комъ странность чуть видна —
Веселость ваша нескромна,
У васъ тотчасъ ужъ острота готова!
А сами вы...

Чацкій.

А самъ? Не правда-ли, смѣшонъ?

Софья.

Да, грозный взглядъ, и рѣзкій тонъ,
И этихъ въ васъ особенностей бездна...
А надъ собой гроза куда не безполезна!

Чацкій.

Я страненъ? А не страненъ кто-жъ?

Тотъ, кто на всѣхъ глупцовъ похожъ? —
Молчалинъ, напримѣръ...

Софья.

Примѣры мнѣ не новы.
Замѣтно. что вы желчь на всѣхъ излить готовы...
А я, чтобъ не мѣшать, отсюда удалюсь.

Чацкій

(держитъ ее).

Постойте-же!

(Въ сторону).

Разъ въ жизни притворюсь...

(Громко).

Оставимте мы эти пренья —
Передъ Молчалинымъ не правъ я, виноватъ:
Быть можетъ, онъ не то, что три года назадъ...
Есть на землѣ такія превращенья
Правленій, климатовъ, и нравовъ, и умовъ...
Есть люди важные — слыли за дураковъ:
Иной по арміи, иной плохимъ поэтомъ,
Иной... боюсь назвать... но признано всѣмъ свѣтомъ,
Особенно въ послѣдніе года,
Что стали умны хоть куда!
Пускай въ Молчалинѣ умъ бойкій, геній смѣлый, —
Но есть-ли въ немъ та страсть, то чувство, пылкость та,
Чтобъ, кромѣ васъ, ему міръ цѣлый
Казался прахъ и суета?
Чтобъ сердца каждое біенье
Любовью ускорялось къ вамъ?
Чтобъ мыслямъ были всѣмъ и всѣмъ его дѣламъ
Душою — вы? — вамъ угожденье?..
Самъ это чувствую, сказать я не могу!..
Но что теперь во мнѣ кипитъ, волнуетъ, бѣситъ,
Не пожелалъ-бы я и личному врагу!

А онъ?.. смолчитъ — и голову повѣситъ.
Конечно, смиренъ — всѣ такіе не рѣзвы! —
Богъ знаетъ, въ немъ какая тайна скрыта;
Богъ знаетъ, за него что выдумали вы,
Чѣмъ голова его ввѣкъ не была набита!
Быть можетъ, качествъ вашихъ тьму,
Любуясь имъ, вы придали ему:
Не грѣшенъ онъ ни въ чемъ, вы во сто разъ
грѣшнѣе...
Нѣтъ, нѣтъ... пускай уменъ, часъ-отъ-часу
умнѣе!
Но васъ онъ стоитъ-ли? — вотъ вамъ одинъ
вопросъ!
Чтобъ равнодушнѣе мнѣ понести утрату,
Какъ человѣку, вы, который съ вами взросъ,
Какъ другу вашему, какъ брату,
Мнѣ дайте убѣдиться въ томъ...
Потомъ
Отъ сумасшествія могу я остеречься...
Пущусь подалѣе — простыть, охолодѣть,
Не думать о любви... но буду я умѣть
Теряться по свѣту, забыться и развлечься...

Софья

(про себя).

Вотъ нехотя съ ума свела!

(Вслухъ).

Что притворяться?
Молчалинъ давеча могъ безъ руки остаться:
Я живо въ немъ участье приняла...
А вы, случась на эту пору,
Не позаботились расчесть,
Что можно доброй быть ко всѣмъ и безъ разбору!
Но, можетъ, истина въ догадкахъ вашихъ есть,
И горячо его беру я подъ защиту:
Зачѣмъ-же быть, скажу вамъ напрямикъ,
Такъ невоздержну на языкъ?
Въ презрѣньи къ людямъ такъ нескрыту,

Что и смирнѣйшему пощады нѣтъ?.. Чего! —
Случись кому назвать его,
Градъ колкостей и шутокъ вашихъ грянетъ...
Шутить! и вѣкъ шутить! — какъ васъ на это
станетъ?

Чацкій.

Ахъ, Боже мой! — неужли я изъ тѣхъ,
Которымъ цѣль всей жизни смѣхъ?
Мнѣ весело, когда смѣшныхъ встрѣчаю,
А чаще — съ ними я скучаю.

Софья.

Напрасно!.. Это все относится къ другимъ!
Молчалинъ вамъ наскучилъ-бы едва-ли,
Когда-бъ сошлись короче съ нимъ.

Чацкій
(съ жаромъ).

Зачѣмъ-же вы его такъ коротко узнали?

Софья.

Я не старалась: Богъ насъ свелъ!
Смотрите, дружбу всѣхъ онъ въ домѣ пріобрѣлъ:
При батюшкѣ три года служитъ, —
Тотъ часто безъ толку сердитъ,
А онъ безмолвіемъ его обезоружитъ,
Отъ доброты души проститъ...
И, между прочимъ,
Веселостей искать-бы могъ, —
Ничуть! — отъ старичковъ не ступитъ за порогъ...
Мы рѣзвимся, хохочемъ, —
Онъ съ ними цѣлый день засядетъ — радъ, не
радъ —
Играетъ...

Чацкій.

Цѣлый день играетъ!
Молчитъ, когда его бранятъ!
(Въ сторону).
Она его не уважаетъ...

Софья.

Конечно, нѣтъ въ немъ этого ума,
Что геній для иныхъ, а для иныхъ — чума,
Который скоръ, блестящъ и скоро опротивитъ,
Который свѣтъ ругаетъ наповалъ,
Чтобъ свѣтъ объ немъ хоть что-нибудь сказалъ...
Да этакій-ли умъ семейство осчастливитъ?

Чацкій.

Сатира и мораль — смыслъ этого всего?
(Въ сторону).
Она не ставитъ въ грошъ его!..

Софья.

Чудеснѣйшаго свойства
Онъ, наконецъ: уступчивъ, скроменъ, тихъ,
Въ лицѣ ни тѣни безпокойства,
И на душѣ проступковъ никакихъ,
Чужихъ и вкривь и вкось не рубитъ: —
Вотъ я за что его люблю!

Чацкій
(въ сторону).

Шалитъ... она его не любитъ!
(Вслухъ).
Докончить я вамъ пособлю
Молчалина изображенье...
Но Скалозубъ? Вотъ заглядѣнье! —
За армію стоитъ горой
И прямизною стана,
Лицомъ и голосомъ — герой...

Софья.

Не моего романа.

Чацкій.

Не вашего? Кто разгадаетъ васъ?

ЯВЛЕНІЕ 2-е.

Чацкій, Софья, Лиза.

Лиза

(шопотомъ).

Сударыня, за мной сейчасъ
Къ вамъ Алексѣй Степанычъ будетъ.

Софья.

Простите... надобно итти мнѣ поскорѣй.

Чацкій.

Куда?

Софья.

Къ прихмахеру.

Чацкій.

Богъ съ нимъ!

Софья.

Щипцы простудитъ...

Чацкій.

Пускай себѣ!..

Софья.

Нельзя: ждемъ на вечеръ гостей.

Чацкій.

Богъ съ вами!.. остаюсь опять съ моей загадкой...
Однако, дайте мнѣ зайти, хотя украдкой,
Къ вамъ въ комнату на нѣсколько минутъ...
Тамъ стѣны, воздухъ — все пріятно:
Согрѣютъ, оживятъ, мнѣ отдохнуть дадутъ
Воспоминанія объ томъ, что невозвратно...
Не засижусь, войду — всего минуты двѣ...
Потомъ... подумайте: членъ Англійскаго клуба —
Я тамъ дни цѣлые пожертвую молвѣ
Про умъ Молчалина, про душу Скалозуба!
(Софья пожимаетъ плечами, уходитъ къ себѣ и запирается; за нею Лиза).

ЯВЛЕНІЕ 3-е.

Чацкій, потомъ Молчалинъ.

Чацкій.

Ахъ, Софья! Неужли Молчалинъ избранъ ей?..
А чѣмъ не мужъ? Ума въ немъ только мало...
Но, чтобъ имѣть дѣтей,
Кому ума не доставало?
Услужливъ, скромненькій, въ лицѣ румянецъ есть...

(Входитъ Молчалинъ).

Вотъ онъ — на цыпочкахъ, и небогатъ словами...
Какою ворожбой умѣлъ къ ней въ сердце влѣзть?

(Обращается къ нему).

Намъ, Алексѣй Степанычъ, съ вами
Не удалось сказать двухъ словъ...
Ну, образъ жизни вашъ каковъ?
Безъ горя нынче, безъ печали?

Молчалинъ.

По прежнему-съ.

Чацкій.

А прежде какъ живали?

Молчалинъ.

День за день... нынче, какъ вчера.

Чацкій.

Къ перу отъ картъ, и къ картамъ отъ пера?
И положонный часъ приливамъ и отливамъ?

Молчалинъ.

По мѣрѣ я трудовъ и силъ,
Съ тѣхъ поръ, какъ числюсь по архивамъ.
Три награжденья получилъ.

Чацкій.

Взманили почести и знатность?

Молчалинъ.

Нѣтъ-съ. свой талантъ у всѣхъ...

Чацкій.

У васъ?

Молчалинъ.

Два-съ:
Умѣренность и аккуратность.

Чацкій.

Чудеснѣйшіе — два! — и стоютъ нашихъ всѣхъ...

Молчалинъ.

Вамъ не дались чины? по службѣ неуспѣхъ?

Чацкій.

Чины людьми даются,
А люди могутъ обмануться.

Молчалинъ.

Какъ удивлялись мы!

Чацкій.

Какое-жъ диво тутъ?

Молчалинъ.

Жалѣли васъ...

Чацкій.

Напрасный трудъ!

Молчалинъ.

Татьяна Юрьевна разсказывала что-то,
Изъ Петербурга воротясь,
Съ министрами про вашу связь...
Потомъ — разрывъ...

Чацкій.

Ей почему забота?

Молчалинъ.

Татьянѣ Юрьевнѣ?

Чацкій.

Я съ нею не знакомъ...

Молчалинъ.

Съ Татьяной Юрьевной?!

Чацкій.

Съ ней вѣкъ мы не встрѣчались...
Слыхалъ, что вздорная...

Молчалинъ.

Да это, полно, та ли-съ?
Татьяна Юрьевна... извѣстная! — притомъ
Чиновные и должностные —
Всѣ ей друзья и всѣ родные!
Къ Татьянѣ Юрьевнѣ хоть разъ бы съѣздить вамъ...

Чацкій.

На что-же?

Молчалинъ.

Такъ... частенько тамъ
Мы покровительство находимъ, гдѣ не мѣтимъ.

Чацкій.

Я ѣзжу къ женщинамъ, да только не за этимъ...

Молчалинъ.

Какъ обходительна, добра, мила, проста!
Балы даетъ — нельзя богаче! —
Отъ Рождества и до поста,
И лѣтомъ праздники на дачѣ.
Ну, право, что бы вамъ въ Москвѣ у насъ служить
И награжденья брать и весело пожить?

Чацкій.

Когда въ дѣлахъ, — я отъ веселій прячусь,
Когда дурачиться, — дурачусь;
А смѣшивать два эти ремесла
Есть тьма искусниковъ: я не изъ ихъ числа.

Молчалинъ.

Простите... впрочемъ, тутъ не вижу преступленья...
Вотъ самъ Фома Фомичъ — знакомъ онъ вамъ?

Чацкій.

Ну, что-жъ?

Молчалинъ.

При трехъ министрахъ былъ начальникъ отдѣленья!
Переведенъ сюда...

Чацкій.

Хорошъ! —
Пустѣйшій человѣкъ, изъ самыхъ безтолковыхъ!..

Молчалинъ.

Какъ можно? Слогъ его здѣсь ставятъ въ образецъ!..
Читали вы?

Чацкій.

Я глупостей не чтецъ,
А пуще образцовыхъ.

Молчалинъ.

Нѣтъ, мнѣ такъ довелось съ пріятностью прочесть...
Не сочинитель я...

Чацкій.

И по всему замѣтно!

Молчалинъ.

Не смѣю моего сужденья произнесть...

Чацкій.

Зачѣмъ-же такъ секретно?

Молчалинъ.

Въ мои лѣта не должно смѣть
Свое сужденіе имѣть...

Чацкій.

Помилуйте, мы съ вами не ребяты:
Зачѣмъ-же мнѣнія чужія только святы?

Молчалинъ.

Вѣдь надобно-жъ зависѣть отъ другихъ!

Чацкій.

Зачѣмъ-же «надобно»?

Молчалинъ.

Въ чинахъ мы небольшихъ...

Чацкій
(почти громко).

Съ такими чувствами! съ такой душою!..
Любимъ?!.. Обманщица смѣялась надо мною!

ЯВЛЕНІЕ 4-е.

Вечеръ. Всѣ двери настежъ, кромѣ въ спальню Софьи. Въ перспективѣ раскрывается рядъ освѣщенныхъ комнатъ.

Чацкій, слуги.

(Слуги суетятся, одинъ изъ нихъ, Главный, *говоритъ).*

Эй, Филька, Фомка, ну, ловчѣй!
Столы для картъ, мѣлъ, щетокъ и свѣчей!
(Стучится къ Софьѣ въ дверь).

Скажите барышнѣ скорѣе, Лизавета:
Наталья Дмитревна и съ мужемъ, и къ крыльцу
Еще подъѣхала карета.

(Расходятся; остается одинъ Чацкій).

ЯВЛЕНІЕ 5-е.

Чацкій, Наталья Дмитріевна (молодая дама).

Наталья Дмитріевна.

Не ошибаюсь-ли?.. Онъ — точно, по лицу...
Ахъ, Александръ Андреичъ! — вы-ли?

Чацкій.

Съ сомнѣньемъ смотрите отъ ногъ до головы:
Неужто такъ меня три года измѣнили?

Наталья Дмитріевна.

Я полагала васъ далеко отъ Москвы.
Давно-ли?

Чацкій.

Нынче лишь...

Наталья Дмитріевна.

Надолго?

Чацкій.

Какъ случится...
Однако, кто, смотря на васъ, не подивится?
Полнѣе прежняго, похорошѣли — страхъ! —
Моложе вы, свѣжѣе стали —
Огонь, румянецъ, смѣхъ, игра во всѣхъ чертахъ!

Наталья Дмитріевна.

Я замужемъ...

Чацкій.

Давно-бы вы сказали!

Наталья Дмитріевна.

Мой мужъ — прелестный мужъ... вотъ онъ
сейчасъ войдетъ...
Я познакомлю васъ — хотите?

Чацкій.

Прошу.

Наталья Дмитріевна.

И знаю напередъ,
Что вамъ понравится... Взгляните и судите.

Чацкій.

Я вѣрю: онъ вамъ мужъ...

Наталья Дмитріевна.

О, нѣтъ-съ, не потому...
Самъ по себѣ, по нраву, по уму.
Платонъ Михайлычъ мой — единственный, безцѣнный...
Теперь въ отставкѣ, былъ военный: —
И утверждаютъ всѣ, кто только прежде зналъ,
Что съ храбростью его, съ талантомъ,
Когда-бы службу продолжалъ, —
Конечно, былъ-бы онъ московскимъ комендантомъ.

ЯВЛЕНІЕ 6-е.

Чацкій, Наталья Дмитріевна, Платонъ Михайловичъ.

Наталья Дмитріевна.

Вотъ мой Платонъ Михайлычъ.

Чацкій.

Ба!
Другъ старый! — мы давно знакомы!.. Вотъ судьба!

Платонъ Михайловичъ.

Здорово, Чацкій, братъ...

Чацкій.

Платонъ любезный, славно!
Похвальный листъ тебѣ — ведешь себя исправно...

Платонъ Михайловичъ.

Какъ видишь, братъ:
Московскій житель и женатъ.

Чацкій.

Забытъ шумъ лагерный, товарищи и братья?
Спокоенъ и лѣнивъ?

Платонъ Михайловичъ.

Нѣтъ, есть-таки занятья:
На флейтѣ я твержу дуэтъ
А-мольный...

Чацкій.

Что твердилъ назадъ тому пять лѣтъ?
Ну, постоянный вкусъ въ мужьяхъ всего дороже...

Платонъ Михайловичъ.

Братъ, женишься, тогда меня вспомянь:
Отъ скуки будешь ты свистѣть одно и то же.

Чацкій.

Отъ скуки!.. Какъ? Ужъ ты ей платишь дань?

Наталья Дмитріевна.

Платонъ Михайлычъ мой къ занятьямъ склоненъ разнымъ,
Которыхъ нѣтъ теперь — къ ученьямъ и смотрамъ,
Къ манежу... иногда скучаетъ по утрамъ...

Чацкій.

А кто, любезный другъ, велитъ тебѣ быть праздным?

Въ полкъ — эскадронъ дадутъ!.. Ты — «оберъ»
или «штабъ»?

Наталья Дмитріевна.

Платонъ Михайлычъ мой здоровьемъ очень
слабъ...

Чацкій.

Здоровьемъ слабъ! Давно-ли?

Наталья Дмитріевна.

Все ревматизмъ и головныя боли...

Чацкій.

Движенья болѣе! Въ деревню, въ теплый край!
Будь чаще на конѣ! Деревня лѣтомъ — рай!

Наталья Дмитріевна.

Платонъ Михайлычъ городъ любитъ,
Москву... за что въ глуши онъ дни свои погу-
битъ?

Чацкій.

Москву и городъ... Ты чудакъ!
А помнишь прежнее?

Платонъ Михайловичъ.

Да, братъ, теперь не такъ...

Наталья Дмитріевна.

Ахъ, мой дружочекъ,
Здѣсь такъ свѣжо, что мочи нѣтъ! —
Ты распахнулся весь и разстегнулъ жилетъ...

Платонъ Михайловичъ.

Теперь, братъ, я не тотъ...

Наталья Дмитріевна.

Послушайся разочекъ,
Мой милый, — застегнись скорѣй!

Платонъ Михайловичъ
(*хладнокровно*).

Сейчасъ...

Наталья Дмитріевна.

Да отойди подальше отъ дверей:
Сквозной тамъ вѣтеръ дуетъ сзади!

Платонъ Михайловичъ.

Теперь, братъ, я не тотъ...

Наталья Дмитріевна.

Мой ангелъ, Бога ради,
Отъ двери дальше отойди!

Платонъ Михайловичъ
(*глаза къ небу*).

Ахъ, матушка!

Чацкій.

Ну, Богъ тебя суди...
Ужъ, точно, сталъ не тотъ въ короткое ты время!
Не въ третьемъ ли году, въ концѣ,
Въ полку тебя я зналъ? — Лишь утро, ногу въ стремя —
И носишься на борзомъ жеребцѣ...
Осенній вѣтеръ дуй хоть спереди, хоть съ тыла!

Платонъ Михайловичъ
(*вздыхаетъ*).

Эхъ, братецъ, — славное тогда житье-то было...

ЯВЛЕНІЕ 7-е.

Тѣ же, Князь Тугоуховскій и Княгиня съ шестью дочерьми.

Наталья Дмитріевна
(*тоненькимъ голоскомъ*).

Князь Петръ Ильичъ! Княгиня! Боже мой!
Княжна Зизи! Мими!

(*Громкія лобызанія; потомъ усаживаются и осматриваютъ одна другую съ головы до ногъ*).

I княжна.

Какой фасонъ прекрасный!

2 княжна.

Какія складочки!

I княжна.

Обшито бахромой...

Наталья Дмитріевна.

Нѣтъ, если-бъ видѣли мой «тюрлюрлю» атласный!

3 княжна.

Какой «эшарпъ» cousin мнѣ подарилъ!

4 княжна.

Ахъ, да! барежевый...

5 княжна.

Ахъ, прелесть!

6 княжна.

Ахъ, какъ милъ!

Княгиня.

С-съ! — Кто это въ углу — вошли мы — поклонился?

Наталья Дмитріевна.

Пріѣзжій, Чацкій.

Княгиня.

От-ста-вной?

Наталья Дмитріевна.

Да, путешествовалъ, недавно воротился.

Княгиня.

И хо-ло-стой?

Наталья Дмитріевна.

Да, не женатъ.

Княгиня.

Князь, князь, сюда! — живѣе!

Князь

(*къ ней обращаетъ слуховую трубку*).

О-хмъ!

Княгиня.

Къ намъ на вечеръ, въ четвергъ, проси скорѣе
Натальи Дмитревны знакомаго! — вонъ онъ...

Князь.

И-хмъ!

(*Отправляется, вьется около Чацкаго и покашливаетъ*).

Княгиня.

Вотъ то-то, дѣтки!
Имъ балъ, а батюшка таскайся на поклонъ:
Танцовщики ужасно стали рѣдки!..
Онъ камеръ-юнкеръ?

Наталья Дмитріевна.

Нѣтъ.

Княгиня.

Бо-гатъ?

Наталья Дмитріевна.

О, нѣтъ!

Княгиня.

(*громко, что есть мочи*).

Князь, князь! назадъ!

ЯВЛЕНІЕ 8-е.

Тѣ же и Графини Хрюмины: бабушка и внучка.

Графиня - внучка.

Ахъ, grand'maman! ну, кто такъ рано пріѣзжаетъ?
Мы первыя!

(*Пропадаетъ въ боковую комнату*).

Княгиня.

Вотъ насъ честитъ!
Вотъ — «первая»!.. А насъ за никого считаетъ!..
Зла — въ дѣвкахъ цѣлый вѣкъ... ужъ Богъ ее проститъ!

Графиня-внучка

(*вернувшись, направляетъ на Чацкаго двойной лорнетъ*).

М-сье Чацкій! Вы въ Москвѣ? Какъ были — все такіе?

Чацкій.

На что мѣняться мнѣ?

Графиня-внучка.

Вернулись — холостые?

Чацкій.

На комъ жениться мнѣ?

Графиня-внучка.

Въ чужихъ краяхъ — на комъ!
О, нашихъ тьма, безъ дальнихъ справокъ,
Тамъ женятся — и насъ дарятъ родствомъ
Съ искусницами модныхъ лавокъ...

Чацкій.

Несчастные! должны-ль упреки несть
Отъ подражательницъ модисткамъ
За то, что смѣли предпочесть
Оригиналы спискамъ?

ЯВЛЕНІЕ 9-е.

Тѣ же и множество другихъ гостей. Между прочимъ — Загорѣцкій. Мужчины являются, шаркаютъ, отходятъ въ сторону, кочуютъ изъ

комнаты въ комнату и проч. Софья отъ себя выходитъ; всѣ ей навстрѣчу.

Графиня-внучка.

Eh, bonsoir! vous voilà! Jamais trop diligente,
Vous nous donnez toujours le plaisir de l'attente!

Загорѣцкій
(*Софьѣ*).

На завтрашній спектакль имѣете билетъ?

Софья.

Нѣтъ.

Загорѣцкій.

Позвольте вамъ вручить... напрасно кто бы взялся
Другой вамъ услужить! Зато
Куда я ни кидался!
Въ контору — все взято,
Къ директору — онъ мнѣ пріятель —
Съ зарей, въ шестомъ часу, и кстати-ль! —
Ужъ съ вечера никто достать не могъ!
Къ тому, къ сему — всѣхъ сбилъ я съ ногъ! —
И этотъ, наконецъ, похитилъ уже силой
У одного... старикъ онъ хилой,
Мнѣ другъ, извѣстный домосѣдъ...
Пусть дома просидитъ въ покоѣ!

Софья.

Благодарю васъ за билетъ,
А за старанье — вдвое.
(*Являются еще кое-какіе. Тѣмъ временемъ Загорѣцкій отходитъ къ мужчинамъ*).

Загорѣцкій.

Платонъ Михайлычъ...

Платонъ Михайловичъ.

Прочь!
Поди ты къ женщинамъ, лги имъ и ихъ морочь!

Я правду о тебѣ поразскажу такую,
Что хуже всякой лжи...
Вотъ, братъ, (*Чацкому*) рекомендую:
Какъ эдакихъ людей учтивѣе зовутъ?
Нѣжнѣе? — Человѣкъ онъ свѣтскій,
Отъявленный мошенникъ, плутъ —
Антонъ Антонычъ Загорѣцкій.
При немъ остерегись: переносить гораздъ!
И въ карты не садись: продастъ.

Загорѣцкій.

Оригиналъ... брюзгливъ... а безъ малѣйшей злобы!

Чацкій.

И оскорбляться вамъ смѣшно бы, —
Окромѣ честности есть множество отрадъ:
Ругаютъ здѣсь, а тамъ благодарятъ.

Платонъ Михайловичъ.

Охъ, нѣтъ, братецъ, у насъ ругаютъ
Вездѣ, а всюду принимаютъ.
(*Загорѣцкій мѣшается въ толпу*).

ЯВЛЕНІЕ 10-е.

Тѣ же и Хлестова.

Хлестова.

Легко ли въ шестьдесятъ пять лѣтъ
Тащиться мнѣ къ тебѣ, племянница?.. Мученье!
Часъ битый ѣхала съ Покровки — силы нѣтъ:
Ночь — свѣта преставленье!
Отъ скуки я взяла съ собой
Арапку-дѣвку да собачку —
Вели ихъ накормить ужо, дружочекъ мой,
Отъ ужина сошли подачку.
Княгиня, здравствуйте!
(*Стьла*).
Ну, Софьюшка, мой другъ,
Какая у меня арапка для услугъ!
Курчавая... горбомъ лопатки...

Сердитая... всѣ кошачьи ухватки...
Да какъ черна! да какъ страшна!..
Вѣдь создалъ же Господь такое племя!
Чортъ сущій!.. въ дѣвичьей она...
Позвать ли?

Софья.

Нѣтъ-съ... въ другое время.

Хлестова.

Представь: ихъ, какъ звѣрей, выводятъ на показъ...
Я слышала, тамъ... городъ есть турецкій...
А знаешь ли, кто мнѣ припасъ?
Антонъ Антонычъ Загорѣцкій!
(*Загорѣцкій выставляется впередъ*).
Лгунишка онъ, картежникъ, воръ...
(*Загорѣцкій исчезаетъ*).
Я отъ него-было и двери на запоръ, —
Да мастеръ услужить: мнѣ и сестрѣ Прасковьѣ
Двоихъ арапченковъ на ярмаркѣ досталъ...
Купилъ — онъ говоритъ... чай, въ карты сплутовалъ...
А мнѣ подарочекъ, дай Богъ ему здоровья!

Чацкій
(*съ хохотомъ Платону Михайловичу*).

Не поздоровится отъ эдакихъ похвалъ...
И Загорѣцкій самъ не выдержалъ — пропалъ!

Хлестова.

Кто этотъ весельчакъ? Изъ званія какого?

Софья.

Вонъ этотъ? — Чацкій.

Хлестова.

Ну, а что нашелъ смѣшного?
Чему онъ радъ? Какой тутъ смѣхъ?

Надъ старостью смѣяться грѣхъ!
Я помню, ты дитей съ нимъ часто танцовала...
Я за уши его дирала... только мало.

ЯВЛЕНІЕ 11-е.

Тѣ же и Фамусовъ.

Фамусовъ
(*громогласно*).

Ждемъ князь-Петръ-Ильича,
А князь ужъ здѣсь! А я забился тамъ въ портретной.
Гдѣ Скалозубъ, Сергѣй Сергѣичъ? а?
Нѣтъ... кажется, что нѣтъ: онъ человѣкъ замѣтной,
Сергѣй Сергѣичъ Скалозубъ.

Хлестова.

Творецъ мой, оглушилъ! звончѣе всякихъ трубъ!

ЯВЛЕНІЕ 12-е.

Тѣ же и Скалозубъ, потомъ Молчалинъ.

Фамусовъ.

Сергѣй Сергѣичъ, запоздали...
А мы васъ ждали, ждали, ждали!
(*Подводитъ къ Хлестовой*).
Моя невѣстушка, которой ужъ давно
Объ васъ говорено.

Хлестова
(*сидя*).

Вы прежде были здѣсь... въ полку . въ томъ..,
гренадерскомъ?

Скалозубъ
(*басомъ*).

Въ его высочества — хотите вы сказать —
Ново-земляномъ мушкетерскомъ?

Хлестова.

Не мастерица я полки-то различать...

Скалозубъ.

А форменныя есть отлички:
Въ мундирахъ выпушки, погончики, петлички.

Фамусовъ.

Пойдемте, батюшка, тамъ васъ я насмѣшу:
Курьезный вистъ у насъ... За нами, князь, прошу,
(*Его и князя уводитъ съ собою*).

Хлестова
(*Софьѣ*).

Ухъ! я точнехонько избавилась отъ петли!
Вѣдь полоумный твой отецъ:
Дался ему трехъ саженъ удалецъ,
Знакомитъ, не спросясь, пріятно ли намъ,
нѣтъ ли!

Молчалинъ
(*подаетъ ей карту*).

Я вашу партію составилъ: мосье Кокъ,
Фома Фомичъ и я.

Хлестова.

Спасибо, мой дружокъ.
(*Встаетъ*).

Молчалинъ.

Вашъ шпицъ — прелестный шпицъ, не болѣе
наперстка!
Я гладилъ все его: какъ шелковая — шерстка...

Хлестова.

Спасибо, мой родной.

(*Уходитъ, за ней Молчалинъ и многіе другіе*).

ЯВЛЕНІЕ 13-е.

Чацкій, Софья и нѣсколько постороннихъ, которые въ продолженіе явленія расходятся).

Чацкій.

Ну, тучу разогналъ...

Софья.

Нельзя-ль не продолжать!

Чацкій.

Чѣмъ васъ я напугалъ?
За то, что онъ смягчилъ разгнѣванную гостью,
Хотѣлъ я похвалить...

Софья.

А кончили бы злостью!

Чацкій.

Сказать вамъ, что я думалъ? Вотъ:
Старушки всѣ народъ сердитый —
Не худо, чтобъ при нихъ услужникъ знаменитый
Тутъ былъ, какъ громовой отводъ...
Молчалинъ! — Кто другой такъ мирно все уладитъ?
Тамъ моську во-время погладитъ,
Тутъ впору карточку вотретъ...
Въ немъ Загорѣцкій не умретъ!..
Вы давеча его мнѣ исчисляли свойства,
Но многія забыли... да?

(*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ 14-е.

Софья, потомъ Г. N.

Софья
(*про себя*).

Ахъ, этотъ человѣкъ всегда
Причиной мнѣ ужаснаго разстройства!
Унизить радъ, кольнуть... Завистливъ, гордъ
и золъ!

Г. N.
(*подходитъ*).

Вы въ размышленьи?

Софья.

Объ Чацкомъ.

Г. N.

Какъ его нашли по возвращеньи?

Софья.

Онъ не въ своемъ умѣ.

Г. N.

Ужли съ ума сошелъ?!

Софья
(*помолчавши*).

Не то, чтобы совсѣмъ...

Г. N.

Однако, есть примѣты?

Софья
(*смотритъ на него пристально*).

Мнѣ кажется.

Г. N.

Какъ можно!.. въ эти лѣты!

Софья.

Какъ быть!

(*Въ сторону*).

Готовъ онъ вѣрить...
А, Чацкій! любите вы всѣхъ въ шуты рядить,
Угодно-ль на себѣ примѣрить?

(*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ 15-е.

Г. N. потомъ Г. D.

Г. N.

Съ ума сошелъ!.. Ей кажется... вотъ на!
Не даромъ, стало быть... съ чего-бъ взяла она?
Ты слышалъ?

Г. D.

Что?

Г. N.

Объ Чацкомъ?

Г. D.

Что такое?

Г. N.

Съ ума сошелъ!

Г. D.

Пустое!

Г. N.

Не я сказалъ — другіе говорятъ.

Г. D.

А ты разславить это радъ?

Г. N.

Пойду, освѣдомлюсь... чай, кто-нибудь да знаетъ.

(*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ 16-е.

Г. D. потомъ Загорѣцкій.

Г. D.

Вѣрь болтуну:
Услышитъ вздоръ и тотчасъ повторяетъ!
Ты знаешь-ли объ Чацкомъ?

Загорѣцкій.

Ну?

Г. D.

Съ ума сошелъ!

Загорѣцкій.

А... знаю, помню, слышалъ...
Какъ мнѣ не знать? Примѣрный случай вышелъ:
Его въ безумные упряталъ дядя, плутъ...
Схватили — въ желтый домъ, и на цѣпь посадили!..

Г. D.

Помилуй! онъ сейчасъ здѣсь въ комнатѣ былъ, тутъ...

Загорѣцкій.

Такъ съ цѣпи, стало быть, спустили!

Г. D.

Ну, милый другъ, съ тобой не надобно газетъ...
Пойду-ка я, расправлю крылья,
У всѣхъ повыспрошу... однако, чуръ, секретъ!

ЯВЛЕНІЕ 17-е.

Загорѣцкій, потомъ Графиня-внучка.

Загорѣцкій.

Который Чацкій тутъ?.. Извѣстная фамилья...
Съ какимъ-то Чацкимъ я когда-то былъ знакомъ.
Вы слышали объ немъ?

Графиня-внучка.

Объ комъ?

Загорѣцкій.

Объ Чацкомъ! Онъ сейчасъ здѣсь въ комнатѣ былъ.

Графиня-внучка.

Знаю.

Я говорила съ нимъ.

Загорѣцкій.

Такъ я васъ поздравляю:

Онъ сумасшедшій...

Графиня-внучка.

Что?

Загорѣцкій.

Да, онъ сошелъ съ ума!

Графиня-внучка.

Представьте: я замѣтила сама!

И хоть пари держать — со мной въ одно вы слово.

ЯВЛЕНІЕ 18-е.

Тѣ же и Графиня-бабушка.

Графиня-внучка.

Ah, grand' maman, вотъ чудеса! вотъ ново!

Вы не слыхали здѣшнихъ бѣдъ?

Послушайте: вотъ прелести! вотъ мило!..

Графиня-бабушка.

Мой другъ, мнѣ уши заложило —

Скажи погромче!..

Графиня - внучка.

Время нѣтъ!

(Указываетъ на Загорѣцкаго).

Il vous dira toute l'histoire...

Пойду, спрошу.

(Уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ 19-е.

Загорѣцкій и Графиня-бабушка.

Графиня - бабушка.

Что? что? Ужъ нѣтъ-ли здѣсь пожара?

Загорѣцкій.

Нѣтъ, Чацкій произвелъ всю эту кутерьму!

Графиня - бабушка.

Какъ? Чацкаго кто свелъ въ тюрьму?

Загорѣцкій.

Въ горахъ израненъ въ лобъ,
Сошелъ съ ума отъ раны!

Графиня - бабушка.

Что? Къ фармазонамъ въ клобъ?
Пошелъ онъ въ басурманы?

Загорѣцкій.

Ее не вразумишь...
(Уходитъ).

Графиня - бабушка.

Антонъ Антонычъ! Ахъ!
И онъ бѣжитъ! Всѣ въ страхѣ, впопыхахъ!

ЯВЛЕНІЕ 20-е.

Графиня-бабушка и Князь Тугоуховскій.

Графиня-бабушка.

Князь, князь! охъ, этотъ князь! по баламъ...
самъ чуть дышитъ!
Князь, слышали?

Князь.

А-хмъ?

Графиня - бабушка.

Онъ ничего не слышитъ!
Хоть, можетъ, видѣли: здѣсь полицмейстеръ былъ?

Князь.

Э-хмъ?

Графиня - бабушка.

Въ тюрьму-то, князь, кто Чацкаго схватилъ?

Князь.

И-хмъ?

Графиня - бабушка.

Тесакъ ему да ранецъ —
Въ солдаты!.. Шутка-ли? Перемѣнилъ законъ!

Князь.

У-хмъ?

Графиня - бабушка.

Да!.. въ басурманахъ онъ!
Ахъ, окаянный волтерьянецъ!
Что? а?.. Глухъ, мой отецъ? Достаньте свой рожокъ...
Охъ, глухота большой порокъ!

ЯВЛЕНІЕ 21-е.

Тѣ же и Хлестова, Софья, Молчалинъ, Платонъ Михайловичъ, Наталья Дмитріевна, Графиня-внучка, Княгиня съ дочерьми, Загорѣцкій, Скалозубъ, потомъ Фамусовъ и многіе другіе.

Хлестова.

Съ ума сошелъ!.. прошу покорно...
Да невзначай! да какъ проворно!
Ты, Софья, слышала?

Платонъ Михайловичъ.

Кто первый разгласилъ?

Наталья Дмитріевна.

Ахъ, другъ мой, всѣ!

Платонъ Михайловичъ.

Ну, всѣ, такъ вѣришь поневолѣ...
А мнѣ сомнительно...

Фамусовъ
(входя).

О чемъ, о Чацкомъ, что-ли?
Чего «сомнительно»? Я первый, я открылъ!
Давно дивлюсь я, какъ никто его не свяжетъ:
Попробуй о властяхъ — и не-вѣсть что наскажетъ! —
Чуть низко поклонись, согнись-ка кто кольцомъ—
Хоть предъ монаршіимъ лицомъ,
Такъ назоветъ онъ подлецомъ!

Хлестова.

Туда-же — изъ смѣшливыхъ:
Сказала что-то я — онъ началъ хохотать...

Молчалинъ.

Мнѣ отсовѣтовалъ въ Москвѣ служить въ архивахъ...

Графиня-внучка.

Меня модисткою изволилъ величать...

Наталья Дмитріевна.

А мужу моему совѣтъ далъ жить въ деревнѣ...

Загорѣцкій.

Безумный — по всему!

Графиня-внучка.

Я видѣла изъ глазъ...

Фамусовъ.

По матери пошелъ, по Аннѣ Алексѣвнѣ:
Покойница съ ума сходила восемь разъ.

Хлестова.

На свѣтѣ дивныя бываютъ приключенья:
Въ его лѣта съ ума спрыгнулъ! —
Чай, пилъ не по лѣтамъ...

Княгиня.

О, вѣрно...

Графиня - внучка.

Безъ сомнѣнья!

Хлестова.

Шампанское стаканами тянулъ...

Наталья Дмитріевна.

Бутылками-съ... и пребольшими...

Загорѣцкій
(съ жаромъ).

Нѣтъ-съ, бочками сороковыми!

Фамусовъ.

Ну, вотъ — великая бѣда,
Что выпьетъ лишнее мужчина!
Ученье — вотъ чума! ученость — вотъ причина,
Что нынче пуще, чѣмъ когда,
Безумныхъ развелось людей и дѣлъ, и мнѣній!

Хлестова.

И впрямь съ ума сойдешь отъ этихъ... отъ однихъ —
Отъ пансіоновъ, школъ, лицеевъ... какъ бишь ихъ! —
Да отъ ланкарточныхъ взаимныхъ обученій!

Княгиня.

Нѣтъ, въ Петербургѣ институтъ
Пе-да-го-гическій — такъ, кажется, зовутъ? —
Тамъ упражняются въ расколахъ и въ безвѣрьи
Профессоры! У нихъ учился нашъ родня,
И вышелъ хоть сейчасъ въ аптеку, въ подмастерьи...
Онъ женщинъ бѣгаетъ... и даже отъ меня!
Чиновъ не хочетъ знать! Онъ химикъ, онъ ботаникъ —
Князь Федоръ, мой племянникъ!

Скалозубъ.

Я васъ обрадую: всеобщая молва,
Что есть проектъ насчетъ лицеевъ, школъ, гимназій:
Тамъ будутъ лишь учить по нашему: разъ! два!..
А книги сохранятъ такъ, для большихъ оказій.

Фамусовъ.

Сергѣй Сергѣичъ, нѣтъ, — ужъ коли зло пресѣчь,
Забрать всѣ книги бы, да сжечь!

Загорѣцкій
(съ кротостью).

Нѣтъ-съ, книги книгамъ рознь... А если-бъ, между нами,
Былъ цензоромъ назначенъ я,
На басни бы налегъ... охъ, басни смерть моя! —
Насмѣшки вѣчныя надъ львами, надъ орлами...
Кто что ни говори,
Хоть и животныя, а все-таки цари!

Хлестова.

Отцы мои, ужъ кто въ умѣ разстроенъ,
Такъ все равно, отъ книгъ-ли, отъ питья-ль!
А Чацкаго мнѣ жаль...

По-христіански, такъ онъ жалости достоинъ:
Былъ острый человѣкъ, имѣлъ душъ сотни три...

Фамусовъ.

Четыре...

Хлестова.

Три, сударь.

Фамусовъ.

Четыреста!

Хлестова.

Нѣтъ, триста!

Фамусовъ.

Въ моемъ календарѣ...

Хлестова.

Все врутъ календари!..

Фамусовъ.

Какъ-разъ четыреста... охъ, спорить голосиста!

Хлестова.

Нѣтъ, триста!.. ужъ чужихъ имѣній мнѣ не знать!

Фамусовъ.

Четыреста! — прошу понять...

Хлестова.

Нѣтъ, триста! триста! триста!..

ЯВЛЕНІЕ 22-е.

Тѣ же всѣ и Чацкій.

Наталья Дмитріевна.

Вотъ онъ...

Графиня-внучка.

Ш-шъ!

Всѣ.

Ш-шъ!

(Пятятся отъ него въ противную сторону).

Хлестова.

Ну, какъ съ безумныхъ глазъ
Затѣетъ драться онъ, потребуетъ къ раздѣлкѣ!

Фамусовъ.

О, Господи, помилуй грѣшныхъ насъ!

(Опасливо).

Любезнѣйшій, ты не въ своей тарелкѣ...
Съ дороги нуженъ сонъ... Дай пульсъ...
Ты нездоровъ...

Чацкій.

Да, мочи нѣтъ!.. мильонъ терзаній
Груди отъ дружескихъ тисковъ,
Ногамъ отъ шарканья, ушамъ отъ восклицаній,
А пуще головѣ отъ всякихъ пустяковъ!

(Подходитъ къ Софьѣ).

Душа здѣсь у меня какимъ-то горемъ сжата,
И въ многолюдствѣ я потерянъ, самъ не свой...
Нѣтъ, недоволенъ я Москвой.

Хлестова.

Москва, вишь, виновата!

Фамусовъ.

Подальше отъ него!

(Дѣлаетъ знаки Софьѣ).

Г-мъ, Софья! — Не глядитъ...

Софья

(Чацкому).

Скажите, что васъ такъ гнѣвитъ?

Чацкій.

Въ той комнатѣ незначущая встрѣча:

Французикъ изъ Бордо, надсаживая грудь,
Собралъ вокругъ себя родъ вѣча
И сказывалъ, какъ снаряжался въ путь
Въ Россію, къ варварамъ, со страхомъ и слезами..
Пріѣхалъ, —и нашелъ, что ласкамъ нѣтъ конца...
Ни звука русскаго, ни русскаго лица
Не встрѣтилъ: будто бы въ отечествѣ, съ друзьями,
Своя провинція!.. Посмотришь, вечеркомъ
Онъ чувствуетъ себя здѣсь маленькимъ царькомъ:
Такой-же толкъ у дамъ, такіе-же наряды...
— Онъ радъ, но мы не рады! —
Умолкъ, — и тутъ со всѣхъ сторонъ —
Тоска, и оханье, и стонъ!
«Ахъ, Франція! Нѣтъ въ мірѣ лучше края!» —
Рѣшили двѣ княжны-сестрицы, повторяя
Урокъ, который имъ издѣтства натверженъ...
Куда дѣваться отъ княжонъ?
Я одаль возсылалъ желанья,
Смиренныя — однако вслухъ, —
Чтобъ истребилъ Господь нечистый этотъ духъ
Пустого, рабскаго, слѣпого подражанья;
Чтобы искру заронилъ онъ въ комъ-нибудь съ душой,
Кто могъ-бы словомъ и примѣромъ
Насъ удержать, какъ крѣпкою возжой,
Отъ жалкой тошноты по сторонѣ чужой!
Пускай меня объявятъ старовѣромъ,
Но хуже для меня нашъ Сѣверъ во-сто-кратъ
Съ тѣхъ поръ, какъ отдалъ все въ обмѣнъ на новый ладъ:
И нравы, и языкъ, и старину святую,
И величавую одежду на другую —
По шутовскому образцу:
Хвостъ сзади, спереди какой-то чудный выемъ,
Разсудку вопреки, наперекоръ стихіямъ, —
Движенья связаны и не краса лицу!
Смѣшные, бритые, сѣдые подбородки...
Какъ платье, волосы — такъ и умы коротки...

Ахъ, если рождены мы все перенимать,
Хоть у китайцевъ бы намъ нѣсколько занять
Премудраго у нихъ незнанья иноземцевъ!
Воскреснемъ-ли когда отъ чужевластья модъ,
Чтобъ умный, добрый нашъ народъ
Хотя по языку насъ не считалъ за нѣмцевъ?
— «Какъ европейское поставить въ параллель
«Съ національнымъ? — странно что-то...
«Ну, какъ перевести «мадамъ», «мадмуазель»?
«Ужли — «сударыня»?» — забормоталъ мнѣ кто-то...
Вообразите, тутъ у всѣхъ
На мой-же счетъ поднялся смѣхъ!
«Сударыня»! ха-ха-ха-ха... прекрасно!
«Сударыня»! ха-ха-ха-ха...ужасно!»
Я, разсердясь и жизнь кляня,
Готовилъ имъ отвѣтъ громовый,
Но — всѣ оставили меня.
Вотъ случай вамъ со мною — онъ не новый...
Москва и Петербургъ во всей Россіи то,
Что человѣкъ изъ города Бордо:
Лишь ротъ открылъ, имѣетъ счастье
Во всѣхъ княжонъ вселять участье!
И въ Петербургѣ и въ Москвѣ,
Кто недругъ выписныхъ лицъ, вычуръ, словъ кудрявыхъ,
Въ чьей, по несчастью, головѣ
Пять, шесть найдется мыслей здравыхъ,
И онъ осмѣлится ихъ гласно объявлять, — Глядь...

(Оглядывается: всѣ въ вальсѣ кружатся съ величайшимъ усердіемъ. Старики разбрелись къ карточнымъ столамъ).

Конецъ третьяго дѣйствія.

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

У Фамусова въ домѣ. Парадныя сѣни; большая лѣстница изъ второго жилья, къ которой примыкаютъ многія побочныя изъ антресолей; внизу справа (отъ дѣйствующихъ лицъ) выходъ на крыльцо и швейцарская ложа; слѣва на одномъ же планѣ комната Молчалина.

Ночь. Слабое освѣщеніе. Лакеи — иные суетятся, иные спятъ въ ожиданіи господъ своихъ.

ЯВЛЕНІЕ 1-е.

Графиня-бабушка, Графиня-внучка, впереди ихъ лакей.

Лакей.

Графини Хрюминой карета!

Графиня-внучка.

(покуда ее укутываютъ).

Ну, балъ! Ну, Фамусовъ! умѣлъ гостей назвать!
Какіе-то уроды съ того свѣта —
И не съ кѣмъ говорить, и не съ кѣмъ танцовать...

Графиня-бабушка.

Поѣдемъ, матушка, — мнѣ, право, не подъ силу!
Когда-нибудь я съ бала да въ могилу...
(Обѣ уѣзжаютъ).

ЯВЛЕНІЕ 2-е.

Платонъ Михайловичъ и Наталья Дмитріевна.

(*Одинъ лакей около нихъ хлопочетъ, другой у подъѣзда кричитъ*).

Карета Горича!

Наталья Дмитріевна.

Мой ангелъ! жизнь моя!

Безцѣнный! душечка! что смотришь такъ уныло?
(*Цѣлуетъ мужа въ лобъ*).
Признайся: весело у Фамусовыхъ было?

Платонъ Михайловичъ.

Наташа, матушка, дремлю на балахъ я:
До нихъ смертельный неохотникъ,
А не противлюсь — твой работникъ, —
Дежурю за-полночь... подчасъ,
Тебѣ въ угодность, какъ ни грустно,
Пускаюсь по командѣ въ плясъ...

Наталья Дмитріевна.

Ты притворяешься, и очень неискусно:
Охота смертная прослыть за старика!
(*Уходитъ съ лакеемъ*).

Платонъ Михайловичъ
(*хладнокровно*).

Балъ вещь хорошая, неволя-то горька...
И кто жениться насъ неволитъ!
Вѣдь сказано-жъ, иному на роду...

Лакей
(*съ крыльца*).

Въ каретѣ барыня-съ — и гнѣваться изволитъ.

Платонъ Михайловичъ
(*со вздохомъ*).

Иду, иду!
(*Уѣзжаютъ*).

ЯВЛЕНІЕ 3-е.

Чацкій и лакей его впереди.

Чацкій.

Кричи, чтобы скорѣе подавали!
(*Лакей уходитъ*).

Ну, вотъ, и день прошелъ, и съ нимъ
Всѣ призраки, весь чадъ и дымъ
Надеждъ, которыя мнѣ душу наполняли...
Чего я ждалъ? что думалъ здѣсь найти?
Гдѣ прелесть эта встрѣчъ? участье въ комъ живое?
Крикъ... радость... обнялись... Пустое!..
Въ повозкѣ такъ-то, на пути,
Необозримою равниной, сидя праздно,
Все что-то видно впереди —
Свѣтло, сине, разнообразно...
И ѣдешь часъ, и два, день цѣлый... вотъ рѣзво
Домчались къ отдыху. Ночлегъ. Куда ни взглянешь,
Все та же гладь и степь, и пусто, и мертво...
Досадно, мочи нѣтъ! Чѣмъ больше думать станешь...
(*Лакей возвращается*).
Готово?

Лакей.

Кучера-съ нигдѣ, вишь, не найдутъ...

Чацкій.

Пошелъ, ищи, — не ночевать же тутъ!
(*Лакей опять уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ 4-е.

Чацкій, Репетиловъ (вбѣгаетъ съ крыльца; при самомъ входѣ падаетъ со всѣхъ ногъ и поспѣшно оправляется).

Репетиловъ.

Тьфу, оплошалъ!.. Ахъ, мой Создатель!
Дай протереть глаза... Откудова, пріятель?..
Сердечный другъ! любезный другъ! mon cher!
Вотъ фарсы мнѣ какъ часто были пѣты,
Что пустомеля я, что глупъ, что суевѣръ,
Что у меня на все предчувствія, примѣты:

Сейчасъ растолковать прошу! —
Какъ будто зналъ... сюда спѣшу —
Хвать, — объ порогъ задѣлъ ногою
И растянулся во весь ростъ!
Пожалуй, смѣйся надо мною,
Что Репетиловъ вретъ, что Репетиловъ простъ! —
А у меня къ тебѣ влеченье, родъ недуга,
Любовь какая-то и страсть...
Готовъ я душу прозакласть,
Что въ мірѣ не найдешь себѣ такого друга,
Такого вѣрнаго, ей-ей!..
Пускай лишусь жены, дѣтей,
Оставленъ буду цѣлымъ свѣтомъ,
Пускай умру на мѣстѣ этомъ...
Да разразитъ меня Господь!..

Чацкій.

Да полно вздоръ молоть!

Репетиловъ.

Не любишь ты меня — естественное дѣло! —
Съ другими я и такъ и сякъ,
Съ тобою говорю несмѣло...
Я жалокъ, я смѣшонъ, я неучъ, я дуракъ!

Чацкій.

Вотъ странное уничиженье...

Репетиловъ.

Ругай меня! Я самъ кляну свое рожденье,
Когда подумаю, какъ время убивалъ!..
Скажи: который часъ?

Чацкій.

Часъ ѣхать спать ложиться...
Коли явился ты на балъ,
Такъ можешь воротиться.

Репетиловъ.

Что балъ, братецъ, гдѣ мы всю ночь до бѣла дня
Въ приличьяхъ скованы, не вырвемся изъ ига!
Читалъ ли ты? Есть книга...

Чацкій.

А ты читалъ? — задача для меня...
Ты Репетиловъ ли?

Репетиловъ.

Зови меня вандаломъ! —
Я это имя заслужилъ:
Людьми пустыми дорожилъ,
Самъ бредилъ цѣлый вѣкъ обѣдомъ или баломъ!
Объ дѣтяхъ забывалъ! Обманывалъ жену!
Игралъ! проигрывалъ! въ опеку взятъ указомъ!
Танцовщицу держалъ! и не одну — трехъ
разомъ!
Пилъ мертвую! не спалъ ночей по девяти!
Все отвергалъ: законы, совѣсть, вѣру...

Чацкій.

Послушай: ври. да знай же мѣру:
Есть отъ чего въ отчаянье притти!

Репетиловъ.

Поздравь меня: теперь съ людьми я знаюсь
Съ умнѣйшими! — всю ночь не рыщу на-пролетъ.

Чацкій.

Вотъ нынче, напримѣръ?

Репетиловъ.

Что ночь одна! — не въ счетъ!.
Зато спроси: гдѣ былъ?

Чацкій.

И самъ я догадаюсь...
Чай, въ клубѣ?

Репетиловъ.

Въ Англійскомъ... Чтобъ исповѣдь начать:
Изъ шумнаго я засѣданья...
Пожалуйста, молчи: я слово далъ молчать...
У насъ есть общество, и тайныя собранья
По четвергамъ... секретнѣйшій союзъ...

Чацкій.

Ахъ, я, братецъ, боюсь...
Какъ? въ клубѣ?

Репетиловъ.

Именно!

Чацкій.

Вотъ мѣры чрезвычайны,
Чтобъ взашеи прогнать и васъ и ваши тайны!

Репетиловъ.

Напрасно страхъ тебя беретъ:
Вслухъ, громко говоримъ — никто не разберетъ!
Я самъ, какъ схватятся о камерахъ, присяжныхъ,
О Байронѣ, ну, о матерьяхъ важныхъ, —
Частенько слушаю, не разжимая губъ...
Мнѣ не подъ-силу, братъ... я чувствую, что глупъ.
Ахъ, Alexandre, у насъ тебя недоставало...
Послушай, миленькій, потѣшь меня хоть мало:
Поѣдемъ-ка сейчасъ! мы, благо, на ходу...
Съ какими я тебя сведу
Людьми: ужъ на меня нисколько не похожи!
Что за люди, mon cher, — сокъ умной молодежи!

Чацкій.

Богъ съ ними... и съ тобой... Куда я поскачу?
Зачѣмъ? въ глухую ночь?.. Домой! — я спать
хочу.

Репетиловъ.

Э, брось! кто нынче спитъ? Ну, полно, безъ
прелюдій! —

Рѣшись!.. а мы... у насъ... рѣшительные люди,
Горячихъ дюжина головъ!
Кричимъ — подумаешь, что сотни голосовъ!..

Чацкій.

Да изъ чего бѣснуетесь вы столько?

Репетиловъ.

Шумимъ, братецъ, шумимъ...

Чацкій.

Шумите вы — и только?

Репетиловъ.

Не мѣсто объяснять теперь и недосугъ!
Но государственное дѣло...
Оно, вотъ видишь, не созрѣло —
Нельзя же вдругъ...
Что за люди, mon cher! — безъ дальнихъ я исторій
Скажу тебѣ: во-первыхъ, князь Григорій —
Чудакъ единственный — насъ со смѣху моритъ!
Вѣкъ съ англичанами... вся англійская складка:
И также онъ сквозь зубы говоритъ,
И также коротко обстриженъ для порядка...
Ты не знакомъ? О, познакомься съ нимъ!
Другой — Воркуловъ Евдокимъ.
Ты не слыхалъ, какъ онъ поетъ? О, диво!
Послушай, милый, особливо
Есть у него любимое одно:
«А! нонъ ла-шьяръ ми, но-но-но...»
Еще у насъ два брата:
Левонъ и Боринька — чудесные ребята!
Объ нихъ не знаешь, что сказать...
Но если генія прикажете назвать:
Удушьевъ, Ипполитъ Маркелычъ...
Ты сочиненія его
Читалъ ли что-нибудь? хоть мелочь?
Прочти, братецъ!.. да онъ не пишетъ ничего...

Вотъ эдакихъ людей бы сѣчь-то,
И приговаривать: писать, писать, писать!
Въ журналахъ можешь ты, однако, отыскать
Его отрывокъ: «Взглядъ и нѣчто».
Объ чемъ, бишь, «нѣчто»? — обо всемъ!
Все знаетъ! — мы его на черный день пасемъ...
Но голова у насъ, какой въ Россіи нѣту —
Не надо называть, узнаешь по портрету:
Ночной разбойникъ, дуэлистъ,
Въ Камчатку сосланъ былъ, вернулся алеутомъ,
И крѣпко на руку нечистъ...
Да умный человѣкъ не можетъ быть не плутомъ!
Когда-жъ объ честности высокой говоритъ,
Какимъ-то демономъ внушаемъ:
Глаза въ крови, лицо горитъ,
Самъ плачетъ, и мы всѣ рыдаемъ!
Вотъ люди!.. Есть ли имъ подобные? Наврядъ...
Ну, между ними я, конечно, заурядъ,
Немножко поотсталъ, лѣнивъ — подумать ужасъ!
Однако-жъ я, когда, умишкомъ понатужась,
Засяду, часу не сижу,
И какъ-то невзначай — вдругъ каламбуръ рожу!
Другіе у меня мысль эту же подцѣпятъ,
И вшестеромъ, глядь, водевильчикъ слѣпятъ;
Другіе шестеро на музыку кладутъ,
Другіе хлопаютъ, когда его даютъ...
Братъ, смѣйся! А что любо — любо...
Способностями Богъ меня не наградилъ,
Далъ сердце доброе — вотъ чѣмъ я людямъ
милъ...
Совру — простятъ...

Лакей
(*у подъѣзда*).

Карета Скалозуба!

Репетиловъ.

Чья?

ЯВЛЕНІЕ 5-е.

Тѣ же и Скалозубъ (спускается съ лѣстницы).

Репетиловъ
(*къ нему навстрѣчу*).

Ахъ, Скалозубъ! душа моя!
Постой, куда же? Сдѣлай дружбу!
(*Душитъ его въ объятіяхъ*).

Чацкій.

Куда дѣваться мнѣ отъ нихъ?
(*Входитъ въ швейцарскую*).

Репетиловъ
(*Скалозубу*).

Слухъ объ тебѣ давно затихъ:
Сказали, что ты въ полкъ отправился на службу...
Знакомы вы?
(*Ищетъ глазами Чацкаго*).
Упрямецъ!.. ускакалъ...
Нѣтъ нужды... Я тебя нечаянно сыскалъ,
И просимъ-ка — со мной, сейчасъ,
безъ отговорокъ!
У князь-Григорія теперь народу тьма:
Увидишь человѣкъ насъ сорокъ...
Фу, сколько, братецъ, тамъ ума!
Всю ночь толкуютъ — не наскучатъ...
Во-первыхъ, напоятъ шампанскимъ на-убой,
А во-вторыхъ, такимъ вещамъ научатъ,
Какихъ, конечно, намъ не выдумать съ тобой!

Скалозубъ.

Избавь... ученостью меня не обморочишь!
Скликай другихъ... а если хочешь.
Я князь-Григорію и вамъ
Фельдфебеля въ Вольтеры дамъ:
Онъ въ три шеренги васъ построитъ,
А пикнете такъ мигомъ успокоитъ.

Репетиловъ.

Все служба на умѣ! Mon cher, гляди сюда:
И я въ чины бы лѣзъ, да неудачи встрѣтилъ.
Какъ, можетъ быть, никто и никогда!
По статской я служилъ. Тогда
Баронъ фонъ-Клоцъ въ министры мѣтилъ,
А я
Къ нему въ зятья —
Шелъ напрямикъ, безъ дальней думы!
Съ его женой и съ нимъ пускался въ «реверси»,
Ему и ей какія суммы
Спустилъ, что Боже упаси!
Онь на Фонтанкѣ жилъ, я возлѣ домъ построилъ..
Съ колоннами! огромный! сколько стоилъ!
Женился, наконецъ, на дочери его:
Приданаго взялъ — шишъ, по службѣ — ничего!
Тесть — нѣмецъ, а что проку! —
Боялся, видишь, онъ упреку
За слабость, будто бы, къ роднѣ...
Боялся, прахъ его возьми! — да легче-ль мнѣ?
Секретари его — родъ хамскій и продажный,
Людишки, пишущая тварь! —
Всѣ вышли въ знать, всѣ нынче важны:
Гляди-ка въ Адресъ-календарь...
Тьфу! служба и чины, кресты — душѣ надсада!..
Лохмотьевъ Алексѣй чудесно говоритъ,
Что за правительство путемъ бы взяться надо,
Желудокъ дольше не варитъ!..
(*Останавливается, увидя, что Загорѣцкій заступилъ мѣсто Скалозуба, который покудова уѣхалъ*).

ЯВЛЕНІЕ 6-е.

Репетиловъ, Загорѣцкій.

Загорѣцкій.

Извольте продолжать... Вамъ искренно
признаюсь:
Такой же я, какъ вы, ужасный либералъ —

И отъ того, что прямъ и смѣло объясняюсь,
Куда какъ много потерялъ!..*)

Репетиловъ
(*съ досадой*).

Всѣ врознь, не говоря ни слова!
Чуть изъ виду одинъ — гляди, ужъ нѣтъ другова:
Былъ Чацкій — вдругъ исчезъ, потомъ и
Скалозубъ...

Загорѣцкій.

Какъ думаете вы объ Чацкомъ?

Репетиловъ.

Онъ не глупъ.
Сейчасъ столкнулись мы... тутъ всякіе турусы,
И дѣльный разговоръ зашелъ про водевиль...
Да, водевиль есть вещь, а прóчее все — гиль!
Мы съ нимъ... у насъ... одни и тѣ же вкусы...

Загорѣцкій.

А вы замѣтили, что онъ
Въ умѣ серьезно поврежденъ?

Репетиловъ.

Какая чепуха!

Загорѣцкій.

Объ немъ всѣ этой вѣры...

Репетиловъ.

Вранье!

Загорѣцкій.

Спросите всѣхъ...

Варіантъ предшествующихъ четырехъ стиховъ:
Извольте продолжать! Повѣрьте,
Я самъ ужасный либералъ!
И рабства не терплю до смерти!
Чрезъ это много потерялъ.

Репетиловъ.

Химеры!

Загорѣцкій.

А кстати — вотъ князь Петръ Ильичъ,
Княгиня и съ княжнами...

Репетиловъ.

Дичь!

ЯВЛЕНІЕ 7-е.

Репетиловъ, Загорѣцкій, Князь и Княгиня съ шестью дочерьми; немного погодя Хлестова спускается съ парадной лѣстницы; Молчалинъ ведетъ ее подъ-руку. Лакеи въ суетахъ.

Загорѣцкій.

Княжны, пожалуйте, скажите ваше мнѣнье:
Безумный Чацкій или нѣтъ?

1 Княжна.

Какое-жъ въ этомъ есть сомнѣнье?

2 Княжна.

Про это знаетъ цѣлый свѣтъ...

3 Княжна.

Дрянскіе, Хворовы, Варлянскіе, Скачковы!..

4 Княжна.

Ахъ, вѣсти старыя! — кому онѣ новы?

5 Княжна.

Кто сомнѣвается?

Загорѣцкій.

Да вотъ — не вѣритъ...

6 Княжна.

Вы?

Всѣ вмѣстѣ.

Мсье Репетиловъ, вы?.. Мсье Репетиловъ,
что вы?..
Да какъ вы?.. Можно-ль противъ всѣхъ?..
Да почему вы?.. Стыдъ и смѣхъ!

Репетиловъ
(*затыкаетъ себѣ уши*).

Простите: я не зналъ, что это слишкомъ гласно...

Княгиня.

Еще не гласно бы!.. Съ нимъ говорить опасно —
Давно бы запереть пора!
Послушать, такъ его мизинецъ
Умнѣе всѣхъ и даже князь-Петра!
Я думаю, онъ просто якобинецъ,
Вашъ Чацкій... Ѣдемте. Князь, ты везти бы могъ
Катишь или Зизи... мы сядемъ въ шестимѣстной.

Хлестова
(*съ лѣстницы*).

Княгиня, карточный должокъ...

Княгиня.

За мною, матушка...

Всѣ
(*другъ другу*).

Прощайте.

(*Княжеская фамилія уѣзжаетъ и Загорѣцкій тоже*).

ЯВЛЕНІЕ 8-е.

Репетиловъ, Хлестова,
Молчалинъ.

Репетиловъ.

Царь небесный!

Анфиса Ниловна!.. Ахъ, Чацкій бѣдный... вотъ —
Что нашъ высокій умъ и тысячи заботъ!
Скажите, изъ чего на свѣтѣ мы хлопочемъ?

Хлестова.

Такъ Богъ ему судилъ! А впрочемъ,
Полечатъ — вылечатъ, авось...
А ты, мой батюшка, неисцѣлимъ, хоть брось! —
Изволилъ во-время явиться!
Молчалинъ, вонъ чуланчикъ твой...
Не нужны проводы... поди, Господь съ тобой...
(*Молчалинъ уходитъ къ себѣ въ комнату*).
Прощайте, батюшка... пора перебѣситься!
(*Уѣзжаетъ*).

ЯВЛЕНІЕ 9-е.

Репетиловъ (съ своимъ лакеемъ).

Репетиловъ.

Куда теперь направить путь?
А дѣло ужъ идетъ къ разсвѣту...
Поди, сажай меня въ карету,
Вези куда-нибудь!
(*Уѣзжаетъ*).

ЯВЛЕНІЕ 10-е.

(*Послѣдняя лампа гаснетъ*).

Чацкій
(*выходитъ изъ швейцарской*).

Что это? — слышалъ я моими ли ушами?
Не смѣхъ, а явно злость! Какими чудесами,
Черезъ какое колдовство
Нелѣпость обо мнѣ всѣ въ голосъ повторяютъ?
И для иныхъ — какъ словно торжество,
Другіе будто сострадаютъ...
О, еслибъ кто въ людей проникъ:
Что хуже въ нихъ — душа или языкъ?

Чье это сочиненье?
Повѣрили глупцы, другимъ передаютъ,
Старухи вмигъ тревогу бьютъ,
И вотъ — общественное мнѣнье!
И вотъ — та родина... Нѣтъ, въ нынѣшній
пріѣздъ,
Я вижу, что она мнѣ скоро надоѣстъ.
А Софья знаетъ ли? — Конечно, разсказали...
Она не то, чтобы мнѣ именно во вредъ
Потѣшилась, и — правда или нѣтъ —
Ей все равно... другой ли, я ли —
Никѣмъ, по совѣсти, она не дорожитъ!
Но этотъ обморокъ, безпамятство откуда?..
Нервъ избалованность — причуда:
Возбудитъ малость ихъ и малость утишитъ! —
Я признакомъ почелъ живыхъ страстей... Ни
крошки!
Она, конечно бы, лишилась также силъ,
Когда бы кто-нибудь ступилъ
На хвостъ собачки или кошки...

Софья

(*надъ лѣстницей во второмъ этажѣ, со свѣчой*).

Молчалинъ, вы?

(*Поспѣшно опять дверь припираетъ*).

Чацкій.

Она... она сама!
Ахъ... голова горитъ, вся кровь моя въ
волненьи...
Явилась... нѣтъ ея... неужель въ видѣньи?
Не впрямь ли я сошелъ съ ума?
Къ необычайности я, точно, приготовленъ...
Но не видѣнье тутъ — свиданья часъ условленъ!
Къ чему обманывать себя мнѣ самого? —
Звала Молчалина, — вотъ комната его...

Лакей

(*его съ крыльца*).

Каре...

Чацкій.

С-съ!

(*Выталкиваетъ его вонъ*).

Буду здѣсь, и не смыкая глазу,
Хоть до утра! Ужъ коли горе пить,
Такъ лучше сразу,
Чѣмъ медлить... а бѣды медленьемъ не избыть!
Дверь отворяется.

(*Прячется за колонну*).

ЯВЛЕНІЕ 11-е.

Чацкій спрятанъ: Лиза со свѣчкой.

Лиза.

Ахъ, мочи нѣтъ! робѣю:
Въ пустыя сѣни! въ ночь!.. боишься домовыхъ,
Боишься и людей живыхъ...
Мучительница барышня — Богъ съ нею!..
И Чацкій — какъ бѣльмо въ глазу! —
Вишь, показался ей онъ гдѣ-то здѣсь, внизу.

(*Осматривается*).

Да, какъ же! — по сѣнямъ бродить ему охота!
Онъ, чай, давно ужъ за ворота:
Любовь на завтра поберегъ,
Домой — и спать залегъ.
Однако, велѣно къ сердечному толкнуться...

(*Стучится къ Молчалину*).

Послушайте-съ... извольте-ка проснуться!
Васъ кличетъ барышня!.. васъ барышня зоветъ!
Да поскорѣй, чтобъ не застали!

ЯВЛЕНІЕ 12-е.

Чацкій (за колонною), Лиза, Молчалинъ (потягивается, зѣваетъ), Софья (крадется сверху).

Лиза.

Вы, сударь, камень!.. сударь, ледъ!..

Молчалинъ.

Ахъ, Лизанька, ты отъ себя ли?

Лиза.

Отъ барышни-съ...

Молчалинъ.

Кто-бъ отгадалъ,
Что въ этихъ щечкахъ, въ этихъ жилкахъ
Любви еще румянецъ не игралъ?
Охота быть тебѣ лишь только на посылкахъ!

Лиза.

А вамъ, искателямъ невѣстъ,
Не нѣжиться и не зѣвать бы:
Пригожъ и милъ — кто не доѣстъ
И не доспитъ до свадьбы!

Молчалинъ.

Какая свадьба? Съ кѣмъ?

Лиза.

А съ барышней?

Молчалинъ.

Поди...
Надежды много впереди:
Безъ свадьбы время проволочимъ...

Лиза.

Что вы, сударь! да мы кого-жъ
Себѣ въ мужья другого прочимъ?

Молчалинъ.

Не знаю... А меня такъ пробираетъ дрожь,
И при одной я мысли трушу,
Что Павелъ Афанасьичъ разъ
Когда-нибудь поймаетъ насъ,
Разгонитъ, проклянетъ!.. Да что?.. открыть ли душу? —
Я въ Софьѣ Павловнѣ не вижу ничего
Завиднаго... Дай Богъ ей вѣкъ прожить богато!—
Любила Чацкаго когда-то,
Меня разлюбитъ, какъ его...
Мой ангельчикъ, желалъ бы вполовину
Къ ней то же чувствовать, что чувствую къ тебѣ...
Да нѣтъ, какъ ни твержу себѣ:
Готовлюсь нѣжнымъ быть, а свижусь — и простыну!..

Софья
(*въ сторону*).

Какія низости!

Чацкій
(*за колонною*).

Подлецъ!

Лиза.

И вамъ не совѣстно?

Молчалинъ.

Мнѣ завѣщалъ отецъ:
Во-первыхъ, угождать всѣмъ людямъ безъ изъятья —
Хозяину, гдѣ доведется жить,
Начальнику, съ кѣмъ буду я служить,
Слугѣ его, который чиститъ платья,

Швейцару, дворнику, для избѣжанья зла,
Собакѣ дворника, чтобъ ласкова была...

Лиза.

Сказать, сударь, у васъ огромная опека!

Молчалинъ.

И вотъ — любовника я принимаю видъ
Въ угодность дочери такого человѣка...

Лиза.

Который кормитъ и поитъ,
А иногда и чиномъ наградитъ?..
Пойдемте же!.. довольно толковали!

Молчалинъ.

Пойдемъ любовь дѣлить печальной нашей крали..
Дай, обниму тебя отъ сердца полноты!
(*Лиза не дается*).
Зачѣмъ она — не ты!
(*Хочетъ итти, Софья не пускаетъ*).

Софья
(*почти шопотомъ; вся сцена вполголоса*).

Нейдите далѣе! Наслушалась я много...
Ужасный человѣкъ!.. Себя я, стѣнъ стыжусь!

Молчалинъ.

Какъ!.. Софья Павловна!..

Софья.

Ни слова, ради Бога!
Молчите! — я на все рѣшусь...

Молчалинъ
(*бросается на колѣни, Софья отталкиваетъ*).

Ахъ, вспомните... не гнѣвайтеся, взгляньте!..

Софья.

Не помню ничего! Не докучайте мнѣ!
Воспоминанія... какъ острый ножъ онѣ!..

Молчалинъ
(*ползаетъ у ногъ ея*).

Помилуйте...

Софья.

Не подличайте, встаньте!..
Отвѣта не хочу, — я знаю вашъ отвѣтъ:
Солжете...

Молчалинъ.

Сдѣлайте мнѣ милость...

Софья.

Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ!..

Молчалинъ.

Шутилъ... и не сказалъ я ничего, окромѣ...

Софья.

Отстаньте, говорю... сейчасъ!..
Я крикомъ разбужу всѣхъ въ домѣ,
И погублю себя и васъ!
(*Молчалинъ встаетъ*).
Я, съ этихъ поръ, васъ будто не знавала!
Упрековъ, жалобъ, слезъ моихъ
Не смѣйте ожидать — не стоите вы ихъ!..
Но — чтобы въ домѣ здѣсь заря васъ не застала!
Чтобъ никогда объ васъ я больше не слыхала!..

Молчалинъ.

Какъ вы прикажете...

Софья.

Иначе разскажу
Всю правду батюшкѣ съ досады!

Вы знаете, что я собой не дорожу...
Подите... Стойте!.. будьте рады,
Что при свиданіяхъ со мной въ ночной тиши,
Держались болѣе вы робости во нравѣ,
Чѣмъ даже днемъ, и при людяхъ, и въявѣ!
Въ васъ меньше дерзости, чѣмъ кривизны души...
Сама довольна тѣмъ, что ночью все узнала —
Нѣтъ укоряющихъ свидѣтелей въ глазахъ,
Какъ давеча, когда я въ обморокъ упала,
Здѣсь Чацкій былъ...

Чацкій

(*бросается между ними*).

Онъ здѣсь, притворщица!

Лиза и Софья.

Ахъ! ахъ!..

(*Лиза роняетъ свѣчку съ испугу; Молчалинъ скрывается къ себѣ въ комнату*).

ЯВЛЕНІЕ 13-е.

Тѣ же, кромѣ Молчалина.

Чацкій.

Скорѣе въ обморокъ! — теперь оно въ порядкѣ:
Важнѣе давишной причина есть тому.
Вотъ,наконецъ, рѣшеніе загадкѣ!
Вотъ я пожертвованъ кому!
Не знаю, какъ въ себѣ я бѣшенство умѣрилъ...
Глядѣлъ и видѣлъ — и не вѣрилъ!
А милый, — для кого забытъ
И прежній другъ, и женскій страхъ, и стыдъ, —
За двери прячется, боится быть въ отвѣтѣ...
Ахъ, какъ игру судьбы постичь? —
Людей съ душой гонительница, бичъ!..
Молчалины блаженствуютъ на свѣтѣ!

Софья
(вся въ слезахъ).

Не продолжайте! Я виню себя кругомъ!..
Но кто-бы думать могъ, чтобъ былъ онъ такъ
коваренъ?

Лиза.

Стукъ! шумъ! Ахъ, Боже мой, сюда бѣжитъ весь
домъ!..
Вашъ батюшка!.. Вотъ будетъ благодаренъ!

ЯВЛЕНІЕ 14-е.

Чацкій, Софья, Лиза, Фамусовъ
толпа слугъ со свѣчами.

Фамусовъ.

Сюда! за мной! скорѣй! скорѣй!
Свѣчей побольше, фонарей!
Гдѣ домовые? Ба! — знакомыя все лица!
Дочь!.. Софья Павловна! срамница!
Безстыдница! Гдѣ? съ кѣмъ? Ни дать, ни взять
она,
Какъ мать ея, покойница жена:
Бывало, я съ дражайшей половиной
Чуть врознь — ужъ гдѣ-нибудь съ мужчиной!
Побойся Бога! Какъ! — чѣмъ онъ тебя прель-
стилъ?
Сама его безумнымъ называла!..
Нѣтъ, глупость на меня и слѣпота напала:
Все это заговоръ и въ заговорѣ былъ
Онъ самъ и гости всѣ... За что я такъ наказанъ!..

Чацкій
(Софьѣ).

Такъ этимъ вымысломъ я вамъ еще обязанъ?

Фамусовъ.

Братъ, не финти: не дамся я въ обманъ!

Хоть подеритесь — не повѣрю!
Ты, Филька! ты — прямой чурбанъ!
Въ швейцары произвелъ лѣнивую тетерю:
Не знаетъ ни про что, не чуетъ ничего!..
Гдѣ былъ? куда ты вышелъ?
Сѣней не заперъ для чего?
И какъ не досмотрѣлъ? и какъ ты не дослышалъ?
Въ работу васъ! на поселенье васъ! —
За грошъ продать меня готовы!...
Ты, быстроглазая! все отъ твоихъ проказъ!..
Вотъ онъ, Кузнецкій мостъ, наряды и обновы —
Тамъ выучилась ты любовниковъ сводить!
Постой же, я тебя исправлю:
Изволь-ка въ избу, маршъ, — за птицами ходить!..
Да и тебя, мой другъ, я, дочка, не оставлю:
Еще дня два терпѣнія возьми, —
Не быть тебѣ въ Москвѣ, не жить тебѣ съ людьми! —
Подалѣе отъ этихъ хватовъ,
Въ деревню, къ теткѣ, въ глушь, въ Саратовъ!
Тамъ будешь горе горевать,
За пяльцами сидѣть, за святцами зѣвать!..
А васъ, сударь, прошу я толкомъ,
Туда не жаловать ни прямо, ни проселкомъ...
И ваша такова послѣдняя черта,
Что, чай, ко всякому дверь будетъ заперта!..
Я постараюсь... я!.. въ набатъ я пріударю,
По городу всему надѣлаю хлопотъ,
И оглашу во весь народъ!
Въ сенатъ подамъ! министрамъ! государю!..

Чацкій.
(послѣ нѣкотораго молчанія).

Не образумлюсь... виноватъ...
И слушаю — не понимаю!
Какъ будто все еще мнѣ объяснить хотятъ...
Растерянъ мыслями.. чего-то ожидаю...

(Съ жаромъ).

Слѣпецъ! я въ комъ искалъ награду всѣхъ трудовъ?
Спѣшилъ!.. летѣлъ!.. дрожалъ!.. вотъ счастье, думалъ, близко!
Предъ кѣмъ я давеча такъ страстно и такъ низко
Былъ расточитель нѣжныхъ словъ!
А вы... о, Боже мой! — кого себѣ избрали?
Когда подумаю, кого вы предпочли?
Зачѣмъ меня надеждой завлекли?
Зачѣмъ мнѣ прямо не сказали,
Что все прошедшее вы обратили въ смѣхъ?
Что память даже вамъ постыла
Тѣхъ чувствъ въ обоихъ насъ, движеній сердца тѣхъ,
Которыя во мнѣ ни даль не охладила,
Ни развлеченія, ни перемѣна мѣстъ?
Дышалъ и ими жилъ, былъ занятъ безпрерывно!..
Сказали-бы, что вамъ внезапный мой пріѣздъ,
Мой видъ, мои слова, поступки — все противно!
Я съ вами тотчасъ-бы сношенія пресѣкъ,
И передъ тѣмъ, какъ навсегда разстаться,
Не сталъ-бы очень добираться,
Кто этотъ вамъ любезный человѣкъ...

(Насмѣшливо)

Вы помиритесь съ нимъ, по размышленьи зрѣломъ...
Себя крушить — и для чего? —
Подумайте: всегда вы можете его
Беречь, и пеленать, и спосылать за дѣломъ...
Мужъ-мальчикъ, мужъ-слуга, изъ жениныхъ пажей —
Высокій идеалъ московскихъ всѣхъ мужей...
Довольно!.. съ вами я горжусь моимъ разрывомъ...
А вы, сударь-отецъ! вы, страстные къ чинамъ!
Желаю вамъ дремать въ невѣдѣньи счастливомъ:
Я сватаньемъ моимъ не угрожаю вамъ!

Другой найдется — благонравный
Низкопоклонникъ и дѣлецъ,
Достоинствами, наконецъ,
Онъ будущему тестю равный...
Такъ! отрезвился я сполна,
Мечтанья съ глазъ долой, и спала пелена!
Теперь не худо-бъ было сряду
На дочь и на отца,
И на любовника-глупца,
И на весь міръ излить всю желчь и всю досаду!
Съ кѣмъ былъ? Куда меня закинула судьба?
Всѣ гонятъ! всѣ клянутъ!.. Мучителей толпа,
Въ любви предателей, въ враждѣ неутомимыхъ,
Разсказчиковъ неукротимыхъ,
Нескладныхъ умниковъ, лукавыхъ простяковъ,
Старухъ зловѣщихъ, стариковъ,
Дряхлѣющихъ надъ выдумками, вздоромъ! —
Безумнымъ вы меня прославили всѣмъ хоромъ...
Вы правы: изъ огня тотъ выйдетъ невредимъ,
Кто съ вами день пробыть успѣетъ,
Подышитъ воздухомъ однимъ, —
И въ немъ разсудокъ уцѣлѣетъ!..
Вонъ изъ Москвы! Сюда я больше не ѣздокъ...
Бѣгу... не оглянусь... пойду искать по свѣту,
Гдѣ оскорбленному есть чувству уголокъ!
Карету мнѣ! карету!..

(Уѣзжаетъ).

ЯВЛЕНІЕ 15-е.

Кромѣ Чацкаго.

Фамусовъ

(долгое время стоитъ въ остолбенѣніи).

Ну, что? Не видишь ты, что онъ съ ума сошелъ? —
Скажи серьезно!
Безумный! что онъ тутъ за чепуху мололъ!

«Низкопоклонникъ»! «тесть»! и про Москву такъ
грозно!
А ты меня рѣшилась уморить! —
Моя судьба еще-ли не плачевна?..
Ахъ, Боже мой! — что станетъ говорить
Княгиня Марѣя Алексѣвна!..

Конецъ.

1824 г.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Д. И. ФОНВИЗИНЪ.

Стр.

Біографическая справка 3

Бригадиръ, комедія 5

Недоросль, комедія 71

В. В. КАПНИСТЪ.

Біографическая справка 161

Ябеда, комедія. 163

А. С. ГРИБОѢДОВЪ.

Біографическая справка 257

Горе отъ ума 259

BINDING LIST OCT 1 5 1948

460264
LR.C ...
B9423ru
Bunin, Ivan Alekseevich (ed.)
Русскіе писатели.
[Transliterated: Russkie pisateli:]
DATE.
NAME OF BORROWER.

University of Toronto
Library

DO NOT
REMOVE
THE
CARD
FROM
THIS
POCKET

Acme Library Card Pocket
LOWE-MARTIN CO. LIMITED